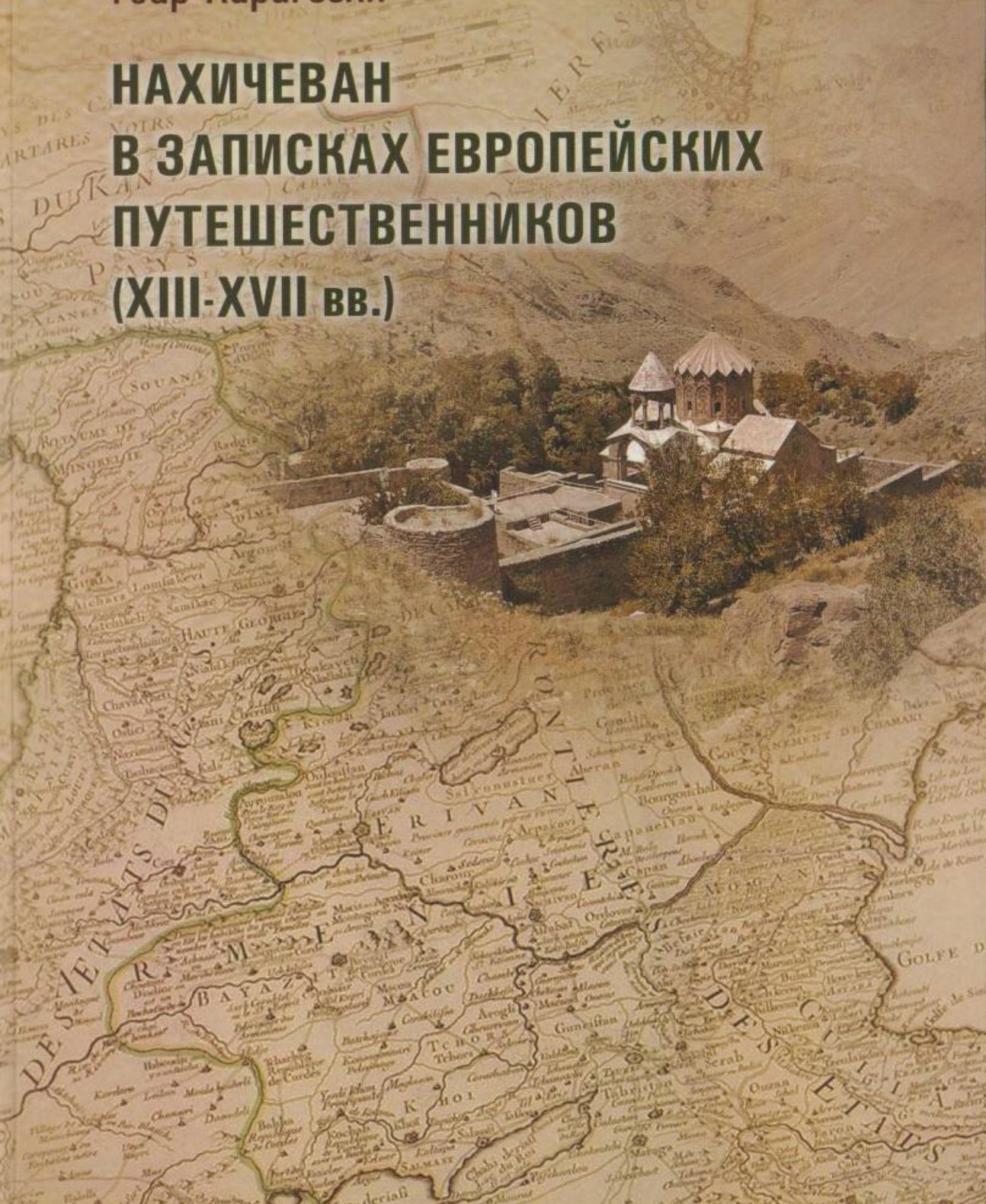

Гоар Карагезян

**НАХИЧЕВАН
В ЗАПИСКАХ ЕВРОПЕЙСКИХ
ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ
(XIII-XVII вв.)**

Книга печатается при содействии
Всеармянского фонда арменоведческих
исследований НАН РА

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ
ԱԶԳԱՅԻՆ ԱԿԱԴԵՄԻԱ
Մ. ԱԲԵԴՅԱՆԻ ԱՆՎԱՆ ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ

ԳՐՀԱՐ ԿՐԱԳՅՈՋՅԱՆ

ՆԱԽԻՋԵՎԱՆԸ
ԵՎՐՈՊԱՅԻ ՃԱՆԱՊԱՐՀՈՐԴՆԵՐԻ
ՈՒՂԵԳՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐՈՒՄ
(XIII – XVII դդ.)

ԵՐԵՎԱՆ
ՀՀ ԳԱԱ «ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆ» ՀՐԱՏԱՐԱԿՉՈՒԹՅՈՒՆ
2019

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ
ИНСТИТУТ ЛИТЕРАТУРЫ ИМ. М. АБЕГЯНА

ԳՕՐ ԿԱՐԱԳԵՅՅԱՆ

НАХИЧЕВАН
В ЗАПИСКАХ ЕВРОПЕЙСКИХ
ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ
(XIII – XVII вв.)

ЕРЕВАН
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ГИТУГИОН» НАН РА
2019

УДК 93/94
ББК 63.3
К 210

Печатается по решению
ученого совета Института литературы им. М. Абеяна
НАН РА и Научно-издательского совета НАН РА

Ответственный редактор
доктор филологических наук В. Деврикан

Рецензенты:
доктор филологических наук, профессор Г. Эдоян
кандидат исторических наук А. Бобохян

К 210 Карагезян Г. Л.
Нахичеван в записках европейских путешественников
(XIII – XVII вв.) / Г. Л. Карагезян. – Ер.: Изд-во "Гитутюн" НАН
РА, 2019. – 2 с.

Монография представляет собой историко-литературное исследование
"армянской темы" в записках европейских путешественников, посетивших
Нахичеван в XIII – XVII веках.

УДК 93/94
ББК 63.3

ISBN 978-5-8080-1397-1

© Изд-во "Гитутюн" НАН РА, 2019

ВВЕДЕНИЕ

История Нахичеванской области состоит из взлетов и падений, из череды сменяющих друг друга правлений и экспансий. Нахичеван (Нахчаван-Нахиджеван¹), будучи средоточием транзитных торговых путей древнего мира, был одним из значимых центров общественной, политической и культурной жизни армянского народа. «Нахичеван древен, как и сама история» («*Nakhtchévan est vieille comme l'histoire*»)², – включает посетивший Нахичеванский край известный ученый и путешественник Фредерик Дюбуа де Монперё.

И действительно, по данным археологических раскопок, проведенных на территории Нахичевана³, он являлся одним из самых значительных центров Армении ещё тысячелетия назад. Согласно историческим свидетельствам, территория Нахичевана в IX–VI веках до н. э. была в составе государства Урарту, располагавшегося на территории Армянского нагорья; впоследствии она вошла в состав царств Ервандидов, Арташесидов и Аршакидов. После падения Аршакидов Нахичеванская провинция принадлежала древнему армянскому роду Арцруни.

¹ Артак Варданян на основе анализа местных диалектов выдвинул гипотезу, что не исключено, что первоначальной является форма *Նախիդջևան* (Нахиджеван), а *Նախիջևան* (Нахчаван) – ее видоизмененная форма, см.: Артак Варданян, Вокруг этимологии топонима «Нахиджеван», – в кн.: Сборник научных статей, Ереван, 2017, с. 367–374 (на арм. яз.).

² Frédéric Dubois de Montpereux, Voyage autour du Caucase, chez les Tscherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée, P., 1838, t. IV, p. 9.

³ См.: О. Абибулаев, Энеолит и бронза на территории Нахичеванской АССР, Баку, 1982; В. Алиев, Археологические исследования на территории Нахичеванской АССР, Баку, 1972, с. 14–15; И. И. Мещанинов, Краткие сведения о работе археологических экспедиций в Нагорный Карабах и Нахиджеванский край, Ленинград, 1926, с. 217–240; А. Миллер, Археологические исследования в Нахичеванской республике летом 1926 г., 1926, Ленинград, с. 314–316; V. Bahşaliyev, Archaeology of Nakhichevan, Istanbul, 1997; V. Bakhshaliyev, C. Marro, The Archaeology of Nakhichevan: Ten Years of New Discoveries, Istanbul, 2009; O. Belli, V. Sevin, Archaeological Survey in Nakhichevan, Istanbul, 1998; O. Belli, V. Bakhshaliyev, Nahçıvan bölgesinde orta ve son tunc çağı boya bezemeli çanak, çömlek kültürü, Istanbul, 2001.

Неоценимым вкладом в изучение армянских исторических памятников Нахичевана являются труды Аргам Айвазяна (см. список литературы).

Согласно «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци, территория Нахичевана была частью древнего армянского царства еще с VI века до н. э. Согласно «Истории Армении», Тигран I Ервандуни поселяет Ануйш, первую жену Аждахака⁴, и многих девиц из его потомства, вместе с юношами и множеством – более десяти тысяч, пленных, «на восточном склоне великой горы до пределов (области) Голтн, а именно – в Тамбате, Оскиоле и Дажгуйнке, а также в других дастакертах, одним из которых является Вранджуник, (расположенных) вдоль реки до места, находящегося напротив крепости Нахчавана. (Отводит им) также три авана – Храм, Джулу и Хошакуник – по другую сторону реки, всю равнину от Ажданакана до той же крепости Нахчавана»⁵.

Дальнейшая история края – это различные по жестокости формы политической деспотии, перманентные войны, захваты, покорения. Как заметил Ю. Веселовский, «история ее [Армении] превращается в сплошной мартиролог. Ассирийцы, парфяне, римляне, персы, арабы, византийцы, греки, монголы, турки – в разное время завоевывали, опустошали, вырывали друг у друга несчастный край...»⁶.

Сказанное можно с полным основанием отнести и к Нахичеванскому краю – Нахичевану.

В середине VII века Нахичеван попал под власть Арабского халифата (Армянский эмират)⁷.

⁴ Аждахак – иранский Ажи-Дахака, букв. «Дракон Дахака». Это имя выступает здесь «вследствие внешнего сходства как эквивалент имени мидийского царя Астиага (585–550 гг. до н. э.), который был свергнут Киrom»; у Мовсеса Хоренаци, соответственно, Тиграном, в союзе с Киrom, см.: Мовсес Хоренаци, История Армении, пер. с древнеарм. Г. Саркисяна, «Айастан», Ереван, 1990, ком. 158.

⁵ Мовсес Хоренаци, История Армении, с. 44 – 45.

⁶ Ю.А. Веселовский, Очерки армянской литературы, истории и культуры, Ереван, 1972, с. 421.

⁷ По свидетельству историка Гевонда, в этот период «в церквях Нахчавана и Храма» арабы сожгли в церквях представителей армянской знати. 706 год вошел в историю, как «год огня», см.: История халифов вардапета Гевонда, писателя VIII века, СПб., 1862, с. 22.

Впоследствии, в конце XII – начале XIII вв., армяно-грузинские войска под командованием амирспасалара Закарэ и атабека Иванэ, отвоевав у сельджуков армянские провинции, в том числе Сюник «и близлежащие крепости, города и гаварь», отомстили за сожженных в церквях Нахчавана армянских нахараров, предав огню «князей и людей светских – взамен

В конце IX – начале X веков Нахичеван был отвоёван у арабов (до конца IX века он являлся частью области Васпуракан, а с X века стал частью области Сюник).

Начиная с XI века, Нахичеван стал непрерывно подвергаться нападению разных племен, которые в различные времена устанавливали здесь свою власть.

При султane Алп-Арслане (1063 – 1072) турками-сельджуками была завоевана почти вся Армения, включая Нахичеванский край. В XII столетии он попал под власть государства Ильдегизов. В XIII–XIV вв. территория Нахичевана подверглась нашествию монголов и Тамерлана (Тимура). В XV в. Нахичеван входил в состав государств Кара-Коюнлу и Ак-Коюнлу. В последующих столетиях – XVI–XVII вв., территория Нахичевана попеременно оспаривалась Османской Турцией и Сефевидским Ираном.

Участник крымской войны, автор известного пятитомного труда «Кавказская война» В. Потто следующим образом осмысливает историю Нахичевана: «В течение многих веков, пронесшихся над нею, Нахичевань испытала множество бедствий и от внешних врагов, и от внутренних переворотов, которыми так богата история Армении. Со II-го века город переходить уже изъ рукъ въ руки и принадлежить то армянамъ, то персиянамъ, то туркамъ. Сколько разъ онъ былъ разрушенъ и жители его исстребляемы поголовно. Но городъ возникалъ из развалинь съ прежнимъ блескомъ, и населеніе его не уменьшалось»⁸.

Воистину, Нахичеван на протяжении веков перенес тяжелые испытания. Одни завоеватели сменялись другими, одна власть вытесняла другую, одни уходили с исторической арены, другие приходили. Помимо политико-экономической и этнической экспансии каждая вновь пришедшая власть проводила культурную экспансию, что приводило к размыванию и вытеснению национальных и культурных ценностей автохтонного населения и навязыванию покоренному народу своего вероисповедания, своих традиций, норм и обычаев. Прежде всего велась политика омусульманивания населения, подавления христианства и выдавливания христианского элемента. В силу сложившихся условий, одни были вынуждены сами покидать родные пределы, других сгоняли со своих исконных земель насильственно, сжигая их дома и грабя имущество. Однако Нахиче-

армянских ишханов», см.: Киракос Гандзакечи, История Армении, М., 1976, с. 129.

⁸ В. Потто, Кавказская война, С.-Петербургъ, т. 3, 1888, с. 341.

ван, непрерывно опустошаясь, вновь населялся армянами. И это было ничем иным, как зовом земли, психологией оседлого народа, привязанного к земле своих предков, и, соответственно, к своим корням и традициям, заложенным в человеке на генном уровне. Возвращаясь на прародину своих отцов, армяне пытались воссоздать разрушенный мир: восстанавливали церкви, строили дома, занимались земледельческой и торговой деятельностью. Пытаясь как-то противостоять омусульманиванию, часть их примкнула к лону католической церкви, обретая, как им казалось, защитника в лице Римской церкви. Усилиями армян-католиков были созданы духовные, учебные и научные центры, которые вели научно-литературную и переводческую деятельность. Все это и многое другое не осталось незамеченным европейскими путешественниками. Их травелогии содержат богатый историко-литературный материал о стране и народе и являются важным источником сведений по Армении. Европейский взгляд на Нахичеван позволяет не только дополнить сведения, заключенные в армянской и восточной историко-географической литературе, но и по-новому осмыслить некоторые реалии Нахичеванского мира.

Как правило, в травелогах европейских путешественников Нахичеванская область, которая лежала на караванном пути из Еревана в Тавриз и Исфахан, воспринималась как составная часть страны Армения и вписывалась ими в границы исторической Армении. Именно поэтому, преподносимый путешественниками материал по Нахичевану рассматривается нами вкуче с описанием пройденных ими других областей Армении.

С целью исследования динамики и структуры образа страны – Нахичевана⁹, мы обратились непосредственно к европейской

⁹ Согласно «Армянской географии» («Ашхарацуйц»-у) Анании Ширакаци, Васпуракан расположен: «к западу от Персармении, рядом с Корджайк, имеет 36 областей: 1. Рештуник, 2. Тосб, 3. Будуник, 4. Арчишаковит, 5. Аговит, 6. Кугановит, 7. Арберани, 8. Дарни, 9. Бужуник, 10. Арнойотн, 11. Андзевацик, 12. Атрпатуник, 13. Еритуник, 14. Мардастан, 15. Артаз, 16. Аке, 17. Великий Албак, 18. Андзахадзор, 19. Торнаван, 20. Чуашрот, 21. Крчуник, 22. Мецнуник, 23. Палуник, 24. Гукан, 25. Агуандрот, 26. Патспаруник, 27. Арташезьян, 28. Артаваньян, 29. Бакан, 30. Гапитьян, 31. Газрикан, 32. Танкриан, 33. Варажнуник, 34. Обильный вином Гохтн, 35. Нахчуан с городом того же имени, и 36. Маранд.

Сюник [расположен] к востоку от Айрарата, между Ерасхом (Араксом) и Арцахом, имеет 12 областей: 1. Ернджак, 2. Чагук, 3. Вайоц-дзор, 4. Геллакуни с морем, 5. Сотк, 6. Агахечк, 7. Цгак, 8. Габанд, 9. Багк или Балк,

литературе путешествий XIII–XVII веков, разбив работу на четыре главы.

Первая глава – «Нахичеван в записках европейских путешественников XIII–XV веков», охватывает путевые записи Гийома де Рубрука, Роджера Бэкона, Иоганна Шильтбергера, Руи Гонсалеса де Клавихо, Иоанна де Галонифонтибуса, Журдена де Северака, Катерино Зено, Иосафата Барбаро, Амброджо Контарини и анонимного купца («Путешествие анонимного купца в Персию»).

Вторая глава – «Нахичеван в записках европейских путешественников XVI века», содержит информацию по Нахичеванскому краю в реляциях Дон Жуана Персидского, Энтони Джекинсона, Энтони Ширли, Роберта Ширли.

Третья глава – «Нахичеван в записках европейских путешественников XVII века», состоит из четырех подглав:

«Нахичеван в записках европейских путешественников 1600–1630 годов» (Джон Ньюбери, Джон Картрайт, Георг Тектандер, Стефан Какаш, Антонио де Гувеа, Пьетро делла Валле, Гарсиа де Сильва Фигероа, Габриель де Шинон, Анри де Фейнес);

«Нахичеван в записках европейских путешественников 1630–1650 годов» (Отец Филипп из ордена босых кармелитов, Адам Олеарий);

«Нахичеван в записках европейских путешественников второй половины XVII века» (Жан-Батист Тавернье, Жан Шарден, Поль Лука, Франсуа де Ла Буле-Ле Гуз);

«Нахичеван в записках европейских путешественников-миссионеров 1650–1700 годов» (Александр де Род, Жак Виллот, Франсуа Пике).

Четвертая глава – «Развитие образа Нахичевана в записках европейских путешественников XIII–XVII веков».

Значительная часть переводов записок европейских путешественников принадлежит автору монографии.

10. Дзорк, 11. Аревик, 12. Кусакан», см.: Армянская География VII века по Р. Х. (Приписывавшаяся Моисею Хоренскому), пер. с др.- арм. и коммент. К. П. Патканова, СПб., 1877, с. 47–48.

НАХИЧЕВАН В ЗАПИСКАХ ЕВРОПЕЙСКИХ
ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ
XIII–XV ВЕКОВ

Жанр хождения является одним из основных источников по которым создавался, а нередко уточнялся и переосмысливался образ Армении в европейской литературе. Западноевропейские хождения по восточным землям содержат в себе элементы паломнической литературы, эволюция которой привела к развитию нового жанра – жанра путешествий, унаследовавшего от паломнической литературы традицию обращения к Армении. «Описания путешествий, – пишет Б. Л. Рифтин, – ... в большинстве стран тесно связаны с религиозной практикой хождений в святые места и позже – с миссионерской деятельностью»¹⁰.

Миссионерская деятельность с целью приобщения к Римской церкви народов и стран не католического мира и расширения сферы влияния Запада на Востоке лежала в основе большинства западноевропейской литературы путешествий этого периода. Имея своей основной задачей реализацию программы католического проникновения в восточные страны, путешествующие миссионеры знакомились попутно с материальной и духовной культурой стран восточного мира. Их отчеты о положении дел на Востоке, и, в частности, в Армении, содержат множество самых разнообразных сообщений о политическом, экономическом, конфессиональном состоянии стран Востока, об их географическом расположении и природных богатствах.

Начиная с XIII века заметно возрастает число направляющихся в восточные страны путешественников. Именно в этот период, в 40-ых–60-ых годах XIII века, папа Иннокентий IV, король Людовик Святой и другие европейские государи направляют в страны Центральной и Южной Азии ряд миссий и посольств, что было связано со своеобразной эпохой в истории политических, экономических, культурных связей Востока и Запада.

¹⁰ Б. Л. Рифтин, Типология и взаимосвязи средневековых литератур, – в кн.: Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада, М., «Наука», 1974, с. 18.

Возникновение могущественного Монгольского государства, достигшего неслыханных размеров и подошедшего к восточным рубежам Западной Европы, не могло не встревожить Запад. Одновременно с этим возникает идея христианизации монгольских орд и их использования в качестве союзников против арабов и сельджуков, представляющих реальную угрозу для основанных крестоносцами на Востоке христианских государств. Отсюда в XIII веке ряд посольств и миссий к монголам. Их репортажи о путешествиях – травелогии, расширившие представления европейцев об Азии, ознаменовали новый этап в изучении Западной Европой стран и народов Востока, включая Армению и армян. Как известно, пути, ведущие в Монгольскую империю, по которым следовали европейские путешественники, лежали через Ближний и Средний Восток и совпадали с основными торговыми магистралями, проложенными купцами ещё в древности.

Пробираясь в ставку монгольского хана, путешественники, пользуясь малоазиатскими-иранскими путями, пересекали ряд стран, в том числе Великую и Киликийскую Армению. Одной из главных узловых станций в этом направлении была гавань Айас, из которой путешественники направлялись в Себастию (Сивас), откуда шла прямая дорога через Великую Армению в Тавриз, где пути от Средиземного и Чёрного морей скрещивались с караванными путями от Персидского залива, из Китая, Индии и Средней Азии¹¹.

Караванная магистраль, связывающая отдаленные районы Азии с европейскими странами, проходила через Тавриз – Джугу (Джюльфу) – Нахичеван – Эрзерум. Одна ветвь шла через Байбурт к Трапезунду, другая в Ерзнка (Эрзинджан) и Себастию, оттуда – в Айас¹². Таким образом маршрут направляющихся на Восток путешественников проходил через территории Киликийского армянского государства и Великой Армении.

Отрезок маршрута Эрзерум – Тавриз¹³ предполагал посещение и Нахичеванского края с его известным городом Нахичеваном.

¹¹ Г. Г. Микаелян, История Киликийского армянского государства, Ереван, 1952, с. 361; Я. А. Манандян, О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних веков, Ереван, 1954, с. 287.

¹² В. Хейд делит весь путь Айас – Тавриз на четыре отрезка: Айас – Себастия (Сивас), Себастия – Ерзингян (Эрзинджан), Ерзингян – Эрзерум, Эрзерум – Тавриз, см.: W. Heyd, Histoire du commerce du Levant au Moyen Age, t II, Leipzig, Harrassowitz, 1936, p. 112–114.

¹³ Из Эрзерума в Тавриз существовал также торговый путь через Хой, Арчеш и Маназкерт.

Гийом (Виллем) де Рубрук (ок. 1220 г. – ок. 1293 г.)

Заслуживающий внимания материал относительно Нахичевана вкпе с многообразной палитрой сведений по Великой и Киликийской Армении заключен в «Путешествии в восточные страны» Гийома (Виллема) де Рубрука (Рубруквиса) – фламандского монаха-минорита, участника VII крестового похода, совершившего по поручению французского короля Людовика IX путешествие к монголам. Прежде чем обратиться непосредственно к тексту

«Путешествия...» относительно Нахичевана, попытаемся восстановить маршрут передвижения Рубрука, который проходил по интересующей нас местности.

Перед тем, как пуститься в путешествие, Рубрук провел несколько месяцев на Ближнем Востоке¹⁴. Весть о назначении послем в Монголию он получил во время своего пребывания в Акре. Из Акры он отбывает в Константинополь, и оттуда продолжает свой путь на Восток – сначала в лагерь Бату-хана, оттуда в Каракорум, к Мангу-хану. После двухмесячного пребывания в Каракоруме, он в июне 1254 года выезжает в Палестину¹⁵. От Сарая он сворачивает на юг и через Дербент, Шемаху, Муганскую степь подходит к Араксу, который, по описанию Рубрука, «из Великой Армении течет прямо в юго-западном направлении. От него земля именуется Арарат, а это и есть сама Армения. Отсюда в книге Царств сказано про сынов Сенахерибовых, что, убив отца своего, они убежали в землю Армян, у Исаии же сказано, что они убежали в землю Арарат»¹⁶.

¹⁴ Н. П. Шастина, Путешествия на Восток Плано Карпини и Гильома Рубрука. Вступительная статья, – в кн.: Джиованни дель Плано Карпини, История Монгалов, Гильом де Рубрук, Путешествие в восточные страны, М., 1957, с. 16.

¹⁵ Из Каракорума Рубрук возвратился в Палестину, следуя по маршруту Семиречье – Северное Приаралье – Старый Сарай – Дербент – Нахичеван – Ани – Себастья – Конья – Антиохия – Акка – Фамагуста.

¹⁶ Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Гильома Рубрука, с. 187.

Так, поднимаясь вдоль Аракса, о котором сказано, «что моста не терпит Аракс»¹⁷, Рубрук доходит до Аарзерума (Эрзерума), расположенного «по ту сторону горы, на которой начинается Аракс...»¹⁸. Из Эрзерума, где «поблизости начинается Евфрат», он направляется «в Наксуа» (Нахичеван), «который прежде был столицей некоего великого царства и величайшим и красивейшим городом; но Татары обратили его почти в пустыню»¹⁹. Прежде в нем было восемьсот армянских церквей (*octingente*²⁰ *ecclesie Hermenogum*), а теперь только две маленьких, а остальные разрушили Саррацины²¹. В одной из них я справил, как мог, с нашим причетником праздник Рождества. А на следующий день умер священник этой церкви; для похорон его прибыл епископ с 12 монахами из горцев. Ибо все епископы армян, равно как по большей части и греческие, суть монахи».

Армянский епископ (*episcopi Hermenorum*), прибывший в Нахичеван, рассказал Рубруку о близлежащей церкви²², в которой замучили «блаженного Варфоломея, а также блаженного Иуду Фаддея»²³.

¹⁷ Рубрук цитирует 728 строку VIII главы из «Энеиды» Вергилия.

¹⁸ Гильом де Рубрук, Путешествие в восточные страны, с. 188.

¹⁹ Известный турецкий путешественник XVII в. Эвлия Челеби (1611–1682 (?)) также касается губительных последствий для Нахичевана татаро-монгольских завоеваний: «Этот город в древности был основан шахом Афрасиабом (легендарный царь, герой мифологической части «Шах-наме» Фирдоуси - Г.К.). И ныне [еще] видны могилы, где похоронены его предки. При его правлении [область] Нахичевань была настолько благоустроена, что на полях невозможно [было] найти ни одного шага пустого места. Позднее монгольское племя,..... прибыло сюда с многочисленным войском, уничтожило красоту этого города», см.: Эвлия Челеби, Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Вып. 3. Земли Закавказья и сопредельных областей Малой Азии и Ирана, М., «Наука», 1983, с. 236.

²⁰ *Octingenti* переводится как «восемьсот», а *octōgēni* – как «восемьдесят».

²¹ «*Baatu autem fecit me deduci ad quamdam civitatem que dicitur Naxuam, que solebat esse capud cujasdam magni regni et maxima et pulcherrima civitas; sed Tartari redigerunt eam quasi in solitudinem. Et solebant esse in ea octingente ecclesie Hermenorum; modo non sunt nisi due parvule, Sarraceni enim destruxerunt eas*», см.: Relations des voyages de Guillaume de Rubruk, Bernard le Sage et Sæwulf ..., par Francisque Michel, P., 1839, p. 188 – 189.

²² Речь идет о монастыре Святого Фаддея (Սուրբ Բադեայի վանք), расположенного в горном районе, в 20 км от города Маку.

²³ Иуда Иаковлев или Леввей – согласно Библии – один из 12 апостолов, брат Иакова Алфеева. При этом он назван «Иуда, не Искариот», чтобы отличить его от Иуды – предателя.

Рубрук сокрушается, что ему не удалось ее посетить, поскольку «из-за снегов дорога туда была недоступна»²⁴. Епископ поведал ему также, что «у них два пророка: первый – мученик Методий (Methodius), принадлежавший к их народу; он пророчествовал обо всем, что случится с израелитами, и это пророчество исполнилось на сарацинах. Другого пророка зовут Акатрон (Acatron, Acatron); он при смерти своей пророчествовал о народе стрелков (de gente Sagittariorum), имеющем прийти с севера, говоря, что они приобретут все земли Востока и [Бог] пощадит царство Востока, чтобы предать им царство Запада, но братья наши, подобно католикам-франкам, им не поверят, и эти стрелки займут земли с севера до юга, проникнут вплоть до Константинополя и займут Константинопольскую гавань. Один из них, которого будут именовать мужем мудрым, войдет в город и, увидя церкви и обряды франков, попросит окрестить себя и даст франкам совет, как убить владыку татар, а их там привести в замешательство. Слыша это, франки, которые будут в середине земли, то есть в Иерусалиме, набросаются на татар, которые будут в их пределах, и с помощью нашего народа, то есть армян, будут преследовать их, так что король франков поставит королевский трон в Тавризе²⁵, что в Персии; и тогда все восточные и все неверующие народы обратятся в веру Христову, и на земле настанет такой полный мир, что живые скажут умершим: «Горе вам, несчастные, что вы не дожили до этих времен». Это пророчество я читал уже в Константинополе, куда его принесли армяне, там пребывающие, но не обратил на него внимания. Но когда я поговорил с упомянутым епископом, то вспомнил о пророчестве и обратил на него больше внимания. По всей Армении они считают это пророчество столь же истинным, как Евангелие»²⁶. Он

²⁴ Об этой «большой и красивой церкви», расположенной вблизи источников, которые выбивались «по мановению апостольского жезла» Симона и Иуды Фаддея, упоминает и Журден де Северак, см.: Jourdain de Sévérac, Les Merveilles de l'Asie, introduction et notes par H. Cordier, Paris, Jacob, 1925, p. 50–52; Чудеса, описанные братом Журденом..., – в кн.: После Марко Поло, перевод, введение и примечание Я. М. Света, М., «Наука», 1968, с. 137.

²⁵ В Тавризе находилась ставка монгольских ханов.

²⁶ Нельзя не заметить сходство этого фрагмента «Путешествия...» Рубрука и следующих строк из поэмы Нерсеса Шнорали «Элегия на взятие Эдессы»:

Живые станут жалеть умерших,
Скорбеть над их могилами:
Почему не дожили до нынешних дней
Редкостного блага всеобщего...

также говорил нам: «Как души в преддверии рая ожидали пришествия Христова, чтобы получить освобождение, так мы ожидаем вашего пришествия, чтобы получить освобождение от того рабства, в котором пребывали так долго».

Эту легенду, как и упоминание о Нахичеване – «городе, который некогда был большим, до того, как Татары его разрушили. И было в нем восемьдесят армянских церквей; когда же брат Гильом (Рубрук – Г.К.) здесь проходил, тут остались лишь две многострадальные», можно обнаружить и в «Большом сочинении» («Opus Majus») Роджера Бэкона.

Роджер Бэкон (ок. 1214 г. – 1292 г.)

М. Алексеев отмечает, что Роджера Бэкона, наряду с Альбертом Великим, следует считать основателем новой географической науки, и усматривает его значение в том, что «бесхитростные и во многом наивные рассказы» Плано Карпини и Гийома Рубрука «он ввел в оборот научной литературы, дав связный географический очерк Азии на основании критического сопоставления новых данных, полученных опытным путем, и всей существующей литературы»²⁷.

В книге IV «Большого сочинения» (1267г.), посвященной математике и представляющей собой также географический очерк-обзор, заключен материал по Нахичевану, почти полностью заимствованный из «Путешествия...» Рубрука. «Великая Армения, – пишет Бэкон, – находится за Каппадокией, к востоку; эта часть Армении таким образом [расположена] к югу относительно Грузии. Но простирается на восток, до Мидии и Месопотамии. Вся эта земля рассматривается как земля Арарат, ибо Исая говорил, что сыновья Сennaхирима, убив отца, бежали в Арарат. В Книге Царств же говорится, что они бежали в Армению. Иероним во второй книге Толкований на пророка Исаию решил эту задачу, говоря, что Ара-

(см.: М. Абемян, История древнеармянской литературы, Ереван, 1975, с. 402).

²⁷ М. П. Алексеев, Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей, Иркутск, 1932, т. 1, с. 24.

рат равнинная область Армении, через которую протекает река Аракс, область невероятно плодородная, расположенная в предгорьях горы Тавр, которая здесь тянется далеко на [юг]. Вот почему вся Армения не является синонимом слова Арарат, а Арарат есть малая часть Армении, что очень важно. Река Аракс, от которой произошло название страны Арарат, от истока имеет длину в три месяца и даже больше. Ее исток – это родник, расположенный на одной горе Армении, это приблизительно в области, где Евфрат течет на север, а Тигр, с другой стороны горы, на юг. Как утверждает Писание, Ноев ковчег остановился в горах Армении, однако не просто в каком-либо месте в горах, а на вершине Тавра, области Арарат, ибо нет кроме него другого места, где бы эти три великие реки брали начало. Св. Иероним во второй книге Толкований на Исаяю утверждает, что Ковчег, в котором Ной спасся после потопа, остановился не где-нибудь в горах Армении вообще, а на горе Тавр, который возвышается над равнинами Арарата. Недалеко от этой горы находится город, который некогда был большим, до того, как Татары его разрушили. И было в нем восемьдесят²⁸ армянских церквей; когда же брат Гийом (Рубрук – Г.К.) здесь проходил, тут остались лишь две многострадальные. Здесь поблизости Пресвятой Варфоломей и Иуда Фаддей претерпели мучения. Кроме того, у них два пророка: первый – мученик Мефодий, принадлежащий к их народу; он пророчествовал обо всем, что случится с Исмаилитами, и это пророчество исполнилось на Сарацинах. Другого пророка зовут Акатон, который предсказал [приход] татар и их уничтожение. Ибо он предупредил, что «народ, вооруженный стрелами», придет с севера, приобретет все земли Востока, тот же народ придет на Запад, т. е. в Константинополь, и там они будут уничтожены правителями Запада. После этого все народы обратятся в веру Христову, и на земле настанет такой полный мир, что живые скажут умершим: «Горе вам, несчастные, кто не дожили до этих времен!» Король христиан поставит королевский трон в городе Taurinus-е, что в Персии. По всей Армении это пророчество считается столь же истинным, как Евангелие. Город Taurinus, о котором шла речь, **ныне называется Нахуат**²⁹, расположен [он] в северной части Армении, и некогда был столицей царства»³⁰.

²⁸ У Рубрука: «Прежде в нем было восемьсот армянских церквей».

²⁹ Нахуат – Нахиа – Нахичеван.

³⁰ «Greater Armenia lies beyond Cappadocia to the east; this part of Armenia is therefore to the south of Georgia, but stretches east as far as Media and

Легко усмотреть схожесть рубруковского текста и отрывка из IV книги «Большого сочинения» Роджера Бэкона. Тем не менее Бэкон вносит некоторые коррективы и дополнения в преподнесенный Рубруком материал по Нахичевану. Так, город *Taurinus*, «который ныне называется *Нахуат*», он делает бывшей столицей Армении и, видимо, беря за основу территорию Великой Армении, располагает его в северной части Армении. Если у Рубрука в Нахичеване некогда было восемьсот армянских церквей, то у Бэкона – восемьдесят: возможно, ему показалось преувеличением наличие в горо-

Mesopotamia. The whole region is regarded by many as the land of Ararat, because of the passages in Isaiah, which tells us that the sons of Sennacherib fled into Ararat when their father was killed. But in the Book of Kings it says that they fled into Armenia. Jerome solved this puzzle in the second book of his Commentary on Isaiah by explaining that Ararat is a rustic part of Armenia, through which flows the river Araxes; it is a region of unbelievable fertility in the foothills of Mt. Taurus, which here extends this far [south]. So Ararat is not a synonym for all Armenia, but a part of it which, small as it is, is of great importance. The Araxes River, from which the region of Ararat gets its name, flows from its headwaters a distance of three months journey or more. Its source is a spring in a mountain in Armenia, near the region where the Euphrates rises to its north and the Tigris on the other side of the mountain to the south. Now in the mountains of Armenia, as Scripture asserts, Noah's Ark settled down-but not just anywhere in the mountains, for there is no other place among them where these three mighty rivers arise, except near the highest peak of Mt. Taurus, the region of Ararat. Such is the reasoning of Jerome in the second book On Isaiah: the Ark in which Noah was saved rested, not at an unspecified place in the mountains of Armenia, but near the highest part of Mt. Taurus, which looms over the fields of Ararat. Near those mountains is a city which was very great indeed until the Tartars destroyed it. It used to contain eighty Armenian churches; but in the time of Friar William's journey thither there were only two miserable ones. Nearby the Blessed Bartholomew, and Jude and Thaddeus suffered martyrdom. Furthermore, two prophecies were made there: one by the Blessed Methodius, a native of the place, who gave clear warning of the Ishmaelites, fulfilled by the coming of the Saracens. Their other prophet was named Akaton, who foretold the [coming of] the Tartars and their destruction. For he warned that "a nation armed with arrows will descend from the north, crush all the kingdoms of the east. They will drive on the realm of the west- that is, to Constantinople - and there they will be destroyed by the princes of the west. Afterward all the nations will be converted to belief in Christ, and such a peace will be universal that the living will pity the dead, "Poor souls, who did not live to see this day!" Then the Christian ruler will set his throne in Taurinus, a city of Persia. The Armenians treat this prophecy as gospel. This city of Taurinus, now called Naxuam, used to be the capital of the kingdom, it lies in the northern part of Armenia», см.: Roger Bacon, Operis majoris, pars quarta, Mathematicae in divinis utilitas, Translation Copyright 1996 by Herbert M. Howep, p. 163–364.

де такого количества церквей. Что касается оставшихся двух церквей, то он нарекает их *многострадальными*, показывая в какой-то степени и свое отношение к участи христианских святынь, разрушенных татарами (народом стрелков (*de gente Sagittariorum*) в рубрукском тексте), и тем самым лишний раз напоминает о разрушительных последствиях монголо-татарских завоеваний.

Вернемся к нахичеванскому отрезку пути Рубрука. Именно здесь он услышал от армянского епископа известную легенду о Святом Акопе Мцбнеци. «Упомянутый епископ рассказал мне, – пишет Рубрук, – что один монах очень интересовался этим восхождением, но ему явился ангел, принес ему дерево от ковчега и сказал, чтобы он больше не трудился. Это дерево хранилось, как они мне говорили, у них в церкви».

Проживающий в этой местности старик дополнил эту легенду «убедительными» доводами относительно того, почему не следует взбираться на Масис: «Название горы «Массис», и это слово – на их языке женского рода. «На Массис», – пишет он, – никто не должен восходить, так как это – мать мира»³¹. Из «вышесказанного города» Нахичевана, а оставались они «там долго из-за снегов» Рубрук и его попутчики³² приехали в землю Сагенсы³³ – Айни (Ани), в котором «находятся тысяча армянских церквей»³⁴, Арсенген (Ерзнка), где было страшное землетрясение и погибло «10 тысяч лиц...», Себаст, «что в Малой Армении... Так посетили мы гробницу сорока мучеников»³⁵, Курт (Корикос) – «гавань царя Армянского», Ауакс (Айас) – «оттуда переправились на Кипр»³⁶. Таковы основные города и местности, пройденные Рубруком в его путешествии в Каракурм и обратно, которые он описал в своих путевых записях, представляющих собой добросовестный отчет весьма образованного и наблюдательного человека об увиденном и услышанном во время своих перемещений по Востоку, и, в частности, по Нахичевану.

³¹ Гильом де Рубрук, Путешествие в восточные страны, с. 189.

³² Об армянском отрезке путешествия Гильома Рубрука см.: Г. Л. Карагезян, Армения и армяне во французской литературе XI–XIV веков, изд-во АН Арм. ССР, Ереван, 1988, с. 43–49.

³³ Сагенса – искажение от «шахиншах», титула правителей города Ани.

³⁴ Гильом Рубрук, Путешествие..., с. 191.

³⁵ Там же, с. 192.

³⁶ Там же, с. 193.

Иоганн Шильтбергер (1381 г. – ок. 1440 г.)

Среди западноевропейских путешественников средневековья впервые город Нахичеван связывается с местностью остановки Ноева Ковчега в путевых заметках «Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год» баварца Иоганна Шильтбергера. Книга состоит из 67 глав, в заключении дается транслитерация древнеармянского текста «Отче наш» («Հայր Ամեն») латиницей³⁷.

Несколько слов о причинах и обстоятельствах пребывания Шильтбергера на Востоке. В 1396 году в битве при Никополе³⁸ с войском турецкого султана Баязида I Шильтбергер попал в плен к туркам. В 1402 году, после разгрома у Ангоры армии султана Баязида Тимуром (Тамерланом) он оказался сначала в плену у последнего, затем у его сына Шахруха. После тридцатилетнего плена, бежав из рабства, Шильтбергер посетил ряд стран, в том числе и Армению, которой он посвятил несколько глав, не считая заключенных в различных пассажах его повествования многочисленных сведений по Армении и армянам, которые требуют отдельного специального исследования.

«Я также провел много времени в Армении, – пишет Шильтбергер, – по смерти Тамерлана, попал я к сыну его, владевшему двумя королевствами в Армении. Этот сын, по имени Шах-Рох [Шахрух], имел обыкновение зимовать на большой равнине, именуемой Карабаг (Karawag) и отличающейся хорошими пастбищами. Ее орошает река Кур (Chur), называемая также Тигр (Tigris), и возле

³⁷ Геворг Абгарян в статье «Армяне в путевых заметках Шильтбергера» отмечает, что текст «Отче наш» содержится лишь в трех из четырех рукописей. Он отсутствует в нюрнбергской рукописи, см.: Г. В. Абгарян, Армяне в путевых заметках Шильтбергера, «Вестник Ереванского университета», 2(92), Ереван, 1997, с. 103–112 (на арм. яз.).

³⁸ Никополь – город в Болгарии. В 1396 году состоялась битва при Никополе между объединенными силами венгерского короля Сигизмунда, Французского королевства, Ордена госпитальеров и Венецианской республики – с одной стороны, и войском турецкого султана Баязида I – с другой.

берегов сей реки собирается самый лучший шелк. Хотя эта равнина лежит в Армении, тем не менее она принадлежит язычникам, которым армянские селения принуждены платить дань. Армяне всегда обходились со мною хорошо, потому что я был Немец, а они вообще очень расположены в пользу Немцев (пумитч), как они нас называют. Они обучали меня своему языку и передали мне свой *pater noster*»³⁹.

О Нахичеване и прилегающих землях он пишет следующее: «Есть еще город, именуемый Нахичеван (*Nachson, Nachsuon*), у подошвы горы, где остановился ковчег, в котором находился Ной; окрестности сего города плодородны»⁴⁰. И далее: «Затем такая же страна с тремя городами: Мерага (*Maraga*), Хелат (*Хлат*) и Керни»⁴¹.

³⁹ «[In] Armenia pin ich vil gewesen. Nachdem da der Themurlin starb, do cham ich zu des Themurlins sun, wann zwey chönigreich in Armenia hett der Themurlin inn, und die zeit, do ich dynnen was, da hettz des Themurlins sun inn, der genandt was Scharoch; und der was geren in Armenia, wann es ist gar ein schöne haid da und do lag er den winter auff mit seinem gesind, und ist gar gute waide und fleust ein groß wasser durch die haid und das haist Kurman, es haist auch Tigris; und inn dem land würdt die pest seyden pey dem wasser; und die haid hayssset in haidnischer sprach Karabag. Die stete in Armenia haben die haiden all besessen, aber die dörffer sein alles armeny, sie müssen aber den haiden zinspar sein; und zu den Armenigen hett ich alleweg mein wonung, wann sie sein den Theutzschen gar holt und darumb, das ich ein Theutzscher was, do heten sie mich schön und lerten mich ir sprach; sie hayssen die Theutzschenn *Nimitzsch*», см.: Hans Schiltbergers Reisebuch nach der Nürnberger Handschrift Herausgegeben, Tübingen, 1885, S. 99, § 62 [Schiltbergers aufenthalt in Armenien. Beschreibung dieses landes].

⁴⁰ «Auch ist ein stat, die haist Nachzzvon und die ligt an dem perg, do die arch auff steet, do der Noe inn ist gewesen; und die stat hat ein guttes landt» (Tübingen, 1885 S. 58); «Oh ist ein stat gehaissen nachson. Die liegt an dem berg do die arch off statt, do der noe inne gewesen ist, und hat ein guts landt» (Reisen des Johannes Schiltberger aus München in Europa, Asia und Afrika von 1394 bis 1427, München, 1859, § 33, S. 100); Иоганн Шильтбергер, Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 г., Записки Императорского Новороссийского ун-та, перевел с нем. и снабдил примечаниями Ф. Брун, Одесса, 1867, т. 1, гл. 33, с. 48.

⁴¹ «Es ist auch ein stat, genant Maragare und hatt auch ein guts landt. Es ist auch ein stat die haisset Glat und hatt auch ein gut landt. Es ist ein stat, die haisset Kirna und hatt ein gut lant umb sich», Hans Schiltbergers Reisebuch ..., Tübingen, S. 58.

Kirna – это не Карни (Гарни), как предполагает автор комментариев «Путешествия» Шильтбергера (Иоганн Шильтбергер, Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год, издание, редакция и примечание Э. М. Буниятова, Баку, 1984, с. 41, прим. 172), а расположенная близ Нахиче-

Есть также город, именуемый Магу⁴² (*Meua, Magu*) и лежащий на горе; в этом городе есть епископ, а жители католики. Их священники доминикане, служащие обедню на армянском языке»⁴³.

Не обходит он вниманием и расположенный в гаваре Ернджак ашхара Сюник город Ернджак: «Есть также город Алиндже⁴⁴ (*Advitze, Alnitze*), которым Тамерлан⁴⁵ овладел только после шестнадцатилетней осады»⁴⁶.

Этот город, а также крепость одноименного названия, которую

вана деревня Кырна (Կրնիւշ), ныне Крна (Բրնիւշ). Как видим, Шильтбергер приводит первое название села – Kirna (Կրնիւշ).

⁴² Город Магу расположен в Артазе – пятнадцатом гаваре ашхара Васпуракан Великой Армении.

⁴³ «Es ist auch ein stadt, die ligt in ainem perg und die haisset Magu; und ist ein pistumb do und halten do römischen glauben und die prister sein prediger ordens und singen und lesen nur in armenischer sprach», S. 58.

⁴⁴ Ернджак – город и крепость гавара Ернджак ашхара Сюник Великой Армении, расположенные на правом берегу реки Ернджак (ныне Алинджачай) – левого притока реки Аракс.

⁴⁵ В конце XII в. крепость Ернджак принадлежал князю Эликуму Орбеляну, которую он получил в дар от сельджукского атабека Шамс ад-Дина Ильдегиза, см.: Степанос Орбелян, История области Сисакан, Тифлис, 1910, с. 393.

Крепость Ернджак по данным, приведенным Алишаном, оставалась в руках сюникских феодалов вплоть до 1358 г., после была взята войсками Саталмиша. В течение 1386–1403 гг. войска Тамерлана (Ленг-Тимура) неоднократно совершали набеги на Армению. Однако крепость Ернджак в течение нескольких лет оставалась для Тамерлана неприступной. Блокада крепости с небольшими перерывами продолжалась около 14 лет (см.: В. Г. Тизенгаузен, Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, Ленинград, 1941, т. 2, с. 125).

О событиях, связанных с тимуридским периодом истории Армении, и, в частности, с историей захвата города-крепости Ернджак, повествует современник событий, историк XV в. Товма Мецопеци (1378–1446). Ниже приводим отрывок из его «Истории..»: «В 836 г. нашего летосчисления (1387) в восьмилетней войне [Тимурленг] овладел страной Хорасан, оттуда совершил поход и захватил стольный город Шахастана Таврзз. Затем двинулся на Сюникский край, крепость Еринджак, после этого напал на землю Чакатуц, взял город Сурб Мари, до основания разрушил нашу крепость, укрепленную благородным родом Багратидов и угнал в плен всех [жителей] города и близлежащих сел», см.: Товма Мецопеци, История Тимурленга и его преемников, пер. с древнеарм. предисловие и комментарии К. С. Тер-Давтян, Ереван, «Наири», 2005, с. 24–25.

⁴⁶ Иоганн Шильтбергер, Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год, пер. Ф. К. Бруна, Записки Императорского Новороссийского ун-та, т. 1, 1867, с. 48–49.

историк Степанос Орбелян именовал «Неприступный (Анарик, Անարիկ) Ернджак», упоминают многие пересекавшие Нахичеванский край путешественники.

Карта Р. Хьюсена, Сюник в VII - XI вв.

Руи Гонсалес де Клавихо (? – 1412 г.)

Обращается к этому городу – крепости и известный кастильский дипломат и путешественник Руи Гонсалес де Клавихо, который в начале XV века в своих путевых заметках рассказывает о путешествии испанского посольства в 1403 – 1406 гг. ко двору Тимура в Самарканд («Historia del gran Tamorlan»). Проследим за маршрутом передвижения Клавихо по армянской земле, конечным пунктом которого был город-крепость Ернджак.

Из порта Санта-Мария посланники отплыли в Константинополь, и далее – в Трапезунд. В 1404 году от Трапезунда посольство двинулось в направлении Арсинга (Arsinga, Ерзнка) – города, который «выстроили армяне, и в [городской] стене во многих местах был выложен из камня знак креста»⁴⁷.

Миновав Пагаррикс (Pagarrix, Багарич), в котором «два конца: один – армянский, а другой – турецкий. Говорили, что около года тому назад, когда Тамурбек проходил по этим местам, он отдал приказ разрушить армянские церкви, а армяне, чтобы их не трогали, отдали ему три тысячи асперов»^{48, 49}, путешественники прибыли в Асерон (Aseron, Эрзерум), который «ранее принадлежал армянским христианам, и в нем жило много армян»⁵⁰.

Заночевав в селении под названием Partir-Juan (Бадижван), владении города Ауники (Auniqui, Авник), «сильного и независимого, хотя и принадлежащего армянам»⁵¹, двинулись в направлении Исчу (Ischu, Илинджа), в «котором проживало много армян»⁵², далее остановились «в селении под названием Делуларкент (Delu-

⁴⁷ Луи Гонсалес де Клавихо, Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403–1406), М., 1990, с. 64.

⁴⁸ Аспр – греческое наименование мелкой серебряной монеты XIV–XIX веков «акче», обращавшейся на территории Османской империи и сопредельных государств.

⁴⁹ Луи Гонсалес де Клавихо, Дневник путешествия в Самарканд, с. 69.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же.

larquente, Дели-Баба), что означает Поселение безумных. Те, что жили там, были мавры...»⁵³.

На другой день посланники переночевали в одном селении, называемом Науджуа (Naujua, Нахичеван), «здесь же жило много армян»⁵⁴.

На следующий день прибыли в город Кальмарин (Calmarin, Сюрмари, Сурмалу или Сурб Мари (Սյրբ Մարի), который «считается первым, выстроенным в мире после потопа, и отстроило его племя Ноя... А большинство жителей этого города были армяне».

Назавтра «заночевали в одном высоком замке, стоящем на вершине скалы..., а назывался он Эгида (Egida, Игдир),... располагался у подножия высокой горы Ноева ковчега»⁵⁵. Следующая стоянка – замок Васит (Vasit, Баязид), расположенный «на вершине высокой скалы, на удивление неприступный, а у её подножия... располагался город»⁵⁶.

Тринадцатого мая путь лежал у подножья горы Ноева ковчега: «Пройдя половину пути [вокруг] горы, у ее подножия [посланники] увидели большой город, который уже давно был необитаем. Он тянулся на добрую лигу, и [местные жители] рассказывали, что это был первый город на земле после потопа, и что его построил Ной со своими соплеменниками». Ле Стрэндж, переводчик «Дневника путешествия в Самарканд» на английский язык, высказывает предположение, что Клавихо видел развалины древней Арташаты⁵⁷.

В воскресенье подошли к замку, называемому Маку (Macu), «который принадлежал одному христианину-католику по имени Норадин (Нур ад- Дин), и все обитатели его также были христиане-католики, хотя по происхождению они армяне, и язык у них армянский. В этой же местности находился монастырь братьев святого Доминика»⁵⁸.

На другой день, по дороге из Маку в Хой⁵⁹, им «показали замок с левой стороны, называемый Алинга (Alinga, Ернджак). Он

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же, с. 70.

⁵⁵ Там же, с. 71.

⁵⁶ Там же, с. 72.

⁵⁷ Clavijo, Embassy to Tamerlane, translated from the Spanish by Guy Le Strange, New York, London, 1928, p. 352.

⁵⁸ Луи Гонсалес де Клавихо, Дневник путешествия в Самарканд, с. 74.

⁵⁹ Клавихо посетил Хой («у этого города кончается Персия и начинается великая Армения») также в сентябре 1405-го года, во время вторичного отъезда из Тавриза. Путь его лежал через Алескинар (Алашкерт), Аумиан

стоял на высокой горе, окруженной стеной и башнями, а внутри его было много виноградников, садов и засеянных полей, много воды и пастбищ для скота. А на самом верху был замок.

Когда Тамурбек победил султана персидского, которого звали султан Амад (Ахмед)⁶⁰, и захватил его землю, он скрылся в этом замке Алинга. И [Тамурбек] в нем осаждал его и его людей три года. А [потом] Амад бежал и укрылся у султана Вавилонского⁶¹, где находится и теперь»⁶².

Забегая вперед, отметим, что город и крепость Ернджак привлекали внимание многих путешественников. Так, известный английский дипломат и писатель, секретарь английского посольства в Тегеране Джеймс Морьер в своем «Втором путешествии по Персии, Армении и Малой Азии», совершенном в 1810 – 1816 годах, приводит относительно крепости Ернджак следующие сведения: «На севере этой горы⁶³ находится Alandjek (Ернджак Երնջակ), – крепость, находящаяся в чрезвычайно укрепленном в природном смысле месте, в которой укрывались во времена безвластия местные жители. В истории о Тимуре говорится, что этот завоеватель приказал своему генералу Мирзе-Мираншаху⁶⁴ осадить ее; но он (Шараф ад Дин Али Иезди⁶⁵ – Г.К.) не говорит, была ли она взята. Вероятно, она расположена на месте древней Оланы, которая с Бабирсой, по свидетельству Страбона, были городами, где Тигран

(Ани? Карс?), Аспир (Испир). По дороге посланники «встретили многолюдные селения; в них были красивые церкви и кладбища, на которых над могилами и ямами стояли кресты в рост человека, хорошо сделанные»), см.: Луи Гонсалес де Клавихо, Дневник путешествия в Самарканд, с. 376 – 380.

⁶⁰ Ахмед Джелаири – хан Тавризский, султан из династии Джелаиридов (1382 – 1410).

⁶¹ Аналогичные сведения заключены в «Истории...» Товмы Мецопеци: «А хан тавризский, султан Ахмат, по дороге Востана Руштуника, предводительствуемый эмиром маров Иезидом, бежал к своим родственникам и к своему войску в город Вавилон, ибо к тому времени они властвовали также и над ними», см.: Товма Мецопеци, История Тимурленга и его преемников, с. 23–24.

⁶² Луи Гонсалес де Клавихо, Дневник путешествия в Самарканд, с. 74.

⁶³ Речь идет о горе Оцасар – Змеиной горе (арм. Օձիշր – Змеиная гора).

⁶⁴ Миран-шах (1366 – 1408) – третий сын Тимура, наместник Хорасана в 1380 – 1399 годах.

⁶⁵ Шараф ад Дин Али Иезди – персидский историк и поэт, автор «Зафар-наме. Книга побед Амира Тимура» – одного из основных источников по истории Средней Азии, Ирана и Афганистана конца XIV – начала XV веков.

и Артавазд хранили свои сокровища; она [крепость] расположена близ Артаксать»⁶⁶.

Таким образом, ссылаясь на Шараф ад Дина, чья «Зафарнаме» остается наиболее правдивым и полным описанием жизни и деятельности Амира Тимура⁶⁷, он ставит под сомнение факт взятия крепости Ернджак (Alandjek) Миран-шахом. По Морьеру, крепость Ернджак была хорошо укреплена и служила убежищем для жителей в беспокойные времена. Морьер идентифицирует эту крепость с расположенной близ города Артаксаты страбоновской Бабирсой и Оланой, где «находятся сокровищницы Тиграна и Артавазда (Тигран II Великий и его сын Артавазд II – Г.К.)»⁶⁸.

Описание крепости Ернджак и связанные с ней истории, рассказанные Морьером, не остались незамеченными. В «Статистическом описании Нахичеванской провинции», составленном В. Григорьевым, имеется материал по крепости Ернджак, заимствованный у Морьера. После подробного рассказа о расположении крепости, которую автор видел воочию, ибо описана она явно «с натуры», он переходит к пересказыванию отрывка из «Путешествия...» Морьера, не ссылаясь при этом на последнего: «Во время войны, Аланджак служил убежищем для многих жителей окрестных селений. В истории Тамерлана, написанной Исреф Еддин Алием, упоминается, что завоеватель сей поручал полководцу своему Мирзе Мираншаху овладеть сею крепостцею, но неизвестно, была ли она взята. Некоторые думают, что Аланджак есть древняя Алана, где по свидетельству Историков, Тигран и Артабас скрывали свои сокровища»⁶⁹.

⁶⁶ «Dans le nord de cette montagne, est **Alandjek**, forteresse située dans une position naturelle extrêmement forte, où, dans les temps d'anarchie, se sont réfugiés les habitants du lieu. L'histoire de Timour rapporte que ce conquérant ordonna à son général Mirza-Myranchâh d'en faire le siège; mais il ne dit pas si elle fut prise. Elle occupe sans doute l'emplacement de l'ancienne Olana, qui avec Babyrza, au rapport de Strabon, furent les villes où Tigrane et Artabases tenaient renfermés leurs trésors; elle était placée auprès d'Artaxata», см.: Second voyage en Perse, en Arménie et dans l'Asie-Mineure fait de 1810 à 1816 par Jacques Morier, tome seconde, Paris, 1818, p. 229 – 230.

⁶⁷ Шараф ад Дин Али Иезди, Зафар-наме. Книга побед Амира Тимура, Ташкент, 2008, Предисловие.

⁶⁸ Страбон, География в 17 книгах, перевод, статья и комментарии Г. А. Стратановского, «Ладомир», Москва, 1994, гл. XI, кн. XIV, с. 529.

⁶⁹ В. Н. Григорьев, Статистическое описание Нахичеванской провинции, СПб., 1833, с. 76–77.

Иоанн де Галонифонтибус (?)

К эпохе Тимуридов относится и написанная в 1404 году на латыни «Книга познания мира» («Libellus de notitia orbis») доминиканца Иоанна де Галонифонтибуса (фр. Jean de Gaillfontaine). Рукопись книги была обнаружена Антоном Керном при составлении нового каталога собрания рукописей Университетской библиотеки в Граце и издана в 1938 году⁷⁰. Антон Керн во введении к «Libellus de notitia orbis» отмечает, что Иоанн де Галонифонтибус 6 марта 1377 года был назначен Григорием XI епископом города Нахичевана в Армении, 26 августа

1377 года Бонифаций IX возвел Галонифонтибуса, епископа Нахичеванского, в сан архиепископа Султании в Персии⁷¹.

Книга эта содержит ценный материал по истории, этнографии, религии, фольклору Кавказа, Малой Азии, Ирана, Армении и наряду с путевыми заметками Иоганна Шильтбергера, Руи Гонсалеса де Клавихо, Перо Тафура позволяет как можно полнее воссоздать общую картину жизни восточных народов эпохи позднего средневековья. В основу его сочинения легли как собственные наблюдения и впечатления, так и информация, почерпнутая из записок других

⁷⁰ Der «Libellus de notitia orbis» Iohannes III (de Galonifontibus?) O. P. Erzbischof von Sulthanyeh // Archivum Fratrum Praedicatorum, vol. VIII, 1938, S. 82.

⁷¹ У некоторых исследователей есть сомнения по поводу факта идентификации Иоанна де Галонифонтибуса, епископа Нахичевана, с Иоанном III, архиепископом Султании. Однако это лишь предположения, не имеющие надлежащих обоснований. Автор перевода на русский язык «Книги познания мира» (за исключением раздела об Армении) З. М. Буниятов в комментариях к тексту (им были частично заимствованы комментарии Лайоша Тарди, переведшего текст с латинского сначала на венгерский, а затем на английский языки) несколько уклоняется от уточнения атрибуции этого сочинения, поскольку с его точки зрения, «этот вопрос является маловажным, так как мы интересуемся только событиями, имевшими место после того, как он был посвящен в сан архиепископа», см.: Иоанн де Галонифонтибус, Книга познания мира, текст воспроизведен по изданию: Сведения о народах Кавказа, З. М. Буниятов, Баку, 1979, ком. 3.

Р. Лозренц также сомневается, что речь идет об одном и том же человеке, см.: Loenertz, Raymond-Joseph, Evêques dominicains des deux Arménies, Archivum Fratrum Praedicatorum 10 (1940), p. 258–268.

историков и путешественников: Исидора Севильского, Одорика Порденоне, Гонория Августодунского, Хетума Корикосского, Иоганна Шильтбергера и др.

Раздел, касающийся Армении, содержит в основном информацию историко-религиозного характера. Это и понятно: находясь в Нахичеване – опорном пункте католической миссионерской деятельности, Иоанн де Галонифонтибус мог с первых рук, при непосредственном общении «лицом к лицу» собрать информацию относительно истории армянской церкви. Да и сан его, как и принадлежность к доминиканскому ордену, деятельность которого была направлена на борьбу с ересями и на распространение «истинной веры», предопределили тематическую направленность раздела об Армении. К армянской теме он обращается дважды, в двух условно разбитых Керном разделах.

Во втором разделе, озаглавленном «Предполагаемые пророчества армянских патриархов Исаака и Нерсеса» («Angebliche Weissagungen der armenischen Patriarchen Isaak und Nerses»), он приводит известную нам по «Путешествию» Рубрика видоизмененную версию видений-пророчеств Нерсеса Великого и его сына Саака Партева относительно падения царства Аршакидов. Согласно преданию, ими была предсказана гибель армянского царства, прекращение царской династии Аршакидов⁷², конец патриаршества династии Григора Лусаворича и нашествие на Армению племени стрелков⁷³. В этом пророчестве, по тексту Галонифонтибуса, предсказывается гибель сарацин, уничтожение ислама и освобождение страны христианской армией, предводительствуемой франками.

В главе мимоходом упоминается об армянском царе, который вместе с народом в пору правления Константина Великого Св. Григорием был обращен в «веру католическую». Речь идет о так называемой «Договорной грамоте» – «Дашанц тухт», договоре, заключенном между Константином Великим и Трдатом III, а также пат-

⁷² На проклятие, павшее на род Аршакидов, ссылаются Фавстос Бузанд и Лазар Парбеци, см.: Ашот Иоаннисян, Очерки истории армянской освободительной мысли, кн.1, Ереван, 1957, с. 84 (на арм. яз.).

⁷³ Киракос Гандзакечи в «Истории Армении», касаясь этого пророчества и его осуществления в период татаро-монгольских нашествий, пишет: «Предсказание мужа божьего святого Нерсеса относительно племени стрелков и разорения страны нашей армянской нынче претворено в жизнь племенем, называемым татарами: многие племена и народы были стерты им [с лица земли]...», см.: Киракос Гандзакечи, История Армении, М., 1976, с. 45.

риархами – Сильвестром и Св. Григорием⁷⁴. Галонифонтибус упоминает предвещавшего будущие события потомка Григория Лусаворича, который был сослан на остров одним властителем-схизматиком (unum imperatorem scismaticum). По всей вероятности, речь идет о Св. Нерсесе, сосланном на необитаемый остров приверженцем арианской ереси императором Валентом⁷⁵.

Пребывание на посту епископа Нахичевана и тесное общение с местной братией предоставили Галонифонтибусу возможность ознакомиться с христианской историей Армении. Доказательством тому является упоминание автором пророчеств Нерсеса Великого и Саака Партева, рассказ о просветительской деятельности Святого Григория, отголоски жития Св. Нерсеса, предка Св. Григория (его ссылка на необитаемый остров), поведенного Фавстосом Бузандом, информированность о существовании договора «Дашанц тухт» и т.д.

В 13-ом разделе «Книги познания мира» автор подробно останавливается на деятельности доминиканских миссионеров в Армении⁷⁶, и, в частности, деятельности Варфоломея Болонского (Бартоломео да Болонья, называемый также де Подио, де Ботеоци, Латинянин, Марагаци)⁷⁷, назначенного епископом города Марага,

⁷⁴ Этой теме касались многие европейские путешественники. Подробное описание поездки Трдата и Григория к императору Константину, как и принятия ими католичества, дается Шильтбергером в его «Путешествии...».

Ниже приводится лишь небольшой фрагмент из его записок: «Папа назначил его тогда патриархом, под условием, чтобы его преемники также были назначаемы в Риме, и чтобы каждые три года были отправляемы туда послы. Григорий на это согласился и подчинил, под угрозою отлучения, всё духовенство римскому престолу, и то же самое сделал король со своими рыцарями от имени всего народа, который оставался в этой зависимости от папы до трехсот лет после времен Григория. Но затем они отпали от Рима и сами стали избирать своего патриарха, называемого Католикос (Kathagenes)», см.: Иоганн Шильтбергер, Путешествие... , с. 115–116.

⁷⁵ Речь идет о Флавии Юлии Валенте – римском императоре в 364–378 гг.

⁷⁶ Деятельность миссионеров среди мусульман была невозможна. Отказ от ислама и переход в христианство карался смертной казнью. Миссионерская деятельность по обращению в католицизм велась лишь среди христиан.

⁷⁷ В Лейпцигской рукописи этот раздел охватывает следующие темы: Армения, ее границы; обращение Армении в христианскую веру; легенды о Св. Рипсимэ, Св. Гаянэ и Св. Григории; позднее вырождение христианства (по их представлению – Г.К.) в Армении (Das später entartete Christentum in Armenien); первые доминиканские миссионеры в Армении, в том числе Бартоломео де Подио, из персидского города Марага; гора Арарат; реки

находившегося в непосредственной близости от армянских провинций Сюник и Васпуракан, и архиепископом Султании. Обращение к подобной тематике вполне объяснимо. Дело в том, что, как известно, в первые десятилетия XIV века Римская церковь стала проявлять особый интерес к восточным странам, и, в частности, к Армении, где проповедники доминиканского и францисканского орденов, полностью подчиненные папе, наряду с разведывательной и дипломатической миссией, развернули широкую деятельность по распространению католического вероучения среди армян-григорианцев, так называемых схизматиков. В различных регионах Армении (Артаз, Ернджак, Нахичеван, Киликия), а также близлежащих местностях (Марага, Султания, Тифлис) католические миссионеры основывают духовные, учебные и научные центры и развертывают широкую деятельность по пропаганде католицизма среди армян.

Первым католическим центром в Восточной Армении был основанный в начале XIV века в Артазе армяно-францисканский монастырь Св. Фаддея. Его основателем был Захария Цорцореци. Именно его упоминает в «*Mirabilia descripta*» («Описание чудес») получивший в 1318 году назначение на Восток миссионер-доминиканец **Журден де Северак**, именуемый также Журденом Каталани.

В описании армянской части его путешествия заключена любопытная деталь, касающаяся полученной Журденом информации «от одного нашего архиепископа, католика, владыки великого и сильного. Он правит в здешних местах и во всем достоин доверия»⁷⁸.

Речь идет об архиепископе Захарии Цорцореци – рьяном проводнике

Тигр и Евфрат, см. предисловие к «*Der «Libellus de notitia orbis» Iohannes III (de Galonifontibus?)*», S. 89.

⁷⁸ «*J'ai entendu ceci d'un certain archevêque catholique, grand homme, énergique, digne de confiance, seigneur du pays; et, moi (autant que je puis croire), j'ai été à cet endroit moi-même, mais c'était dans la saison d'hiver*», см.: Jourdain Catalani de Sévérac, *Les Merveilles de l'Asie*, introduction et notes par H. Cordier, Paris, Jacob, 1925, p. 50; Чудеса, описанные братом Журденом из ордена проповедников, уроженцем Северака и епископом города Колумба, что в Индии Наибольшей, – в кн.: После Марко Поло, перевод, введение и примечание Я. М. Света, М., «Наука», 1968, с. 137.

папской политики в Великой Армении, основателе в Цорцоре⁷⁹ в гаваре Артаз армяно-францисканского монастыря Св. Фаддея (Тадевоса). Его имя («*один великий архиепископ, владыка Захарий (le Seigneur Zacharie) со всей паствой своей принял нашу веру*»⁸⁰) упоминается Журденом де Севераком в связи с обращением «*братьями проповедниками и миноритами в католичество добрых четыре тысячи этих схизматиков*».

Мы не будем подробно останавливаться на миссионерской деятельности католических проповедников, к этому вопросу мы вернемся в дальнейшем, ибо обращение европейских путешественников последующих столетий к этой теме, а именно – очагов католической веры в Нахичеване (в сёлах Джаук, Апракунис, Гандзак, Коцкашен, Карашуш, Кырна, Шахапонк, Салитах, Хошкашен, Апаранер и др.), является важнейшей составляющей восприятия и конструирования образа Нахичевана – «имиджа территории» в европейской литературе путешествий.

Аккумулируя предшествующую информацию, посетившие Нахичеван путешественники дополняли ее своими личными наблюдениями и впечатлениями, основанными на непосредственном общении с местной паствой и духовенством.

Деятельность католических миссионеров развивалась параллельно с торговыми и дипломатическими «миссиями». Проследим за развитием нахичеванской темы, нашедшей место в notiциях путешественников последующего периода.

После ослабления Тимуридов в регионе попеременно распространяется власть туркоманских племен Кара-Коюнлу и Ак-Коюнлу, покоривших Армению, в том числе и Нахичеван. Смерть Тамерлана привела к мгновенному распаду его империи. Армения оказалась под властью или в сфере влияния сначала державы Кара-Коюнлу («Черные бараны»), а затем Ак-Коюнлу («Белые бараны»)⁸¹. Через территорию государства Ак-Коюнлу проходили важные международные торговые пути, связывающие Среднюю Азию, Китай, Индию

⁷⁹ В Цорцорском монастыре в сотрудничестве с ученым монахом-францисканцем Исразлом занимался переводческой работой прибывший из Европы миссионер фра Понциус.

⁸⁰ Jourdain de Sévérac, *Les Merveilles de l'Asie*, p. 52; Чудеса, описанные братом Журденом, – в кн.: После Марко Поло, с. 138.

⁸¹ В 1467 году в Мушской битве с правителем Ак-Коюнлу Джахан-шаха. После этого разгромлены войска правителя Кара-Коюнлу Джахан-шаха. После этого поражения владения Кара-Коюнлу отошли к Ак-Коюнлу.

и побережье Персидского залива с Западной Европой. В 1453 году, после захвата османами под предводительством султана Мехмеда II столицы Византийской империи Константинополя, а в 1461 году – Трапезундской империи – важного узла транзитных путей, наметился новый, не очень благоприятный для международной торговли этап: были поставлены под удар многовековые торговые связи Востока и Запада. Передвижение по торговым путям, связывающим Европу и Восток, стало весьма проблематичным.

С этого времени борьба с Османской империей, перекрывшей торговые пути из Европы в Китай и Индию, превратилась в главный вопрос внешней политики государства Ак-Коюнлу.

Глава и правитель государства Ак-Коюнлу Узун-Хасан⁸² замыслил сокрушить Османское государство, опираясь на помощь европейских стран, в частности, венецианских правителей, для которых торговля с Востоком служила неисчерпаемым источником богатства. Европейские страны, будучи заинтересованными в восстановлении торговых отношений с Востоком, взяли курс на налаживание дипломатических связей с Узун-Хасаном⁸³.

Пожалуй, наиболее интенсивные контакты были установлены между государством Ак-Коюнлу и Венецианской республикой. При таком раскладе торговые интересы были в увязке с политическими. 9 декабря 1463 года был заключен антитурецкий союз между Венецианской республикой, Папством и Бургундским герцогством. Основная его задача – поднять государство Ак-Коюнлу против Турции. Для выполнения этой задачи была развернута широкая дипломатическая деятельность. Между Венецианской республикой и государством Узун-Хасана наметился двусторонний обмен посольствами и делегациями.

⁸² Узун-Хасан (1426 – 1478) – властелин державы Ак-Коюнлу (1453 – 1478).

⁸³ Немецкий путешественник Адам Олеарий, ссылаясь на Бизара (Bizarus, «Historia rerum Persicarum»), приписывает Узун-Хасану армянское происхождение: «*Шах Гасан Падшах (Hassan Padschah), названный за свою храбрость, великие войны и победы Великим (Usum Cassan), как говорит Бизар, был Армянский Князь из области Текелу (Tekellu): он покорил силою оружия под свое владычество многие земли и, между прочим, Персию, и сделался ее Царем*», см.: Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1637 годах, составленное секретарем посольства Адамом Олеарием // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских, № 4, М., 1869, с. 839.

В 1471-ом году к султану Узун-Хасану в качестве посла Венецианской республики отправился венецианский дипломат и путешественник Катерино Зено. Согласно его записям, 6-го декабря – через двадцать месяцев после его назначения, послом был назначен Иосафат Барбаро, а 10-го сентября 1473-го года – Амброджо Контарини. Очерк путешествия Катерино Зено под названием «*Dei commentarii del viaggio in Persia di Caterino Zeno*» (Венеция, 1558 г.) составлен по его письмам, написанным во время его пребывания в качестве посла в Персии. Будучи человеком, приближенным к Узун-Хасану⁸⁴, он был прекрасно осведомлен о положении дел в государстве Ак-Коюнлу, о политических устремлениях его правителя и о ходе военных действий против османов. Сам он принимал активное участие в переговорах, через него Узун-Хасан отправлял письма западным правителям и прибегал к его помощи в качестве своего посла для ведения дипломатических переговоров.

Первоначальная рукопись его реляции, основанная на его личных впечатлениях и наблюдениях, была утеряна. Очень возможно, что в недошедших до нас записях путешествия, помимо политической, присутствовала также территориальная составляющая: земли, подвластные государству Ак-Коюнлу, включая Нахичеван.

Что касается составленного по письмам описания путешествия, то следует отметить привлекающий нас в аспекте нашего исследования факт, на который обратил в свое время внимание Гевонд Алишан. В составе посольства, отправленного Узун-Хасаном в Венецию, был армянин Morat. Алишан⁸⁵ предполагает, что речь идет о некоем Мирате, которого он идентифицирует с Мираком (Միրաք), о котором в своем «Путешествии в Персию»⁸⁶ упоминает и

⁸⁴ Катерино Зено приходился родственником Узун-Хасану: последний был женат на дочери Трапезундского императора Иоанна IV Феодоре, племянница которой была женой Катерино Зено, см.: Барбаро и Контарини в России, М., «Наука», 1971, ком. 53.

⁸⁵ Гевонд Алишан, Армено-Венеция, или Отношения между Арменией и Венецией в XIII–XIV и XV–XVI вв., Венеция, 1896, с. 187–188 (на арм. яз.).

⁸⁶ Путешествие Барбаро состоит из двух книг: «Путешествия в Тану» и «Путешествие в Персию». Перевод «Путешествия в Персию» на русский язык

посол Венецианской республики Иосафат Барбаро в письме к Узун-Хасану⁸⁷

Иосафат Барбаро (1413 г. – 1494 г.)

Труд Барбаро «Путешествие в Персию» был написан в конце 1480-х – начале 1490-х гг. и представлял собой рассказ о посольской миссии, главной целью которой было закрепить союз с государством Ак-Коюнлу и поднять его на войну с Османской империей. В ходе путешествия Барбаро побывал во многих восточных странах и областях. Его рассказ о пройденном пути, основанный на непосредственном ознакомлении со странами и населяющими их народами («все рассказанное здесь относительно областей я частично услышал там, но по большей части видел собственными глазами»), содержит ценный материал по истории западно-восточных политических отношений, по экономике, культуре, этнографии Персии и других стран Востока, включая Армению. Книга была написана по памяти, спустя годы после возвращения с Востока. Вследствие этого повествование ведется несколько сбивчиво и изобилует погрешностями при передаче географических названий и направлений маршрута. Видимо, это объясняется отсутствием ежедневных записей путешествия: Барбаро изложил свои впечатления и наблюдения по прошествии времени, «в такой последовательности, в какой мог». В результате теряется нить повествования, отсутствует структурная упорядоченность, подрывается линейный характер изложения. Сказанное одинаково распространяется и на

выполнен И. В. Волковым, см.: И. В. Волков, Путешествие Иосафата Барбаро в Персию в 1473–1478 гг. (текст, перевод, комментарии), – в кн.: Генуэзская Газария и Золотая Орда, 2015.

И. В. Волков относительно своего перевода пишет: «Предлагаемый «синхронный» перевод дает почву для анализа источника узкими специалистами, которые наверняка найдут погрешности».

⁸⁷ «Me disse che [Pietro de Guascho zenovese] un giorno essendo in Thauris uno Armenio chiamato Choza Mirech, richo mercadante...», см.: Viaggi fatti da Vinetia, alla Tana, in Persia, in India, et in Costantinopoli..., 1545, p. 57.

армянскую часть путешествия. На пути из Карамана в Тавриз он посещает город-крепость Корикос (Curcho), где его внимание привлекает замок, над воротами которого «с северо-восточной стороны есть некоторая надпись красивыми буквами, похожими на армянские, но другой формы, чем используют армяне в настоящее время, поелику армяне, которые были со мной, не могли их прочесть».

Его путь лежал через города: Селевкия (Selleucha) («Этот город расположен в Малой Армении, которая простирается до пределов горы Тауро [Тавр]»), Тарсус (Tharsus) («Эта страна подчинена султану, хотя она [находится] в Малой Армении»), Адана (Adena) («Он также подчинен султану и находится в Малой Армении»). Малая Армения, по Барбаро, простирается до рек Битлис (Bethelis) и Иссан (Issan)⁸⁸.

Промежуточные пункты маршрута Трапезунд – Тавриз⁸⁹: Байбурт (Baiburth) – Ерзнка (Arsengan) – переправа через Евфрат – Харберд (Carputh) – Балаховит (Pollu) – Муш (Amus, Mus) – Ахлат (Allarch) – Хнус (Ceus) – Арчеш (Herzil) – Ориас (Orias) – Хой (Coi) – Тесудж (Tessu) – Шабистар (Zerister) – Тавриз. Перечисленные города и местности Барбаро располагает на территории, контролируемой тюркскими кочевниками Туркомании, «которая раньше была Арменией»⁹⁰.

По разумению Барбаро, этнические границы зачастую совпадают с государственными: этнические границы определяют территориальные. Наглядным примером является фрагмент «Путешествия», касающийся города Шемахи: «Возвращаясь в пределы Тавриза и двигаясь на северо-восток и восток,», – читаем в записях Барбаро, – «через 12 дней встретится Саммаки [Шемаха]... Это хороший город, в нем от четырех до пяти тысяч домов. Здесь производят изделия из шелка и хлопка и другие товары в соответствии с их обычаями. Он находится в Великой Армении, и большая часть его обитателей⁹¹ – армяне»⁹².

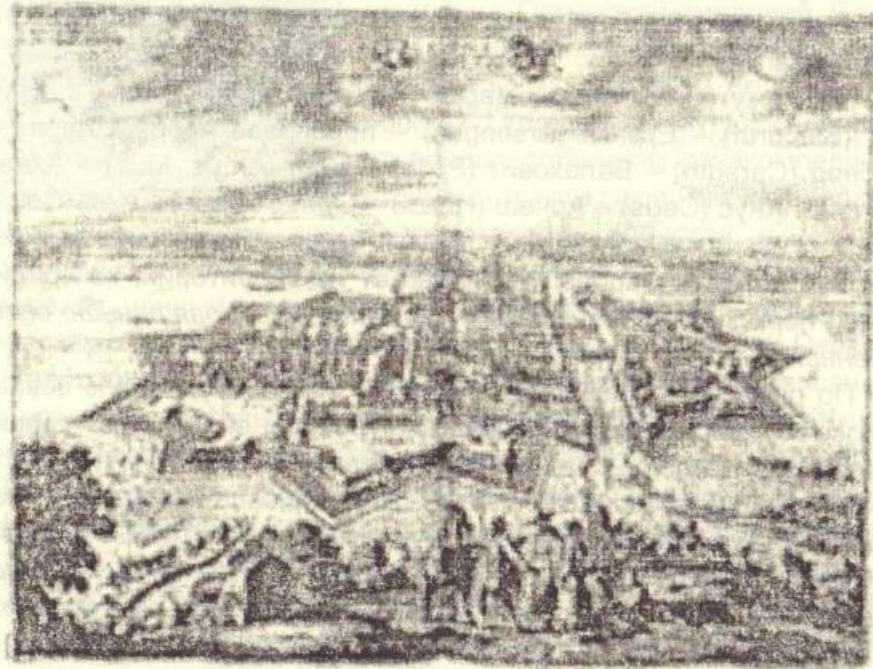
⁸⁸ Видимо, имеется в виду река Хизан (խիզան գետ) в бассейне Тигра, см.: Словарь топонимов Армении и прилегающих областей, Т. Х. Акобян, Ст. Т. Мелик-Бахшян, О. Х. Барсебян, т. 2, Ереван, 1986, с. 730 (на арм. яз.).

⁸⁹ Viaggi fatti da Vinetia, alla Tana, in Persia, in India, et in Costantinopoli, p. 53–54.

⁹⁰ «Turchomania, laqual era prima Armenia», там же, с. 53.

⁹¹ Английский дипломат и путешественник, первый полномочный посол Англии в России, Энтони Дженкинсон, посетивший Шемаху в 1562 году, также

Барбаро, сопровождавший Узун-Хасана в его походе в Грузию, воссоздавая в своем рассказе пройденный путь (Тифлис – Гори – Кутаиси – Скендер), пишет, что, пройдя Скендер (Shender), «мы оказались в стране Хасанбея, которая в Великой Армении. Затем на удалении трех дней пути мы встретили замок Лори (il castello Loreo), на расстоянии четырех дней пути от которого находится Гора Ноя, на которой оказался ковчег после успокоения потопа, который находится на высочайшей горе, рядом с ней огромная долина в два дня пути в окружности»; и постоянно зимой и летом на вершине снег. Впереди нее есть маленькая гора, которая также осыпана снегом»⁹³.

Вид города Шемахи из книги «Voyages très-curieux et très-renommez faits en Moscovie, Tartarie et Perse», 1727 г., Амстердам.

отмечает, что «город населен по преимуществу армянами», см.: Известия англичан о России XVI в., кн. 4, 1884, с. 63.

⁹² Viaggi fatti da Vinetia, alla Tana, in Persia..., p. 54; Путешествие Иосафата Барбаро..., с. 650.

⁹³ Viaggi fatti da Vinetia, alla Tana, in Persia..., p. 58; Путешествие Иосафата Барбаро..., с. 654 – 655.

Шемаха. Гравюра из «Описания путешествия» Адама Олеария. 1656 г.

Гравюра «Schamachia», из атласа Баптиста Гоманна. Нюрнберг, 1734.

Следующая местность, упомянутая венецианским путешественником, расположена в гаварах Джаук и Ернджак ашхара Сюник Великой Армении. «На расстоянии двух дней [пути от Арарата], – повествует Барбаро, – находится замок, именуемый Кагри [Cagri]⁹⁴, он населен исключительно армянами, они католики, у них много деревень в окрестностях, все они придерживаются католичества, [здесь] два монастыря, главный из которых называется Аленджия

⁹⁴ Cagri (Кагри) – это, по всей вероятности, Джагри – отуреченный вариант армянского названия Джаук.

(Ернджак - Г.К.)⁹⁵, там 50 монахов, придерживающихся устава [ордена] святого Бенедикта. Они совершают мессу по нашему обряду, на своем языке»⁹⁶.

Почти столетие спустя, в 1571 году другой венецианский путешественник, посол ко двору Сефевидского шаха Тахмаспа I Винченцо Алессандри также подчеркивает относительно Ернджака, что население этой местности *Alingria* – латиняне (т. е. католики), которых персияне именуют франками⁹⁷.

Далее следует рассказ о встрече Барбаро в Венеции с будущим настоятелем монастыря Аленджии (Ернджака)⁹⁸, «который оказался в [соборе] святых Иоанна и Павла в Венеции, и пришел навестить меня домой, чтобы получить рекомендацию (посредством моей просьбы) от нашей блистательнейшей синьории к великому понтифику, чтобы он стал настоятелем упомянутого монастыря, поскольку он был братом умершего настоятеля»⁹⁹.

⁹⁵ Перевод этого фрагмента, выполненный Ованнесом Акобяном, разнится от предложенного нами. В переводе Акобяна читаем: «У них два монастыря, настоятель которого именуется Алинча («*նւննն երկու ւիւր, որի ւիւնն-հայրը կըսուով է Ալինջա* (Alengia)»), см.: Ованнес Акобян, Путевые заметки (1253–1582), т. 1, Ереван, 1932, с. 206 (на арм. яз.).

Подобное прочтение текста объясняется тем, что перевод сделан с английского («*haue twoo monasteries, the principall whereof is called Alengia*», см.: *Travels to Tana and Persia by Josafa Barbaro and Ambrogio Contarini*, Hakluyt Society, London, 1873, p. 92), в котором слово «*the principall*» переводится двояко: главный и глава.

⁹⁶ «*De zornate lontano è un castello nominato Cagri, e questo è habitato per Armeni d'ognio intorno i quali fanno alla cathelana et ha più ville intorno, che tutte fanno alla catholica; do monasteri, el principal di quali se chiama Alengia, ha da monachi .50. observanti de la regula di san Benedetto. Dicono messa al nostro modo in sua lingua*», см.: *Viaggi fatti da Vinetia, alla Tana, in Persia, in India, et in Costantinopoli*, p. 58–59.

⁹⁷ «*Alingria abitato tutto da Latini, sebben non usino altra lingua che turca, persiana, ed armena; i quali oggi dalli Persiani sono chiamati Franchi*», см.: *Relazione di Persia di M. Vincenzo degli Alessandri*, – in: *Relazioni degli ambasciatori veneti al Senato*, raccolte, annotate, ed edite da Eugenio Albèri, Firenze, 1844, vol. II, p. 115.

⁹⁸ Иван Шопен отмечал, что «в ограде крепости уцелелъ монастырь, называемый Ванкъ-Ернджака, где находились мощи св. Григорія», см.: И. Шопен, Исторический памятник состояния Армянской области..., с. 324.

⁹⁹ «*El prior del qual (da poi la ritornata mia a Venetia) manchò et venne uno de quelli de li, el qual capitò a San Zuanne Paulo in Venetia et venneme a ritrovar a casa per esser ricomandato (mediante la intercession mia) de la illustrissima signoria nostra al summo pontifi ce, che el fesse prior de ditto monasterio, imperochè era fratello del prior morto*», см.: *Viaggi fatti da Vinetia, alla Tana, in*

Амброджо Контарини (1429 г.–1499 г.)

Рассказ о Нахичеванском крае, схожий с текстом Барбаро, имеется в книге «Путешествие в Персию» другого венецианского путешественника и дипломата, посла Венецианской республики, направленного на Восток (1473 – 1477) с определенной дипломатической миссией к правителю Западного Ирана Узун-Хасану – Амброджо Контарини. По сравнению с Барбаро у Контарини повествование более расширенное и детализированное, с указанием топографических и хронологических данных. Контарини в интересующей

нас части своего путешествия следовал по маршруту, по которому шел Барбаро: из Грузии в Лори («очутились во владениях Узун-Гассана, т. е. в Армении, а вечером прибыли в крепость Лори (Loreo), принадлежащую тому же Узун-Гассану и расположенную в небольшой долине»), оттуда он и его спутники (в их числе армянский священник, сопроводивший их до Тавриза и «служивший мне во всем продолжении пути с отменным усердием и честностью») прибыли 28 числа «к Ноевой горе, покрытой в течение всего года снегом, от вершины до самой подошвы. Нам сказывали, что многие пытались достигнуть вершины этой горы, но или совсем погибали, или возвращались с полной уверенностью, что исполнение сего предприятия решительно невозможно.

Продолжая таким образом путь свой по означенной долине, на которой кое-где встречаются небольшие холмы, мы 30 числа достигли Хиagri (Chiagri)¹⁰⁰, замка Франкских армян (arrivammo ad uno castello di Armeni franchi, che si chiamano Chiagri), где нашли

Persia, in India, et in Costantinopoli, p. 59, см.: Путешествие Иосафата Барбаро в Персию в 1473 – 1478 гг., – в кн.: Генуэзская Газария и Золотая Орда, с. 655.

¹⁰⁰ У Барбаро фигурирует, как Кагри (Cagri). В. Семенов в комментариях к своему переводу, относительно происхождения названия Хиagri пишет, что «Вероятно, название Хиagri произошло от самой горы Арарат, которая у Турок именуется Агри или Эгри-дагом», см.: Библиотека иностранных писателей о России. Труды В. Семенова, т. 1, СПб., 1836, ком. 23, с. 182.

довольно хлеба, кур и вина, [и] решились пробыть весь следующий день, дабы несколько отдохнуть от дороги»¹⁰¹.

Продолжая свой путь в направлении Тавриза, «2-го числа прибыли мы в довольно хорошее Армянское селение, выстроенное на скате горы, и где надлежало нам переправиться (в особенного рода лодке, в тех краях употребляемой) чрез ту самую речку, на берегах коей (гораздо, впрочем, далее на восток) происходило, по рассказам жителей, сражение между Узун-Гассаном и Египетским Султаном Бузехом (Soldano Busech).

В то время, как войска Персидския были расположены на одном берегу реки, а Султаны на другом, в рядах сих последних, по недостатку жизненных припасов, распространилась повальная болезнь. Узун-Гассан, пользуясь этим обстоятельством, напал на них, разбил и, взяв в плен Султана Бузеха, повелел отсечь ему голову»¹⁰².

После краткой справки о боевых успехах Узун-Хасана Контарини вновь возвращается к описанию селений армянских католиков: «На левом берегу этой реки находятся, в близком одно от другого расстоянии, одиннадцать селений Армянских Католиков. Все они признают власть Папы и имеют своего особенного Епископа (abanda sinistra visono XI casali de arminii uno arete laltro, tutti catholici: et hanno il suo Veschcovo, et sotto il papa)¹⁰³. Вообще в целой Персии нет страны лучше и плодоноснее этой области»¹⁰⁴.

«Путешествие (анонимного) купца в Персию»

Относительно селений армянских католиков имеются сведения и в записках путешественника («Viaggio d'un Mercante») уже упомянутого нами анонимного купца, побывавшего в 1511–1520 гг. во многих странах Востока, включая и интересующие нас земли: «в двух днях пути от Тавриза [находится] крепость Аланчахана (Alangiachana)¹⁰⁵, – читаем в «Путешествии...», – вблизи этой крепости расположены двенадцать деревень, населенные христианами –

¹⁰¹ Там же, с. 42–43.

¹⁰² Там же, с. 43.

¹⁰³ Itinerario del magnifico e clarissimo messer Ambrosio Contarini, dignissimo orator della illustrissima signoria de Venetia, mandado, nel anno 1472, ad Usuncassan, re de Persia..., per F. Bindoni e M. Pasini (Vineggia), 1524, p. 26.

¹⁰⁴ Барбаро и Контарини о России, с. 43.

¹⁰⁵ Алинджакала – Ернджак.

католиками (Orthodox¹⁰⁶ Christains)¹⁰⁷, патриарх которых каждый год посылает к Папе двух человек, доставляющих ладан. Служба у них ведется на армянском... В этих деревнях имеется множество рукописей на итальянском. Во время моего пребывания в Тавризе мне принесли две рукописи: одна была трактатом по астрономии, другая касалась правил грамматики»¹⁰⁸.

В следующем за этим фрагментом рассказе путешественник касается уже вошедшей в обиход литературы путешествий темы неприступности крепости Ернджак (Alangiachana). События, описанные автором «Путешествия купца в Персию» («Viaggio d'un Mercante»), разворачиваются в период правления шахиншаха Ирана, основателя династии Сефевидов Исмаила I (1487–1524).

«В этот период, – пишет путешественник, – многие области, города и крепости подчинились Исмаилу. Многие дворяне явились к нему отдать дань уважения, водрузили на голову красную шапку (berretta rossa)¹⁰⁹, целовали его руки и клялись в верности. Исключение составлял владелец крепости под названием Alangiachana, расположенной на расстоянии двух дней пути до Тавриза»¹¹⁰.

¹⁰⁶ Orthodox – в тексте английского перевода. В научной литературе «ортодоксами» называют сторонников Никейского символа веры – «никейцев», в противопоставление арианам. Это выражение употребляется синонимично термину «католики» и не имеет отношения к современному противопоставлению православия и католицизма, возникшему после Великого раскола.

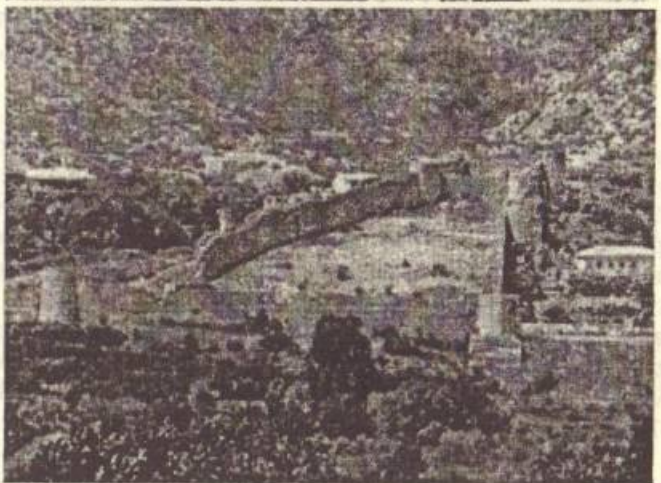
¹⁰⁷ В оригинале на итальянском языке «che fi mātengono all'apostolica» («они принадлежат к апостольской (церкви)»), см.: Viaggio d'un Mercante, – in: Secondo volume delle navigationi et viagginella, Venice, Stamperia de Giunti, 1559, p. 87.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Головной убор в форме шапки-колпака назывался «Гезельбаш» – «красная шапка». Правители династии Сефевидов выбрали красный цвет, как символ своей династии. Основу этой традиции в 894 году (1488 по григорианскому календарю) заложил Хейдар – шиитский лидер Сефевидов, и шах Исмаил I также продолжил данную традицию.

¹¹⁰ Viaggio d'un Mercante, – in: Secondo volume delle navigationi et viagginella, p. 87.

Согласно его рассказу, Сефевидскому шаху Исмаилу в течение четырех - пяти лет не удавалось захватить крепость, поскольку комендант крепости, сторонник Алванда¹¹¹ (Alumut), охраняющий спрятанные в ней сокровища Узун-Хасана (Assmabei sultan) и султана Якуба¹¹², удерживал ее вплоть до смерти Алванда, после чего сдался Исмаилу Сефевидскому.

¹¹¹ Абу-л-Музаффар Нур Алванд-хан (1498–1504) – правитель Ак-Коюнлу. В 1503 году владения Ак-Коюнлу были захвачены Исмаилом Сефевидским и вошли в состав Сефевидского государства.

¹¹² Султан Якуб-хан, сын Узун-Хасан-хана, султан Ак-Коюнлу с 1478 по 1490 г.

Крепость Ернджак.

Несомненно, нашего путешественника, как купца, интересовал круг вопросов, называемый в те времена «Практикой торговли» («Pratica della mercatura»). Такое название¹¹³ носил торговый справочник по странам Востока, составленный в 1340 году флорентийским купцом, знатоком левантийской торговли Франческо Бальдуччи Пеголотти.

Так, описывая селения армянских католиков, он отмечает, что «они производят также в большом количестве краситель *cremesis*»¹¹⁴, который пользовался большим спросом на международном рынке.

¹¹³ В русском переводе, выполненном Федором Аделунгом, книга вышла под названием «Сочинение о делениях земель, торговых мерах и других предметах, сведения которых необходимо купцам всех стран».

¹¹⁴ Имеется в виду «вордан кармир» – араратская кошениль – красный краситель, получаемый из карминовой кислоты, производимой самками насекомых кошенили. В арабских источниках он назывался «кирмиз». Употребленное путешественником название красителя *cremesis* по звучанию близко к арабскому. Не исключено, что это слово было записано им по слуху.

НАХИЧЕВАН В ЗАПИСКАХ ЕВРОПЕЙСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ XVI ВЕКА

В начале XVI века кызылбашской племенной конфедерацией была основана Сефевидская или Кызылбашская империя, основатель которой был Исмаил I¹¹⁵.

В 1501 году Исмаил начал боевые действия под Шаруром, вблизи Нахичевана, против правителя туркоманского государства Ак-Коюнлу Алванд-хана. В результате ожесточенных боёв войска Алванда были разбиты.

Одержав победу, Исмаил Сефеви вступил в Тавриз и короновался, увенчав себя титулом Шахиншах. Он выходил победителем из всех сражений, кроме битвы при Чалдране¹¹⁶ в 1524 году, закончившейся победой армии Османской империи под предводительством Селима I.

С воцарением в Персии шиитской династии Сефевидов и ростом их могущества, в Европе начинает возрастать интерес к государству кызылбашей – наиболее могущественного противника Османской империи, равным образом наблюдается оживление дипломатических отношений, установившихся уже в годы правления Узун-Хасана.

¹¹⁵ В европейской литературе путешествий этого периода («Путешествия» Катерино Зено, Джованни Мариа Анджиолелло, «Путешествия купца в Персию» анонимного автора) циркулировала история о том, как тринадцатилетний Исмаил, сын шейха Хейдара, в течение четырех лет нашел убежище на острове Ахтамар озера Ван (по другой версии – город Арменик), у одного армянского священника (у монахов), затем был переправлен вместе с братьями и матерью в Карабах (Арцах).

Европейские авторы, в частности, венецианский путешественник, медик по образованию Рота в вышедшем в 1508 году трактате отмечал благосклонное отношение шаха Исмаила к христианам («оставлял в целости их церкви и часовни»), а также дружественное расположение к армянскому патриарху («его сопровождали армянский патриарх, священники и монахи, последователи нашей веры»), см.: Ioannes Rotta, La vita del Sophi, re di Persia et di Media, Roma, 1508, p. 274–275.

¹¹⁶ Область в исторической Атропатене.

Что касается Армении, то в первой половине XVI в. (1514 – 1555) на её территории велись перманентные войны между османскими и сефевидскими правителями, перемежавшиеся мирными договорами. Согласно «Истории Дон Жуана Персидского» посла дипломатической миссии Сефевидов ко двору испанского короля Филиппа III в 1599 – 1602 годах, Селим I, при участии Ферхата-паши, в 1514 году предпринял поход в Персию. В это самое время были возобновлены военные действия в направлении Эрзерума и Карса. Из Карса армия двинулась к Еревану. «По пути в Ереван, – пишет Дон Жуан Персидский¹¹⁷, – были взяты города Нахичевань, Меренд и Суфиян»¹¹⁸.

В 1553 году Сулейман I развязал очередную войну с Сефевидским государством (тюрко-персидская война 1533 – 1555 гг.). Был предпринят поход на Тавриз через Эрзерум, Карс, Шурагель (Ширак) к Еревану и Нахичевану. В этот период, в результате враждебных действий султана Османской империи и Сефевидского шаха Тахмаспа I, сына Исмаила I, были преданы разорению и грабежу Шурагель, Ереван, Нахичеван, Карабах.

В 1554 году султан Сулейман I вновь овладел Нахичеваном¹¹⁹. Спустя год, в 1555 году был подписан мирный договор, известный, как Амасийский мир, по которому территория Армении была разделена между Османской Турцией и Сефевидским государством. Однако перемирие имело временный характер. Второй этап этой войны начался в 1578 году и продолжался с перерывами около 50 лет.

¹¹⁷ Дон Жуан Персидский – псевдоним Орудж-бека Баята.

¹¹⁸ Россия и Европа глазами Орудж-бека Баята - Дон Жуана Персидского, СПб., СПбГУ, 2007, кн. 2, гл. 8, с. 109.

¹¹⁹ История народов Северного Кавказа с древнейших времён до конца XVIII в., М., «Наука», 1988, с. 313.

1587 – 1629-ые – годы царствования Шах-Аббаса, при правлении которого Сефевидское государство достигло наибольшего расцвета и могущества, простираясь от реки Тигр на западе до Кандагара (Афганистан) на востоке. Взойдя на престол, Шах-Аббас вознамерился вернуть территории, потерянные в периоды царствования его предшественников. Однако ему предстояло одновременно противостоять двум сильным врагам на востоке и западе – узбекам, захватившим некоторые районы Хорасана, и османам, завладевшим всеми восточными провинциями Грузии и Армении вплоть до Азербейджана, Курдистана и Керманшаха.

Сначала была поставлена задача бросить все силы на отражение узбеков, которых удалось выдворить из Хорасана лишь в 1598 году. Именно поэтому, чтобы выиграть время, пришлось пойти на уступки османам и заключить в 1590 году с ними крайне невыгодный мирный договор (Первый Стамбульский мир), по которому Османская империя получала области Тавриз, Карадаг, Гянджа (Гандзак), Карабах, Нахичеван, Ереван, Ширван, Дагестан с прилегающими районами, а также области Грузии, Луристана, города Нехавенда провинции Хамадан.

О событиях этого периода подробно изложено в записках Дона Хуана Персидского¹²⁰.

В 1603 году Шах-Аббас вступил в Тавриз, завоевал его и все области. Переправившись через реку Аракс, захватил Джугу и Нахичеван.

Вот как описывает эти события османский историк Ибрагим Печеви в своей «Истории», охватывающей события с 1520 по 1640

¹²⁰ «Османское государство, – пишет Дон Хуан Персидский, – согласится заключить мир с Персией на гораздо более жестких условиях, а именно: султан оставляет за собой все те земли, прежде включенные в Персидское царство, которые его армии опустошили и завоевали во время последних кампаний, и что река Аракс (Araxes, Aras) должна считаться границей, разделяющей Османскую империю с царством шаха. Кроме того, только купцы, торговцы или послы будут иметь право пересекать эту пограничную реку, и под угрозой смерти ни один вооруженный солдат, турок или перс, не сможет перейти ее. В конце концов, шах и султан подписали этот договор... Таким образом, договор был утвержден, и с него были сделаны две официальные копии, одна – в Константинополе, подписанная в присутствии всех правителей Порты, другая – в Казвине, также подписанная персидскими ханами и правителями», см.: Россия и Европа глазами Орудж-бека Баята - Дон Хуана Персидского, кн. 2, гл. 8, с. 133–134.

годы. «После взятия Тебриза заблудший шах послал на Нахичеван Зулфикар-хана. Нахичеван входил в округ Ревана и на здешнего беглярбека Шериф-пашу была возложена обязанность охраны крепости.

У него было 300 воинов. Видя, что в случае осады крепость не выдержит, он вывел из нее всех наемников и хотел поджечь крепость и привести ее в негодность. Но когда иранцы напали на крепость, находившиеся в ней наемники заявили, что они и раньше были рабами шаха и, не подчинившись приказу Шериф-паши, сдали крепость Зулфикар-хану¹²¹»¹²².

Далее были «захвачены иранцами Гянджа и Ширван» и «таким образом, все, что было завоевано воинами ислама за 10 – 12 лет, полностью было потеряно. Этот безбожный шах все отвоевал в течение двух лет. Взятие иранцами Тебриза и Нахичевана произошло в правление султана Мехмет-хана¹²³, а другие города были взяты ими (иранцами) в правление Султана Ахмеда¹²⁴»¹²⁵.

В 1613 году по условиям мирного договора (Второй Стамбульский мир) Аббасу удалось вернуть потерянные земли.

Пять лет спустя, в 1618 году, с турками был заключен еще один мирный договор, известный как Ереванский¹²⁶.

Таким образом Сефевидскому государству удалось вернуть все утраченные по Стамбульскому договору 1590-го года земли.

Аббас I стремился установить политические связи с европейскими странами, торговые интересы которых совпадали с интересами Сефевидского государства. На международной арене авторитет государства Сефевидов значительно возрос благодаря заметным победам над османами. Уже в пору царствования Тахмаспа I были предприняты шаги на пути создания контактов с Европой.

¹²¹ Эвлия Челеби, посетивший армянские земли по прошествии десяти лет после указанных событий, почти повторяет текст Ибрагима Печеви: «при Мехмед-хане III, когда этот город [Нахичеван] находился в руках османов, беспутный шах направил сюда Зулфикар-хана, который и захватил его», см.: Эвлия Челеби, Книга путешествия 1983, кн. 4, с. 114.

¹²² Ибрахим Эфенди Печеви, История, Баку, 1988, с. 79.

¹²³ Речь идет о султани Мухаммаде III (правил в 1595 – 1603 гг.).

¹²⁴ Османский султан Ахмед I (правил в 1603 – 1617 гг.).

¹²⁵ Ибрахим Эфенди Печеви, История, с. 82.

¹²⁶ Риза Шабани, Краткая история Ирана, Санкт-Петербург, 2008, с. 211.

В 1562 г., английский дипломат и путешественник Энтони Джекинсон «переехал Каспийское море в другом направлении и высидился в Армении, в городе, называемом Дербент, построенном Александром Великим, и оттуда проехал через Мидию, Парфию и Гирканию в Персию ко двору великого Суфия по имени шаха Тахмаспа, которому представил письма королевского величества... и пробыл при его дворе 8 месяцев...»¹²⁷.

В своих путевых заметках Энтони Джекинсон пишет о Шемахе, как о городе, в основном населенном армянами. («... этот город [Шамаха] находится далеко от побережья, в семи днях пути на верблюдах, но сейчас он в сильном упадке и в основном заселен армянами»)¹²⁸.

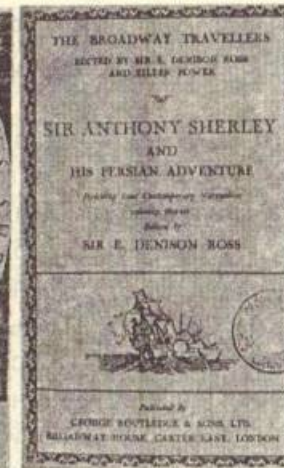
При шахе Аббасе I начался регулярный обмен посольствами с Англией, Россией, Францией, Голландией, Испанией и другими западными странами. Так, в 1599 году к Аббасу были направлены с дипломатической миссией братья Роберт и Энтони Ширли¹²⁹, которые были уполномочены английским правительством вести переговоры по созданию антитурецкого альянса, а также налаживанию с Сефевидами торговых связей, в частности, получения прав на льготы для английских купцов. Шах-Аббас дал свое согласие на создание такого союза и отправил в Европу посольство во главе с Ширли. В «Реляции о путешествиях в Персию» («Relation of his Travels into Persia») Энтони Ширли запечатлел подробное описание этой миссии, включая рассказы, повествующие о связанных с эпохой правления Аббаса I событиях.

При шахе Аббасе I начался регулярный обмен посольствами с Англией, Россией, Францией, Голландией, Испанией и другими западными странами. Так, в 1599 году к Аббасу были направлены с дипломатической миссией братья Роберт и Энтони Ширли¹²⁹, которые были уполномочены английским правительством вести переговоры по созданию антитурецкого альянса, а также налаживанию с Сефевидами торговых связей, в частности, получения прав на льготы для английских купцов. Шах-Аббас дал свое согласие на создание такого союза и отправил в Европу посольство во главе с Ширли. В «Реляции о путешествиях в Персию» («Relation of his Travels into Persia») Энтони Ширли запечатлел подробное описание этой миссии, включая рассказы, повествующие о связанных с эпохой правления Аббаса I событиях.

¹²⁷ Энтони Джекинсон, Путешествие из Лондона в Москву, – в кн.: Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке, пер. Ю. В. Готье, М., 1937, с. 68.

¹²⁸ Anthony Jenkinson, Early Voyages and Travels to Russia and Persia, London, 1886, т. 1, р. 131, 136. Цит. по: Рубен Галичян, Мифологизация истории, Ер., 2010, с. 47.

¹²⁹ Роберт Ширли принял участие в реформировании персидской армии.

О прибытии англичан братьев Ширли ко двору Аббаса и о развитии политических связей Сефевидов с европейскими государствами. Отмечает и упомянутый выше Дон Хуан Персидский: «Ко двору шаха прибыл англичанин, назвавшийся сэром Антонием Шерли, со сви-

той из тридцати двух сопровождающих. Он объявил себя двоюродным братом шотландского короля Якова, уверяя, что все короли христианского мира признали его и сейчас уполномочили в качестве посла вести переговоры с царем Персии, который должен заключить с ними союз, чтобы вести войну с Турцией... Сэр Антоний довел до сведения шаха, что кроме его католического величества короля Испании есть много других христианских королей в Европе и на Западе и есть более сильные монархи, которые с охотой объединятся с ним против Турции... Сэр Антоний так преуспел в продвижении этого вопроса, что шах ...отдал приказ, чтобы были начаты все приготовления для послов, предполагая, что сэр Антоний будет сам сопровождать персидское посольство»¹³⁰.

Помимо освещения переговорных процессов, европейские дипломаты и путешественники в своих notiциях пытались воспроизвести картину политической истории Сефевидской империи, а также стран и народов, чья судьба соприкасалась с историей персидского государства. Эти путевые записи существенно дополняют в том числе и имеющиеся сведения относительно исторической судьбы Армении, включая Нахичеванский край, и помогают на фоне международной обстановки эпохи воссоздать более полную картину истории страны этого периода.

¹³⁰ Россия и Европа глазами Орудж-бека Баята - Дон Хуана Персидского, кн. 3, гл. 1, с. 144.

НАХИЧЕВАН В ЗАПИСКАХ ЕВРОПЕЙСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ XVII ВЕКА

Для Нахичеванского края периода правления Шах-Аббаса I переломными были 1603 – 1604 гг., когда применённая Аббасом в борьбе с турками тактика «выжженной земли» стала судьбоносной для армянского народа. Из различных областей и городов исторической Армении в течение двух лет было переселено в Персию значительное количество населения. Только из Еревана и Нахичевана было угнано в Персию 250–300 тысяч армян. Массовая депортация жителей Армении, осуществлённая в 1604 – 1605 гг. по приказу шаха, вошла в историю под названием «великий сургун».

Аракел Даврижеци, автор «Книги историй...», охватывающей в основном события с начала XVII в. по 60-е годы того же столетия, будучи очевидцем многих событий, связанных с насильственным переселением Шах-Аббасом населения исторической Армении в глубь Персии, поясняет стратегический замысел правителя персидского государства следующим образом: «*В глубине души он понимал, что в [открытом] сражении не сможет противостоять Синанпаше, т. е. сардару Джгал-оглы. Поэтому и приказал выселить всех жителей Армении – и христиан, и евреев, и магометан – в Персию, чтобы османы, придя, нашли бы страну обезлюдившей. Войско же османское, не найдя провианта и корма, нужного как им самим, так и скоту их, было бы обеспокоено отсутствием необходимого. Кроме того, изгнанное население [в Персии] стало бы неотвратимо и навеки тяглыми рабами и земледельцами*»¹³¹.

Следуя своему плану, Аббас, как пишет Аракел, «превратил в необитаемую [пустыню] благоденствующую и плодородную Армению. Ибо при переселении он изгнал в Персию [жителей] не одного или двух, а многих гаваров, начиная с границ Нахичевана через Ехегадзор, вплоть до берегов Гегамских, Лорийский и Хамзачиманский гавары, Апаран, Шарапханэ, Ширакван, Заришат и часть селений Карса, все ущелье Кахзвана, всю область Алашкертскую, се-

¹³¹ Аракел Даврижеци, Книга историй (о происшествиях в Армении, в гаваре Араратском и в части Гохтанского гавара, начиная с 1051 по 1111 год армянского летосчисления (1602–1662), перевод с арм., предисловие и комментарий Л. А. Ханларян, «Наука», М., 1973, гл. 4, с. 61.

ления Маку и область Ахбак, Салмаст, Хой и Урмию и всех чужбинников и странников, оставшихся в городе и селениях Тавриза, всю долину Араратскую, город Ереван, землю Кырхбулахскую, ущелье Цахкунуц, ущелье Гарни и Урцадзор. А еще до того, разграбив и заповлонив, изгнали [население] гаваров Карина и Басена, Хнуса и Маназкерта, Арцкэ и Арчеша, Беркри и Вана – добычу и пленных доставили в Ереван и погнали дальше вместе с другими»¹³².

Целая глава «Книги историй...» (гл. 5. «Об изгнании [населения] самого богатого городка Джуги в Персию») посвящена истории принудительного исхода жителей Джуги (Джультфы). В дальнейшем, в связи с материалом по Джуге, содержащимся в путевых записях европейцев, мы не раз вернемся к тексту Аракела Даврижеци.

Мы не случайно привели выдержки из сочинения одного из наиболее авторитетных, по убеждению многих исследователей, армянских историков рассматриваемого периода.

Согласно точке зрения многих ученых, сведения, преподнесенные Аракелом Даврижеци, являвшимся свидетелем исторических событий или передающим информацию со слов очевидцев, можно считать предельно достоверными. Он, по словам Закария Канакерци, «полностью описал все деяния его [Аббаса]... Желющие узнать истину пусть читают и поучаются у него»¹³³.

Представленный армянским историком материал позволит лучше понять и оценить по достоинству информацию, заключенную в notiциях европейских авторов.

После этой необходимой, на наш взгляд, ссылки на армянскую историографию, вернемся к посетившим Нахичеванский край путешественникам.

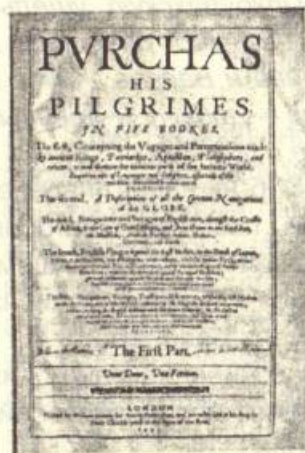
НАХИЧЕВАН В ЗАПИСКАХ ЕВРОПЕЙСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ 1600-1630 ГОДОВ

Поначалу обратимся к путевым записям путешественников, посетивших Нахичеван до массового переселения армян Шах-Аббасом.

¹³² Там же, с. 71.

¹³³ Закарий Канакерци, Хроника, перевод с арм., предисловие и комментарии М. О. Дарбинян-Меликян, М., 1969, т. 1, гл. X.

Джон Ньюбери

Английский путешественник Джон Ньюбери, побывавший по торговым делам во многих восточных странах, на отрезке своего пути от Тавриза до Токата посетил в 1581 году Джугу (Джульфу) и Нахичеван и оставил следующее описание этих городов: «На четвертый день [вышли] из Маранда и в тот же день [прибыли] в Джульфу: и [был] здесь деревянный мост, построенный на лодках, был и каменный мост, [однако] он был сломан. И Арас – название той реки, которая протекает около города, город же расположен у подножья некой горы. В этом

городе [Джульфа] три тысячи домов, и у них есть семь церквей¹³⁴, и самые богатые люди платят ежегодно двадцать Merchel¹³⁵, а

¹³⁴ О. Эфендиев в монографии «Азербайджанское государство Сефевидов в XVI веке» относительно Джульфы приводит данные из «Путешествия» Джона Ньюбери. То ли из-за небрежности, то ли намеренно, информация о «семи церквях» («they have seven Churches») Джульфы опущена и заменена историком на «15–20 тыс.» жителей («В 1581 г. английский коммерсант Ньюбери, приехавший в Джульфу, сообщает, что домов в городе было 3000, а жителей 15 – 20 тыс.»), см.: О. Эфендиев, Азербайджанское государство Сефевидов в XVI веке, Баку, 1981, с. 236.

С легкой руки Эфендиева искаженный текст продолжает свое существование. Его младший собрат по перу, автор «Исторической географии Нахичевана (XII– первая половина XVIII вв.)» Эльнур Келбизаде, ссылаясь на «авторитетный источник», приводит по Джульфе аналогичную информацию («Английский торговец Ньюбери заметил, что в городе насчитывается 3000 домов с населением 15–20000 человек»), см.: Elnur Kelbizade, Naḫçıvanın Tarixi Coğrafiyası (XII– XVIII əsrin I yarısı), Naḫçıvan, 2016, s. 93.

¹³⁵ И. Петрушевский в «Очерках по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI – начале XIX вв.» характеризует торговый городок Джульфа с населением 15– 20 тысяч жителей, как «складочное место и крупную биржу европейско-азиатской торговли шелком,... [который] также получил льготу освобождения от податей и был причислен к собственным доменам шаха - "хасс". Предоставление этой льготы легко объясняется тем обстоятельством, что джульфинские купцы были контрагентами шахского правительства во внешней торговле и нередко играли роль и дипломатических агентов шаха в европейских странах. Вообще Сефевиды, нуждавшиеся в поддержке ряда европейских государств для борьбы с Турцией, охотно пользовались для этой цели дипломатическими агентами из христиан – армянских купцов и духовных лиц», см.: И. П.

остальные – по их усмотрению. На пятый день вышли из Джульфы, и в тот же день остановились в одном хорошем городе, название которого Naḫuan (Нахичеван), здесь изобилие продовольствия, особенно винограда, а также шелк. И посередине между Джульфой и этим городом есть очень высокая круглая скала, сильно похожая на замок»¹³⁶.

Джон Картрайт (?)

В рамках затронутой темы нельзя не упомянуть английского миссионера-путешественника Джона Картрайта, книга «Путешествий» которого о странах и областях Ближнего Востока, посещенных им в конце XVI – начале XVII века, была напечатана в 1611 году. Помимо описаний ряда городов и местностей Армении – Битлиса, Вана, горы Арарат («которую турки называют Augri-Daugh, армяне же Messis-Saur; гора превышает по высоте все соседние горы»), которые перемежаются с органично вплетенными в сюжетную

канву армянскими преданиями, его книга содержит ценные сведения относительно армянского населения Исфахана, Джульфы («Chiulfal») ¹³⁷, Нахичевана до 1604 года.

Петрушевский, Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI– начале XIX вв., Ленинград, 1949, с. 93.

¹³⁶ «The fourth day from Merent, and the same day at Jolfa: and there is a Bridge of wood upon Boates, there was a stone Bridge, but it is broken. And Aras is the name of the River which runneth before the Towne, and the Towne standeth under a Mountayne. There are in this Towne three thousand Houses, and they have seven Churches, and the richest pay every house twentie Merchel a yeere, and the rest according to their abilitie. The fifth day from Jolfa, and the same day we lodged at a good Towne called Naxnan, which hath great plentie of victuals, and especially Angour, and also hath Silke. And in the middle way betweene Jolfa and this Citie, is a very high round Rocke, much like unto a Castle», см.: Newberry's Voyages, – in: Hakluytus Posthumus or Purchas his Pilgrimes, contayning a History of the World in Sea Voyages and Lande Travells, by Englishmen and others (4 vols.), 1625, vol. VIII, p. 468–469.

¹³⁷ Джуга (Джульфа) под названием Gōbdī указана на Карте Пейтингера, см.:

Джон Картрайт, пересекая земли Нахичевана, в своих путевых записях о городе Джульфа передал следующую информацию: «От подножья этой горы [Арагат], пройдя путь длиною в один день, ...мы прибыли в Джульфу – город, расположенный в Армении, на границе между Арменией и Азербайджаном, населенный христианами, частично армянами, частично грузинами. Они занимаются торговлей шелком и другими изделиями, богаты и искусны в оружии и воинских делах. Город, построенный у подножия великой Горы, имел две тысячи домов и десять тысяч душ населения и располагался на столь неплодородных землях, что они вынуждены завозить большинство продуктов, кроме вина, из города Нахичевана»¹³⁸.

Георг Текандер (1570 г. – около 1620 г.)

С целью заручиться поддержкой Аббаса в противостоянии с турками в 1600-ом году было решено отправить послом в Персию Стефана Какаша. В составе посольства был также Георг Текандер, которому предстояло в связи со смертью Какаша довести миссию до конца.

Составленное Текандером описание путешествия, изданное в 1609-ом году, имеет довольно пространное заглавие: «*Iter persi-*

А. Мартиросян, Армения по карте Пейтингера (IVв.), «Историко-филологический журнал», 2002, № 2, с. 143.

¹³⁸ *The Description of Chiulfal* «so we arrived at Chiulfal, a town situate in the frontiers between the Armenians and the Atropatians, and yet within Armenia, inhabited by Christians, partly Armenians, partly Georgians: a people rather given to the traffick of silks, and other sorts of wares, whereby it waxeth rich and full of money, than instructed in weapons and matters of war. This town consisteth of two thousand houses and ten thousand souls, being built at the foot of a great rocky mountain in so barren a soil, that they are constrained to fetch most of their provision, only wine excepted, from the city Nassivan...», – in: John Cartwright. *The Preachers Travels. Wherein is set downe a true journal, to the Confines of East Indies, through the great Countreies of Syria, Mesopotamia, Armenia, Media, Hircania and Parthia*, London, 1611, p. 724.

*cum*¹³⁹, краткое, но обстоятельное и правдивое описание путешествия в Персию, предпринятого в 1602 г. от Рождества Христова по всемилостивейшему приказанию <Его>Римского Императорского Величества благородным и доблестным господином Стефаном Какашем из Залонкемени, дворянином Семиградским; по кончине же его в пути, в Ленкоране, в Мидии, продолженного и до конца свершенного его спутником Георгом Текандером фон-дер-Ябель. С точным перечнем всего достопримечательного, встретившегося им и приключившегося с ними, как во время путешествия в Польше, Литве, России, Московии, Тартарии, Казани и Астрахани и на Каспийском море, так и в Персии и Армении и других областях Азии и Европы...»¹⁴⁰.

Итак, путешествие в Персию было предпринято в августе 1602-го года. Годом позже, в 1603-м году, после смерти Какаша, Текандеру пришлось самому возглавить миссию. 26-го октября он отправляется вместе с Робертом Ширли в Казвин, далее, уже в одиночку, 15-го декабря прибывает в Тавриз, который был взят Шах-Аббасом «за 12 дней до моего прибытия».

Как видим, наш путешественник оказался в гуще событий 1603-го года. К тому же, снискав доверие Шах-Аббаса и расположив его к себе (так, во всяком случае, ему казалось), Текандеру довелось сопровождать шаха в его последующих походах. «Все города и села, затем, куда бы мы ни пришли, – пишет Текандер, – подчинялись Персам добровольно, без всякого противодействия, как, например, города Маранд (Marant) в Мидии, Нахичевань, Джульфа (Nachtzschiruan, Sulpha) в Армении и многие другие, чему я сам был свидетелем. Где бы его Величество Шах ни проезжал, в городе ли, или деревне, повсюду простой народ, мужчины, женщины и дети, сбегался со всех сторон и становился в круги, держась за руки, и пели, и плясали, то припрыгивая, то приседая при каждом слове, согласно их обычаю. Посреди же каждого круга двое и трое играли на их бубнах, похожих на решета, обтянутых с одной стороны кожей, и снабженных четырьмя медными кружками¹⁴¹. Они играют на

¹³⁹ Etienne Kakasch de Zalonkemeny, Georges Tectander von der Jabel, *Iter persicum ou description du voyage en Perse, entrepris en 1602...*, Ch. Schefer, P., 1877.

¹⁴⁰ Какаш и Текандер, Путешествие в Персию через Московию 1602–1603 гг., М., Императорское общество истории и древностей Российских, М., 1896, с. 5.

¹⁴¹ Армянский бубен – Ղաղաղա.

них очень своеобразно и таким образом приветствовали Шаха пением и пляскою»¹⁴².

Был он свидетелем и въезда Шах-Аббаса в Джульфу: «Прибывши в Армению, Его Величество также не встретил никакого сопротивления, и все продолжало идти вполне благополучно. В городе Джульфа (Sulpha), сильной крепости, населенной исключительно одними христианами, Армянами, Шаха приняли необыкновенно великолепным образом: в честь его въезда все дома в городе, выстроенного без крыш, но с балконами наверху, были утыканы (besteket) свечами, коих всех было до 50.000, и кои горели в течение всей ночи»¹⁴³.

Шах, по разумению путешественника, продолжил мирное и победоносное шествие по армянским землям. «Из вышеназванной крепости Джульфа (Sulpha), – продолжает свой рассказ Текандер, – Его Высочество двинулся дальше и осадил Еривань, главную крепость Малой Армении, находящуюся в 150 немецких милях от Тавриза, довольно сильно укрепленную и удобно расположенную в плодородной местности...

Мы пробыли здесь еще четыре недели, пока крепость не была взята Персами, и я был отпущен домой. В помянутой крепости находилось до 40.000 Турок, по большей части бежавших туда из Тавриза, которые держались до пяти недель, но, наконец, сдались Персам, вследствие недостатка в жизненных припасах. Большая часть находившихся там, была умерщвлена»¹⁴⁴.

В повествование о победоносных действиях персов включен рассказ о Трех церквях¹⁴⁵ (Эчмиадзине), «коим несколько сот лет; две из них совсем развалились, главная же, называемая по-турецки Учкллисса (Utschklissa), поддерживается в хорошем состоянии... Прибыв туда, я был принят Армянами с царскими почестями... Сама церковь отлично выстроена из белого тесаного камня, с прекрасным сводом, имеющим круглое отверстие наверху, но образцов внутри ее совсем не имеется, и когда я спросил о причине

¹⁴² Какаш и Текандер, Путешествие в Персию..., с. 33.

¹⁴³ Там же.

¹⁴⁴ Там же, 37–38.

¹⁴⁵ Эчмиадзин назван «Три церкви» (по-турецки Üç kilise (Уч-килисе) по количеству имеющихся в нем церквей: первопрестольный Эчмиадзинский монастырь, церкви Св. Рипсимэ и Св. Гаянэ. В том же XVII веке – в 1694 году, в Эчмиадзине на месте церкви 4-го века была построена церковь Св. Шогакат.

сего, то мне ответили, что Турки не позволяют им теперь иметь образа и колокола, кои прежде у них были.

После подробного осмотра церкви, меня повели в дом старшего патриарха (Obristen Patriarchen)¹⁴⁶ и отлично угостили едой и питьем, причем ласково просили меня, как христианина, по возвращению моем, ходатайствовать у Его Высочества Шаха, о предоставлении им [права] свободно исповедовать их исконную религию со всеми их прежними правами и возратить им то, что было отнято у них Турками. Прибыв в Еривань, к шатру Шаха, я должен был... доложить Его Высочеству о всем, происходившем у Армян»¹⁴⁷.

Итак, посланец Рудольфа II Георг Текандер – очевидец и в какой-то мере участник событий, имевших место в армянских землях в 1602 – 1603 гг., оставил небезынтесную информацию о «деяниях» Шах-Аббаса до злополучного 1604-го года – времени насильственного переселения жителей исторической Восточной Армении, включая Ереван и Нахичеван, вглубь Персии.

Сведения, приводимые Текандером, подтверждаются рассказом Аракела Даврижеци¹⁴⁸ относительно беспрепятственного продвижения войск Шах-Аббаса по территории Нахичеванского края (Нахичеван, Джульфа) и верноподданнического отношения жителей к персидскому шаху, как к избавителю, который освободит их от турецкого гнета. Что касается событий, имевших место годом позже, во времена так называемой европейскими путешественниками трансмиграции армян, то реляция Антонио де Гувеа о побе-

¹⁴⁶ В это время католикосом был Давид IV (1590 – 1629).

¹⁴⁷ Какаш и Текандер. Путешествие в Персию..., с. 37–38.

¹⁴⁸ Приводится отрывок из «Книги историй» Даврижеци относительно вступления Шах-Аббаса в Джугу: «Все многочисленное и разнообразное население города [Джуга], заранее подготовившись, вышло навстречу шаху, как и подобало [встречать] царя. Знать – как старые, так и молодые, разряженные и вооруженные, облаченные в чудесные златотканые одежды, – шествовала навстречу [шаху]. И юные отроки подносили сладкое, благородное вино в золотых чашах. Священники с зажженными свечами, ладаном и фимиамом, и светские певчие, шествуя впереди, пели благозвучными голосами. Путь царя был украшен: от берега реки до дворца ходжи Хачика дорога была устлана коврами, драгоценной, прекрасной парчой, по которым царь прошеествовал и вступил в дом ходжи Хачика. А дома ходжа Хачик, вручив сыну своему золотое блюдо, полное золотых [монет], преподнес [его] царю. Все вельможи джугинские тоже преподнесли дары, подносящие царю. Шах оставался там три дня, и джугинцы потчевали его прекрасными, изысканными яствами и благоуханным вином», см.: Аракел Даврижеци, «Книга историй», гл. 3, с. 52.

дах, достигнутых Аббасом в войнах против Мехмеда III (1568–1603) и его сына Ахмеда I (1603–1617), позволяет читателю составить более полную картину произошедшего.

Антонио де Гувеа (1505 г. – 1565 г.)

Несколько слов об авторе реляции. Антонио де Гувеа, член ордена Августинцев, посол дипломатической миссии испанского короля Филиппа III ко двору Шах-Аббаса в 1602–1613 годах. В решении отправить его к правителю Сефевидов далеко не последнюю роль сыграл архиепископ Гоа¹⁴⁹ – Алексис де Менезес (1595 – 1609), заинтересованный в создании Августинского монастыря в Исфахане. Антонио де Гувеа во время первой поездки в Персию в 1602 году¹⁵⁰ (а он посетил ее трижды)

было поручено доставить Шах-Аббасу письмо Филиппа III, заверявшее о готовности Европы вести борьбу с османами.

Реляция Антонио де Гувеа – «Relation des grandes guerres et victoires obtenues par le roy de Perse Cha Abbas contre les emperours de Turquie Mahomet et Achmet, son fils», состоит из трех книг. В первой дается описание пути и событий, происходивших по дороге к шахскому двору, во второй повествуется о сефевидско-османских войнах, в третьей книге «*рассказывается о порабощении армян и их трансмиграции, и что было сделано отцами августинцами, чтобы их привести в лоно Римской церкви*»¹⁵¹.

Прежде чем перейти к третьей книге, остановимся вкратце на материале, заключенном во второй книге, в частности, на шестой главе, повествующей о взятии Шах-Аббасом городов Маранд, Джульфа, Нахичеван, Ордубад, Шарур и других местностей («Le

¹⁴⁹ Гоа – штат на юго-западе Индии, бывшая португальская колония на полуострове Индостан.

¹⁵⁰ Антонио де Гувеа сопровождали Жером де ла Круа и Кристоф де Сен-Эсприт из ордена отшельников Св. Августина (августинцев-эремитов).

¹⁵¹ Relation des grandes guerres et victoires obtenues par le roy de Perse Cha Abbas... par le père P. Fr. Anthoine de Gouvea, Religieux du mesme Ordre, Recteur du College de S. Augustin de Goa, Professeur en Theologie, Rouen, 1646, livre 3, p. 341.

Roy prend la ville de Maranda, Gilfa, Narsiuan, Ordubad, Charur, et autre lieux»).

Согласно Гувеа, войска Шах - Аббаса беспрепятственно заняли Нахичеван, шах же был «*встречен жителями с воодушевлением и радостью*». Из Нахичевана шах двинулся в направлении «*города Ордубада, который ему сдался безоговорочно, он имеет семь или восемь тысяч жителей, большая часть которых армяне, поданные паши Еревана.... Из Ордубада шах пошел прямо на Акулис (Iglis), населенный армянами, которым овладел с такой же легкостью... Из Акулиса он пошел на [город] Джульфа (Gilfa), населенный самыми богатыми торговцами во всей области, поэтому-то он и весьма знатен и является важным [центром] торговли*».

Узнав о приближении войск Аббаса к городу, жители напали на турецкий гарнизон численностью в сто человек, «*убили всех, затем взяв из сокровищницы матери великого султана деньги, головы упомянутых турок, а также съестные припасы для войска, они пошли навстречу шаху и преподнесли ему все перечисленное вместе с ключами от города*»¹⁵².

Пробыв в Джульфе три дня, Аббас направился к Нахичевану, «*который также почти весь населен армянами*». Следующий город на пути Аббаса был «*Ереван, полностью населенный армянами,... и примечательно то, с какой легкостью шах завоевал столь большие города, не говоря уже о предместьях и деревнях ... От его въезда в Тавриз до осады Еревана, прошло два неполных месяца, в течение которых он овладел Большой Мидией*¹⁵³ и большей частью Великой Армении... »¹⁵⁴.

¹⁵² Там же, с. 223–224.

¹⁵³ Во «Всемирной истории» Жак-Огюста де Ту дается следующее пояснение относительно Мидии: «*Существует Ширван или Малая Мидия (le Schirvan ou la Medie mineure) и собственно Мидия или Большая Мидия (la Medie propre, ou majeure), со столицей в Тавризе*», см.: Histoire Universelle de Jacques Auguste de Thou, depuis 1543 jusqu'en 1603, 1734, v. 8, p. 33.

¹⁵⁴ Немецкий путешественник Адам Олеарий, посетивший Персию, отметил военную хитрость, к которой прибегал Шах-Аббас при взятии крепостей и городов: «*Так как шах Аббас заметил, что турки больше нападали на защищенные и укрепленные места, стараясь занять их, и проходили мимо открытых местечек, и так как он полагал, что крепости, лежащие не у границ или проходов, но посередине страны, для него более вредны, чем полезны, он и велел сам снести укрепления у южной части (Шемахи), которая имела наиболее сильную стену, так что она лежит теперь вроде открытого местечка, В том же роде было поступлено и с большими*

В последующих четырех главах (с VII по X) второй книги подробнейшим образом дается хроника осады Еревана. Восьмого марта 1604 года, после месячной осады, крепость Еревана была взята.

Следующим звеном в цепи завоеванных персами городов был Карс. Шах-Аббас велел отправить «конные войска, возглавляемые правителем Хамадана Хусейн-ханом и Сарсига-султаном, на Карс. Паша, который находился внутри крепости, заперся в ней и не желал выйти»¹⁵⁵.

А дальше произошло то, что станет нормой, руководящим началом в аббасовской военно-политической стратегии. При осаде Карса «персы... спалили пшеничные поля, опустошили и разгромили как только могли страну после чего войска вернулись обратно. Шах же расположился возле крепости Шурагель и велел Шахкули-хану с исфаханским войском взять приступом (крепость Карса), что тот и сделал с успехом, и отрубив головы семидесяти воинам... преподнес их шаху»¹⁵⁶.

Завоевание Карса стало началом, можно считать, водоразделом в истории завоевательной политики Шах-Аббаса. Так называемое «мирное шествие» персидских войск по городам и местностям и добровольная их сдача сменились тактикой выжженной земли. В случае с Карсом слово *выжженная* можно понимать и в прямом (сжигания посевов на полях – источниках для пропитания противника), и в переносном смысле.

Участь Карса постигла не только Джульфу и Нахичеван («Шах сокрушил города Нахичеван и Джульфу, а жителей погнал в Исфахан»¹⁵⁷), но и почти всю историческую Армению, чьи города и селения были превращены в развалины, посевы и сады истреблены, дороги и мосты разрушены. Будучи не в состоянии отразить наступление турецкого военачальника Сигала-паши¹⁵⁸, Шах-Аббас пошел по пути опустошения и деэтнизации территории.

«Они, – сокрушается Антонио де Гувейа, – разрушили и разорили всю страну [армянскую] таким образом, что [население] более

городами Тавриз, Нахджуан [Нахичеван] и Кенджэ [Гянджа]», см.: Адам Олеарий, Описание путешествия в Московию, М., Русич, 2003, с. 394.

¹⁵⁵ António de Gouveia, Relation des grandes guerres et victoires obtenues par le roy de Perse, p. 254.

¹⁵⁶ Там же.

¹⁵⁷ Там же, с. 266.

¹⁵⁸ Джигалазаде Юсуф Синан-паша – османский государственный деятель, принявший в 1604 году командование восточным фронтом в очередной войне с персами.

двадцати хороших, густонаселенных городов были самым жестоким и безжалостным образом разграблены, не считая предместий и деревень, до такой степени многочисленных и заселенных, что только на территории [области] Еревана насчитывалось более полторы тысячи, некоторые из них имели от четырёхсот до пятисот жителей. Главные города: Ереван, Нахичеван, Шарур и Акулис (Glis) были разграблены и опустошены, церкви осквернены и превращены в хлева, иконы истреблены и преданы огню»¹⁵⁹.

Гравюра Яна Лёйкена. Шах-Аббас уводит в плен армян, 1604 г. (из книги Эмануэле Алипранди, «История Нахиджевана»).

По данным де Гувейа, из Араратской равнины было жесточайшим образом выдворено более шестидесяти тысяч семей.

А вот как описывает размеры депортации согнанного с различных гаваров армянского населения Аракел Даврижеци: «Получив такой всесокрушающий и жестокий приказ царя, каждый из военачальников выступил со своим полком и устремился в тот гавар страны армян, куда ему было приказано; и, словно бушующее пламя, бегущее по тростнику, они погнали перед собой объятых паникой и тревогой жителей гаваров, выселенных отовсюду из их жилищ, и насильно гнали, подобно огромному сонмищу стад, пока не довели до Араратского гавара, где они заняли от края до края всю

¹⁵⁹ Antonio de Gouveia, Relation des grandes guerres....., p. 347–348.

обширную равнину. Ширина стана простиралась от подошвы Гарнийских гор до берега большой реки Ерасх»¹⁶⁰.

В дальнейшем своем рассказе, скорее плаче, Гувеа пишет о взятых в плен детях, обезбещенных девушках, проданных в рабство и отправленных в притоны. По подсчетам де Гувеа, число этих девушек и женщин превышало сто тысяч. «Воистину жалостное зрелище, способное растрогать самое жестокое сердце, видеть, как после грабежа четыре солдата врывались в дом и делили между собой детей и женщин... матери цеплялись за детей, а те за матерей, и воистину небеса разверзлись от их криков и стенаний Казалось, что сам пророк произносил *Non parceret oculus eorum...*»¹⁶¹.

Во второй главе третьей книги – «Как Шах опустошил всю Армянскую область и муки, которые претерпели эти несчастные люди во время переселения» («Comme le roy fit despeupler toute la Province d'Armenie et des peines que souffrirent ces pauvres gens en leur transmigration»)¹⁶², описываются страшные бедствия, постигшие армян: «опустошение и истребление, голод и меч».

Автор «Реляций» – португалец Антонио де Гувеа, настолько прочувствованно и проникновенно повествует об истории насильственной депортации армян, так сильно сопереживает участи армян, что у читателя создается впечатление, что он их единоплеменник.

Поведанная де Гувеа история об участии, постигшей армян, перекликается с «Итинерарием»¹⁶³ католического архиепископа Нахичевана, уроженца села Абаранер Августиноса Баджеци, который в пятнадцатилетнем возрасте был очевидцем событий 1605-го года. Личная судьба автора – Августиноса Баджеци, пострадавшего от политики Шах-Аббаса, вписана в общую, полную драматизма судьбу согнанного со своей земли народа («люди, изгнанные из своей

страны, подобно негодному стаду», «унесенные волнами» при переправе через Аракс вплавь, «крики и стенания, возносящиеся к небесам», и т.д.).

Следует отметить, что к теме насильственного переселения армян и всех сопутствующих этой депортации бедствий обращались многие европейские путешественники.

Прежде чем перейти к третьей главе третьей книги Антонио де Гувеа, посвященной деятельности католических миссионеров в Нахичеване и, в частности, отцов августинцев, обратимся к реляции о двух путешествиях в Персию, совершенных в пору правления Шах-Аббаса. Речь идет об испанском путешественнике и дипломате Дон Гарсиа да Силва Фигероа (1550 – 1624) и об итальянском путешественнике Пьетро делла Валле (1586 – 1652), посетивших Персию приблизительно в одно и то же время. Оба они были лично знакомы с Шах-Аббасом.

Пьетро делла Валле (1586 г. – 1652 г.)

Пьетро делла Валле, посетив Стамбул, Египет, Иерусалим и Сирию в ходе своего двенадцатилетнего путешествия по Востоку в 1617-ом году прибыл в Персию, в которой пробыл до 1623-го года. Получив в феврале 1618-го года в Фараджабаде аудиенцию у Шах-Аббаса, он в последующем сопровождал шаха в его

поездках по Персии и даже принимал личное участие в его войнах с турками. Плодом его путешествия по персидской земле, а также тесного общения с шахом, стали две книги: «Путешествие...»¹⁶⁴, написанное в форме восемнадцати писем из Персии, и «История Шах-Аббаса» («Delle condizioni di Abbas, re di Persia»), во французском переводе – «История апологетики Аббаса, царя Персии» («Histoire apologétique d'Abbas, roy de Prese»), представляющая

¹⁶⁰ Аракел Даврижеци, «Книга историй», гл. 4, с. 62.

¹⁶¹ Гувеа приводит предреkania пророка Иезекиля о надвигающихся на Израиль бедствиях: «И не пощадит тебя око Мое, и не помилую. По путям твоим воздам тебе, и мерзости твои с тобою будут; и узнаете, что Я Господь каратель» («Книга пророка Иезекиля», 7:9).

¹⁶² Antonio de Gouveia, Relation des grandes guerres et victoires obtenues par le roy de Perse, p. 351.

¹⁶³ «Итинерарий» Августиноса Баджеци был переведен на французский язык М. Броссе, см: Itinéraire du très-réverend frère Augustin Badjétsi, évêque arménien de Nakhidchévan, de l'ordre des Frères-Prêcheurs, à travers l'Europe..., trans. M. Brosset, – in: Journal asiatique, troisième série, tome III, Paris, 1837, mars, p. 218–245.

¹⁶⁴ Viaggi di Pietro Della Valle il pellegrino, descritti da lui medesimo in lettere familiari all'erudito suo amico Mario Schipano, divisi in tre parti cioè: la Turchia, la Persia e l'India. Colla vita e ritratto dell'autore, Torino, 1843.

оправдательный панегирик персидскому шаху. Что касается посещения делла Валле армянских земель, то он в них не был, сведения же о Нахичеване и об участии армян получил от своего окружения. Среди многочисленных передатчиков информации были и отцы - августинцы, а также отцы-кармелиты. Нелишне упомянуть, что женой делла Валле была армянка родом из Багдада, а приемной дочерью – осиротевшая грузинка, родители которой погибли во время насильственного переселения Шах-Аббасом грузин. Заметим попутно, что Грузия занимает особое место в записях делла Валле, а грузины, с которыми его свела судьба, являются бесспорно неопределимым экспедиентом информации. События, связанные с «*трансмиграцией [населения], опустошением областей, порабощением, принуждением отречься от своей веры*»¹⁶⁵, он связывает с их заблуждениями и схизмой. Он раздраем противоречиями по поводу личности Шах-Аббаса и его принудительной переселенческой политики. Как христианин, он не может не проникнуться состраданием к участи армян и грузин. Вместе с тем он одержим желанием оправдать действия шаха. Наглядным примером реабилитации инициатора трагических событий является пассаж из «Путешествия...», в котором делла Валле с умилением рассказывает о «*брызжущих из глаз Шах-Аббаса слезах, скатывающихся по его лицу*»¹⁶⁶, когда он рассказывал, как ему было тяжело видеть «*разоренные города, опустевшие дома, опасности, подстерегающие людей, уничтожение их имущества; слышать жалобные крики матерей и их угнанных детей ...*»¹⁶⁷.

В другом месте своих нотаций, пытаясь снять вину с Шах-Аббаса, он пишет: «*Шах переселил людей с различных мест из боязни оставить их в пределах Турции, что могло привести к их гибели;... и привел их в центр Персии, где им предоставил другие земли для возделывания....*»¹⁶⁸.

Приблизительно аналогичной точки зрения придерживается посетивший Нахичеванский край спустя век француз Франсуа Пуле. Согласно его записям, Шах-Аббас переселил армян в Исфahan поскольку «*они подвергались частым набегам турок, он же хотел сохранить этот народ, ведавший торговлей в его государстве*»¹⁶⁹.

¹⁶⁵ Voyages de Pietro della Vallé, Rouen, 1745, t. 3, p. 229.

¹⁶⁶ Там же, с. 217.

¹⁶⁷ Там же, с. 227–228.

¹⁶⁸ Les fameux voyages de Pietro della Valle, t. II, 1670, p. 39.

¹⁶⁹ Poulet, Nouvelles relations du levant, seconde partie, P., 1668, p. 160.

Подобная трактовка делла Валле политики Шах-Аббаса, видимо, смутила автора монографии «Монархия Сефевидов и европейская современность» Орели Шабриэ. Автор призывает для понимания истинных причин этой депортации прочесть книгу Аракела Даврижеци в переводе Броссе¹⁷⁰.

Еще задолго до рекомендации историка обратиться к «Книге историй» Аракела Даврижеци перевод Броссе был взят Дюбуа де Монперё за основу при изложении событий, связанных с историей города Джульфа и политики Шах-Аббаса в отношении жителей города¹⁷¹.

Шах-аббасовская тема является доминирующей в путевых записях-письмах делла Валле, остальные темы так или иначе связаны с ней или приобщаются к ней.

Рассказывая о беспрепятственной деятельности католических орденов и церквей на территории Персии, он касается и гавара Ернджак (Alingia), в котором «*вот уже в течение нескольких столетий расположилось множество церквей и монастырей. Служба у них ведется на армянском языке, однако они добрые католики, которые управляются архиепископом их нации, назначаемым папой...*»¹⁷².

Пространный рассказ о деяниях католических миссионеров в Нахичеване содержится и в третьей книге упомянутого нами выше Антонио де Гувеа. Португальский путешественник начинает свое повествование с деятельности «*Варфоломея Болонского (Barthelemy Bollonnois), монаха доминиканского ордена*»¹⁷³ (Religieux de l'Ordre des FF. Prescheurs), который пришел в Армению в 1337-м¹⁷⁴ году, и благодаря которому многие местности и селения вступили в

¹⁷⁰ Aurélie Chabrier, La monarchie safavide et la modernité européenne (XVIe–XVIIe siècles), Toulouse II, 2013, p. 116.

¹⁷¹ Дюбуа де Монперё посвящает Джульфе целую главу («Джульфа, ее руины и ее история»), см.: Frédéric Dubois de Montpéroux, Voyage autour du Caucase..., t. IV, Paris, 1840, pp. 20–40.

¹⁷² Voyages de Pietro della Vallé, t. III, p. 127.

¹⁷³ Основателем ордена проповедников, более известного, как орден доминиканцев, был испанский католический монах Доминик де Гусман Гарсес (1170–1221).

¹⁷⁴ Указана ошибочная дата. Варфоломей Болонский прибыл в село Кырна в 1330-ом году. Возможно, де Гувеа спутал его с другим доминиканцем, Bartholomaeus-ом de Piscialis-ом.

лоно Римской церкви»¹⁷⁵. «Однако он не только подчинил многие города и села Римской церкви, – продолжает свое повествование де Гувей, – но и утвердил и обучил их всем обрядам латинян, основывая во многих местностях монастыри своего ордена... Он перевел с латыни на армянский много книг, среди них сочинения нашего Отца Св. Августина, а также труды Фомы Аквинского...».

В рассказ о деятельности католических миссионеров в Нахичеване он вводит сведения о «доминиканском монастыре в армянском селе под названием Апаранер (Baramier)¹⁷⁶, настоятель которого после своего назначения, отправляется в Рим, где посвящается в епископы... В основном они хранят три обета¹⁷⁷; они живут в монастыре в уединении, что касается одеяния, то они носят нарамник¹⁷⁸ белого цвета, в остальном облаченье у них, как принято у всех остальных армян, они отправляют службу и молятся на армянском языке, однако обряды у них латинские. Эти несчастные христиане претерпевали и претерпевают вечные страдания, как под владычеством турок, так и персов».

Далее де Гувей приводит рассказ о настоятеле доминиканского монастыря, брате Никола, который был жестоко наказан иноверцами за то, что за неимением съестного предложил им орехи и миндаль. Так эти солдаты не ограничились тем, что кололи орехи на его голове. Они подвесили его за ноги на дереве, в результате чего он потерял глаз¹⁷⁹.

Де Гувей, касаясь армянских католических сел, особо подчеркивает, что жители местностей, в которых исповедовали католическую веру, несмотря на «притеснения и разбой со стороны персов, остались в своих домах и в своей стране, и не были принуждены сменить место жительства в отличие от большинства [христиан] схизматиков»¹⁸⁰. Объясняет он это тем, что под свою защиту их взял сам Бог, который «охраняет эту духовную паству в течение

¹⁷⁵ António de Gouveia, Relation des grandes guerres et victoires obtenues par le roy de Perse, p. 368.

¹⁷⁶ Апаранер (Աշիրաբեր, Աշիրաբեր) – село в гаваре Ернджак. Нынешнее название – Бананиар.

¹⁷⁷ Монашеских обета три: девство, послушание и нестяжание.

¹⁷⁸ Нарамник представлял собой кусок ткани, сложенный пополам, с отверстием для головы на месте сгиба.

¹⁷⁹ António de Gouveia, Relation des grandes guerres et victoires obtenues par le roy de Perse, p. 376.

¹⁸⁰ Там же, с. 374.

столь длительного времени от таких многочисленных врагов веры [католической], как турки и остальные армяне-схизматики»¹⁸¹.

Гарсиа де Сильва Фигероа (1550 г. – 1624 г. или 1628 г.)

О католических селах (числом двенадцать), расположенных близ Нахичевана, рассказывает и испанский путешественник и дипломат Дон Гарсиа де Сильва Фигероа, посланный в 1614-ом году королем Испании Филиппом III ко двору шаха Аббаса I и вернувшийся на родину в 1624-ом году (в Персии он пробыл с 12-го октября 1617-го по 19-е октября 1618-го года). Сведения об армянах-католиках заключены в рукописи его реляции «Totius Legationis Suae et Indicarum rerum Persidis commentarii», на основе которой Викфором был составлен и в 1667-ом году издан трактат на французском языке под названием «L'Ambassade de D. Garcias de Silva Figueroa en Perse...» («Посольство Дона Гарсиа де Сильва Фигероа в Персию...»).

Фигероа располагает двенадцать сел армян-католиков, образующих кантон-коммуны, в двух днях пути от Еревана [Ervan]: «Ierva по Птоломею, который ныне, как и прежде, является столицей всей Армении».

Эти села расположены вблизи города Нахичевана (Maxiuan), «большая их часть подчиняется Римской церкви. В некоторых из этих сел действуют доминиканские монастыри, которые, согласно уставу римской церкви, находятся под началом настоятелей. Епископ их армянской национальности, приверженец того же ордена, ему не позволяется вступать в брак, он служит литургию, читает те же молитвы, что обычно читают в Европе представители этого же ордена».

Де Сильва Фигероа сокрушается по поводу постоянных войн и бедствий, обрушивающихся на эту «несчастную [Нахичеванскую] область». «Обреченные на вечные страдания, – досадует он, – число этих армян, которых называют франками, уменьшилось на-

¹⁸¹ Там же.

столько, что мне кажется, их не более тысячи»¹⁸².

Далее де Сильва Фигероа прослеживает историю проникновения католицизма в Нахичеван. Армяне в этом регионе примкнули к Римской церкви еще «со времен Узун-Хасана, шаха Персии, жена-того на дочери Трапезундского правителя Калояна (Calojoannes)¹⁸³, Деспине-хатун¹⁸⁴, православного вероисповедания.... Принцесса эта всегда вспомоществовала христианам Запада, в частности, послам Венецианской республики к Узун-Хасану, а также [посланцам] папы Сикста IV и Филиппа, герцога Бургундского»¹⁸⁵.

После краткой исторической прелюдии автор переходит к периоду папствования Иоанна XXII¹⁸⁶, в пору правления которого «за сто пятьдесят лет до описанных выше событий святой человек из ордена св. Доминика, именуемый Варфоломей Болонский, присоединил к правоверной Римской церкви села, о которых уже говорилось. Он, наряду с другими западными монахами ордена, основал небольшую монашескую общину, их стараниями три-четыре небольшие [армянские апостольские] церкви были преобразованы [в католические], настоятель которых имеет звание епископа Нахичевана (Machian), поскольку город с тем же названием расположен по соседству»¹⁸⁷.

Как видим, тема деятельности католических миссионеров в Нахичеванском крае, а также история армянской католической общины на территории Нахичевана является одной из центральных, главенствующих тем в записках европейских путешественников. Ключевой фигурой в них выступает Варфоломей Болонский, сыгравший не последнюю роль в распространении униатского движения в Армении (*congregatio dominicana FF unitorum*).

¹⁸² García de Silva y Figueroa, L'Ambassade de D. Garcias de Silva Figueroa en Perse..., traduite de l'espagnol par M. de Wicqfort, P., 1667, p. 194.

¹⁸³ Иоанн IV Калоян Великий Комнин – трапезундский император (1429–1460), старший сын Алексея IV Великого Комнина (1417–1429) и Феодоры Кантакузины.

¹⁸⁴ Феодора Великая Комнина, также известная под монгольским именем «Деспина-хатун» (Деспина – греч. госпожа), жена правителя Ак-Коюнлу Узун-Хасана.

¹⁸⁵ García de Silva y Figueroa, L'Ambassade de D. Garcias de Silva Figueroa en Perse..., p. 195.

¹⁸⁶ Иоанн XXII (1244 или 1249–1334) – Римский Папа с 7 августа 1316 года по 4 декабря 1334 года. Второй папа периода Авиньонского пленения.

¹⁸⁷ García de Silva y Figueroa, L'Ambassade de D. Garcias de Silva Figueroa en Perse..., p. 195.

В 1318 году Варфоломей Болонский был назначен епископом Марагинского¹⁸⁸ католического монастыря, отчего и был назван в Армении Марагаци. В 1330 году марагинская монастырская братия во главе с Варфоломеем и его сподвижниками Петром Арагонским и Джоном Английским, к которой примкнул также Ованнес Крнеци¹⁸⁹, переезжает в село Кырна, и там также основывает католический монастырь.

В дальнейшем нам придется не раз обращаться к личности Варфоломея Болонского¹⁹⁰. Информация о католическом миссионере, его научной, литературной и политической деятельности, а также об армянской католической общине, заложенная в текстах европейских путешественников, будет постоянно дублироваться и дополняться новыми сведениями и деталями, что позволит воссоздать целостную картину жизни исповедующего католицизма армянского населения на территории Нахичевана.

В путевых записках де Сильва Фигероа по Армении находят место и города Джульфа – как Новая, так и Старая, расположенная «по ту сторону реки [Аракс]». Предместье Исфакана – Новая Джульфа, «названа по имени главного города Армении, полностью разрушенного Шах-Аббасом; сюда он переселил наиболее имущую часть населения, которому было дозволено продолжать вести торговлю»¹⁹¹.

Капудин, автор «Новых путешествий в Левант или трактата о религии, правлении, обычаях персов, армян и гебров»¹⁹² отец Габриель де Шинон (1610–1668), отправленный в 40-ых годах с миссией в Персию и Армению, в своих реляциях, которые использовались в дальнейшем многими европейскими путешественниками, полагает, что Шах-Аббас с помощью жителей Джульфы, имеющих репутацию отличных купцов, надеялся обогатить свою страну¹⁹³.

¹⁸⁸ Марага (также *Мепара*) – город на северо-западе Ирана.

¹⁸⁹ Ованнес Крнеци в 1333 году был назначен духовным предводителем католической общины области Ернджак.

¹⁹⁰ О деятельности Варфоломея Болонского см.: С. С. Аревшатян, К истории философских школ средневековой Армении (XIV в.), Ереван, 1980.

¹⁹¹ García de Silva y Figueroa, L'Ambassade de D. Garcias de Silva Figueroa en Perse..., p. 193.

¹⁹² Гебры (гавры) – персы, приверженцы зороастризма.

¹⁹³ Gabriel de Chinon, Relations nouvelles du Levant, ou traités de la Religion, du gouvernement et des coutumes des Perses, des Arméniens, et des Gaures, Lyon, 1671, p. 253–254.

Хочется особо обратить внимание на факт упоминания де Сильва Фигероа Старой Джульфы, как главного города Армении. И это не единичный случай. Многие путешественники считают Джульфу стольным градом Армении, ее главным городом.

Анри де Фейнес (1573 г.– 1647 г.)

Французский путешественник Анри де Фейнес, совершивший в 1606 – 1614 гг. поездку в китайский город Гуанчжоу (ранее был известен как Кантон), из которого на протяжении многих веков брал начало морской Шёлковый путь, пересек ряд стран Востока, в том числе и Персию. Он также называет Старую Джульфу «главным городом Армении»¹⁹⁴.

Книга его путешествия была издана в 1625-ом году в Лондоне, а в 1630-ом – в Париже, во французском переводе, которым мы воспользовались при переводе нижеприведенного фрагмента: «Этот властодержец (Шах-Аббас), покорив народ Армении и захватив их главный город¹⁹⁵ под названием Джульфа (Chorfe), погнав большую часть населения в Исфahan (l'Españ), в полульё от которого он пожаловал им [армянам] земли» («Ce prince ayāt subjugué tous les peuples d'Arménie, et pris leur capitale Ville, appelée Chorfe, mena dans l'Españ la plus part des habitants du país, ausquels il donna une place à demye lieuë de là»)¹⁹⁶.

¹⁹⁴ Французский путешественник Жан Тевено (1633 г., Париж – 1667 г., Персия) отмечает, что Старая Джульфа расположена в Великой Армении (dans la haute Arménie), см.: Suite du voyage de Mr. de Thevenot au Levant, P., 1674, p. 269.

¹⁹⁵ Известный русский писатель Андрей Николаевич Муравьев, совершивший в 1846–1847 гг. путешествие по Грузии и Армении, оставил относительно Старой Джульфы следующую запись: «Можно причислить къ столицамъ Арменіи еще одинъ городъ, процветшій уже во время ея падения, Джульфу на берегахъ Аракса, отъ которой осталось теперь исполинское кладбище», см.: А. Н. Муравьев, Грузия и Армения, СПб., 1848, ч. 2, с. 126.

¹⁹⁶ Henry de Feynes, Voyage fait par terre depuis Paris jusques à la Chine par le Sr. de Feynes gentilhomme de la maison du Roy, Et ayde de Mareschal de Camp de ses armées. Avec son retour par mer, P., Pierre Rocolet, 1630 p. 58.

Анри де Фейнес высказывает предположение, что Шах-Аббас переселил армян Джульфы «умышленно, с целью развития торговли, поскольку они были знатоками торгового дела и купечествовали по всему миру»¹⁹⁷.

Фактически, уже в начале XVII века французский путешественник усмотрел в политике Аббаса I по переселению армян – знатоков торгового дела, умысел, направленный на перенесение центра международной торговли шелком, которым была Джульфа, в Иран, и прокладывание караванного пути торговли шелком через Исфahan к Персидскому заливу.

Что касается истории Джульфы на Араксе, то здесь, как пишет в статье «Город Нахичевань и Нахичеванский уездъ» К. Никитин, «с давних пор нашла себе убежище горсть армянского населения, привлеченная сюда выгодами торгового пути из Персии в Армению; это поселение есть та самая Джульфа, о которой упоминают армянские историки в самые отдаленные века. Здесь еще до сих пор видны в реке устои двух или трех мостов через Аракс, существовавших в давние времена; по ним проходили из Персии в Армению и обратно караваны товаров, а Джульфа была главным путем на этом пути. По этим же мостам проходили некогда и римские легионы...

Когда мосты обрушились, здесь находилась самая удобная переправа, и по обеим сторонам реки были возведены караван-сарай...»¹⁹⁸.

Переправа через р. Аракс. Литография из книги Фрэнсиса Чесни «The Expedition for the Survey of the Rivers Euphrates and Tigris...».

¹⁹⁷ Там же, с. 58–59.

¹⁹⁸ К. А. Никитин, Город Нахичевань и Нахичеванский уездъ, – в кн: Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. 2, 1882, с. 139.

Этой самой «удобной переправой» через Аракс пользовались почти все пересекающие Нахичеван европейские путешественники. Рассказ о лежащем на их пути городе Джульфа стал неременной тематической составляющей их тревелогов.

Упоминание о Джульфе можно обнаружить и в дневнике миссионера отца Филиппа (мирское имя *Esprit Julien* (Эспри Жюльен)). Третьим по важности городом в списке перечисленных путешественником главных городов Армении числится Джульфа. «Третий город Армении – город Джульфа (*Chulfa*)», – осведомляет автор читателя.

НАХИЧЕВАН В ЗАПИСКАХ ЕВРОПЕЙСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ 1630-1650 ГОДОВ

Во второй половине семнадцатого века значительно увеличилось число путешественников, направлявшихся на Восток, что породило множество достойных внимания нотаций. XVII век можно по праву назвать веком путешествий и путевых заметок. Известный французский литературовед, специалист по литературе XVI–XVII веков *Норман Дуарон* считает, что в европейской литературе тревелог (*recit de voyage*), как литературный жанр «со своим собственным стилем, поэтикой и риторикой», появился в 1632 году¹⁹⁹.

Цели и смыслы, преследуемые путешественниками, были различными. Наряду с искателями приключений на Восток потянулись дипломаты и миссионеры. Большинство путешествий совершалось, как правило, с прагматической целью.

Особое место стали занимать путешествия, предпринимаемые европейцами с торговыми целями. Зачастую эти коммерческие поездки носили не только торгово-экономический, но и научно-образовательный характер, обретали характер «путешествий за знаниями». Стали предприниматься и путешествия с чисто научной целью, так называемый ныне научный туризм. Именно к этому времени восходит путешествие преподобного отца Филиппа.

¹⁹⁹ Normand Doiron, *L'art de voyager: le déplacement à l'époque classique*, Presses de l'Université Laval, 1995, p. 62.

Отец Филипп, из ордена босых кармелитов (1603 г.– 1671 г.)

Несколько слов об авторе и его путевых записях, которые содержат заслуживающий внимания материал по Армении. В 1639 году, в год смерти Шах-Аббаса,

кардинал Франческо Барберини посылает в Святую Землю и в Персию миссионера отца Филиппа (*Philippe de la Très Sainte Trinité* (1603 – 1674) из ордена босых кармелитов²⁰⁰. Вторичная поездка на Восток с посещением Сирии, Месопотамии, Халдеи, Мидии, а также Армении, состоялась приблизительно в 1639–40-ых годах. Восточные впечатления и наблюдения путешественника в виде дневника под названием «*Itinerarium orientale*» были изданы в 1649-ом году, а три года спустя, в 1652-ом, был произведен французский перевод «*Voyage d'Orient du Révérent Père Philippe de la Très Sainte Trinité*»²⁰¹.

По словам автора, книга могла бы быть более объемной, если бы он воспользовался данными предыдущих реляций. Тем не менее «Путешествие на Восток» представляет собой всеобъемлющее исследование областей Востока, населяющих их народов, географии территорий, флоры и фауны. Вместе с тем автор затрагивает вопросы религии, разновидностей конфессий и ересей. Как представитель Ордена босых кармелитов, он включает в свое повест-

²⁰⁰ «Орден босых кармелитов» («Орден босых братьев Пресвятой Девы Марии с горы Кармель» (лат. *Ordo Fratrum Discalceatorum Beatae Mariae Virginis de Monte Carmelo, OCD*) – один из четырех нищенствующих католических орденов, отделившийся от основной ветви кармелитов в XVI веке. В середине XVII века деятельность этого ордена была направлена на обращение в католичество армян Исфахана.

²⁰¹ *Voyage d'Orient du R. Père Philippe de la Très Sainte Trinité carme deschausé, ou il décrit les divers succez de son voyage, plusieurs régions d'Orient, leurs montagnes, mers et leurs fleuves, la chronologie des princes qui y ont dominé, leurs montagnes, habitans tant chrestiens qu'infidèles*, Lyon, 1652.

зование историю проникновения католических орденов на Восток и распространения католического вероучения. Он не проходит и мимо вопросов истории: им дана подробная история четырех империй: ассирийской, парфянской, римской и византийской (Des quatre monarchies du monde), а также хронология правления турецких султанов и персидских шахов. В общей сложности «Путешествие на Восток» отца Филиппа состоит из десяти книг.

Упоминание об армянах и отображение географических и культурных реалий, связанных с армянским миром, можно встретить на всем протяжении его путешествия по Востоку. Эти многочисленные, порой фрагментарные сведения и впечатления об Армении и армянах, которые можно обнаружить в описании его странствий по многим восточным странам, являются важным дополнительным информационным ресурсом, позволяющим воссоздать более полную картину истории страны и народа. Наряду с этой разбросанной по главам информацией, в книге заключены разделы, полностью посвященные Армении, ее истории, географическому расположению, религии, особенностям конфессии, отличительным чертам национального характера, религиозным обрядам²⁰².

Материал по Армении и армянам поступал из разных, преимущественно устных источников. Сам отец Филипп в предисловии к пятой главе пятой книги сообщает, что «в течение путешествия, а также во время пребывания в Персии, я имел с армянами долгие беседы, что побудило меня описать их нравы, вероисповедание, [вопросы] власти»²⁰³.

Судя по заключенному в «Путешествии на Восток» материалу, часть информации, преимущественно конфессионального характера, поступала также в интерпретации и толковании представителей монашеских орденов, с позиций католической ментальности. Полученная информация, естественно, не всегда принималась на веру. Она подвергалась переосмыслению и личной интерпретации путешественника.

Армянская часть «Путешествия на Восток» заключена в нескольких главах. Девятую главу второй книги, озаглавленную «Описание Армении», отец Филипп начинает следующими словами: «Армения делится на Великую (Majeur) и Малую (Mineur). Первая подвластна империи турок, вторая – граничит с Персией, которая

²⁰² Livre 2, chapitre 8 («Description de l'Arménie»), p. 90–94; Livre 5, chapitre 5 («Des Arméniens»), p. 298–302.

²⁰³ Там же, с. 298.

имеет под своей властью большую часть ее территории. Жители и той, и другой – большей частью армяне-христиане, они в основном проживают в пригородах, поскольку в городах пребывают мусульмане разного толка, которые там держат гарнизоны, и которые там обладают властью»²⁰⁴.

В другом пассаже «Путешествия на Восток» он вновь возвращается к теме раздела армянских земель, порываясь сообщить о поведенной ему «тайне армянского двора»: «хотя Армения и разделена между султаном и шахом Персии, и в ней соблюдаются законы государей, которым она подвластна, за неимением царя своей нации, тем не менее имеется тайный царь, потомок древнего царского рода, который тайно был венчан патриархом на царство, о чем нашим отцам поведал сам патриарх, и об этом знает лишь несколько человек»²⁰⁵.

После столь интригующей информации, ставшей с его легкой руки доступной широкому кругу читательской аудитории, отец Филипп переходит к перечислению главных городов Армении.

«Первый город по важности, но не по величине – Ереван (Eri- van), он подвластен шаху Персии; здесь расположена сильно укрепленная крепость, ... поблизости находится монастырь под названием Три церкви, особо почитаемый армянами, то ли из-за местопребывания здесь патриаршего престола ..., то ли из-за реликвий, связанных с Григорием Просветителем, апостолом армян...»²⁰⁶.

Второй после Еревана – «архиепископский город Нахичеван (Nachevan), что по-армянски означает первое поселение, поскольку говорят, что Ной поселился здесь после потопа. Архиепископ выбирается всякий раз из ордена доминиканцев, ибо отцы-доминиканцы единственные, которые учредили миссию в этой стороне; так содеялось, что один святой человек из этого ордена основал епархию в Нахичеване, и с той поры, как ему вверили заботу об этой области схизматиков, он пошел туда и с такой неусыпностью и упоением ходатайствовал за спасение душ, что в течение малого времени вся эта область, под названием Ернджак (Alinja) была обращена в католичество, и дабы сохранилась наша вера в чистоте, он основал монастыри своего ордена. Армяне упомянутой области

²⁰⁴ Там же, с. 90.

²⁰⁵ Там же, с. 301.

²⁰⁶ Там же.

другими армянами зовутся франками, что равнозначно европейским подданным.

Этот город Нахичеван почти полностью разрушен; вот почему архиепископ ныне пребывает в *Abraher-e*, расположенном в трех днях пути от Тавриза. Архиепископ, как и другие здесь пребывающие священнослужители, – природные армяне (*sont naturels Arméniens*)... Они занимаются не только просвещением душ истинной верой, но вынуждены заниматься и ручным трудом, чтобы прокормить себя и выплачивать подать, наложенную шахом Персии, так что, отправив обедню, они идут работать в поле»²⁰⁷.

«Третий город Армении – город Джульфа (*Chulfa*), – продолжает рассказ о городах Армении путешественник, – он почти полностью разрушен и опустошен, в нем лишь несколько обитаемых домов. А произошло это по причине того, что персидский шах Аббас, некоторое время назад, отняв его у турок, вывел оттуда огромное количество проживающего там народа и переправил их в Исфahan, место пребывания шаха...»²⁰⁸. Если Старая Джульфа пришла в упадок, то Новая, вследствие переселения населения и переезда их имущества, воздвиглась²⁰⁹ значительно богаче, больше и великолепнее старой»²¹⁰.

Вот такую, несколько радужную картину «светлого настоящего» армян Джульфы, связанную с новым благоустроенным местожительством, преподнес нам отец Филипп из ордена Босых Кармелитов. Культивируемый миф с позиций имперского сознания о «мудрой» политике Шах-Аббаса по переселению армянского насе-

²⁰⁷ Там же, с. 91.

²⁰⁸ Аналогичная информация заключена в «Путешествиях..» Ла Булле-Ле Гуза: «*Eski Ysulfa*, что в переводе на французский означает Старая Джульфа – город, откуда переселились жители Исфahана, выселенные из страны Шах-Аббасом Завоевателем, который завладел страной, погнал пленный народ в Исфahан и позволил этим несчастным изгнанникам основать город в полу-лье от Исфahана, который был назван Джульфой», см.: *Les Voyages et observations du sieur de La Boullaye-Le-Gouz*, P., 1657, p. 88.

²⁰⁹ Рассказ о Джульфе отца Филиппа дополняет информация, представленная французским путешественником, попутчиком Жан-Батиста Тавернье, Андре Долье Десландесом. Последний особо подчеркивает, что Новая Джульфа была построена армянами – выходцами из Старой Джульфы на Араксе (*Julfa a este bastie par les armeniens Julfa la vieille, qui est dans l'Armenie sur le fleuve d'Aras*), см.: *André Daulier Deslandes, Les Beautez de la Perse ou la Description de ce qu'il y a de plus curieux dans ce royaume...*, Chez Clousier, P., 1673, p. 47.

²¹⁰ *Voyage d'Orient du R. Père Philippe de la Très Sainte Trinité...*, p. 91.

ления, которое вместе с нажитым состоянием благополучно обосновалось в благоустроенном предместье Исфahана, постоянно вдалбливался в умы посещающих Персию европейцев. Из памяти путешественников тридцатых и последующих годов XVII века словно стерлись былые трагические времена. Да и сама процветающая во всех отношениях Новая Джульфа располагала к подобным умо-заклечениям. Вот почему отец Филипп недоумевает по поводу желания армян «вернуться на землю своих предков. Многие армяне, нашедшие здесь кров, все ещё оплакивают свою прежнюю родину»²¹¹.

Продолжая рассказ об армянских городах, он подробно останавливается на описании Вана – «четвертого города Армении»²¹², Битлиса – «пятого города», «армянского Багеша (*Baguez*)» и «шестого города» – Хоя²¹³, которого, словно следуя «Ашхарацуйцу» Анании Ширакаци, он причисляет к числу городов Армении²¹⁴.

Сведения о посещенных им городах, крепостях и церквях, включая информацию этнографического и географического характера, представляют большой интерес для арменоведения и требуют отдельного исследования.

Отец Филипп упоминает и о существовании других городов Армении, таких, как «*Эрзерум, Себастья, в которой Святой Власий принял мученическую смерть, и многие другие города, которые я обхожу молчанием, ибо там не был*»²¹⁵. Надо отдать должное преподобному отцу Филиппу: он пишет только о том, что видел воочию

²¹¹ Там же, с. 92.

²¹² Отец Филипп описывает озеро Ван, расположенный от него на расстоянии шести миль монастырь Св. Antoine-a на вершине горы Вараг – «место погребения армянских Патриархов, останки которых были перенесены из Еревана». Он полагает, что гора Вараг освящена кровью 10000 мучеников, распятых на крестах. Монахи монастыря сообщили ему, что «новое, несколько искаженное название горы, соответствует старому – Арарату», там же, с. 93.

²¹³ Хой в «Ашхарацуйце» Анании Ширакаци встречается под названием Гер и упоминается, как административный центр девятого гавара ашхара Парскахайк Великой Армении.

²¹⁴ У Клавихо читаем: «Здесь, у этого города Хой, кончается Верхняя Армения и начинается Персия; в городе живет много армян», см.: Луи Гонсалес де Клавихо, *Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура*, с. 74.

²¹⁵ *Voyage d'Orient du R. Père Philippe de la Très Sainte Trinité carme deschaus-sé...*, p. 94.

и рассказывает о местах, которые посещал самолично. Да и сам он считает, что дублирование чужих текстов сродни обману.

Как видим, круг тем и вопросов относительно Армении, затронутых автором, довольно обширен. Однако мы хотим заострить внимание на интерпретации автором путешествия названия города Нахичевана («*архиепископский город Нахичеван (Nachevan), что по армянски означает первое поселение, поскольку говорят, что Ной поселился здесь после потопа*»). Мы наблюдаем напластование на автохтонный, ядерный образ-архетип, символ территории, зафиксированный еще Иосифом Флавием, более поздний знаковый образ, репрезентируемый как духовный центр армянского католичества (*архиепископский город Нахичеван*). С одной стороны, прослеживается пробуждение дремлющего мифа, уходящего корнями в глубину веков, с другой – наращивание нового содержательного слоя, связанного с католиризацией²¹⁶ в исследуемом нами страновом ареале.

Среди западноевропейских путешественников средневековья город Нахичеван впервые связывается с местом остановки Ноева Ковчега, как уже было отмечено, в путевых заметках «Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год» баварца Иоганна Шильтбергера («*Есть еще город, именуемый Нахичеван (Nachson, Nachsuon), у подошвы горы, где остановился ковчег, в котором находился Ной, окрестности сего города плодородны*»).

Спустя два века провансалец, преподобный отец Филипп, не только располагает *архиепископский город Нахичеван* вблизи Еревана и горы Ноя, но и делает попытку объяснить значение этого топонима («*signifie première habitation, pour autant qu'on dit que Noë habita ici après le deluge*»).

В заключение считаем необходимым особо отметить, что представленный отцом Филиппом богатейший материал существенно дополнил имеющуюся в европейской путевой литературе информацию не только по Нахичевану, но и по всей Армении.

Адам Олеарий (1599 г. – 1671 г.)

Среди трудов европейских путешественников первой половины XVII века большую ценность представляют путевые заметки

²¹⁶ Доминиканцы, проповедовавшие в Армении, начиная с XIII века, основали архиепископство (диоцез) в Нахичеване.

немецкого путешественника, дипломата Адама Олеария (нем. Adam Olearius; Адам Ольшлегель). Будучи секретарём посольства, посланного шлезвиг-гольштинским герцогом Фридрихом III²¹⁷ к персидскому шаху Сефи I, он оставил описания своих путешествий (двух путешествий: первое – в 1633-м году, второе – в 1635-м) в Московию и Персию.

Перед Адамом Олеарием была поставлена задача установить торговые отношения с Москвой, и – в осо-

бенности, с Персией, ибо окончательным намерением Фридриха III было завладеть сухопутной торговлей шёлком-сырцом. Вот как объясняет преследуемую Шлезвиг-Гольштейном цель известный французский путешественник, член Парижской академии наук, профессор ботаники в Королевском саду медицинских растений в Париже Жозеф Питтон де Турнефор (1656 – 1708), совершивший в 1700 – 1702 гг. путешествие в Грецию, Малую Азию, Персию, Грузию и Армению: «*Фредерик, герцог Гольштейнский, построил в графстве Гольштейн город Фридрихштадт²¹⁸ с целью основать в нем производство шелка, превосходящее по своей значимости все [шелковое дело] Европы. Во исполнение сего он решил вести переписку с персидским шахом, дабы облегчить транспортировку [товара] сухопутным путем; однако это невозможно было осуществить без разрешения князя Московского. Им было своевременно принято решение послать к нему в 1633 году торжественное посольство, во главе которого был поставлен государственный советник Крузиус [фон Крузенштерн] и гамбургский купец [Отто] Бругман. Недостойное поведение последнего стало причиной того, что не состоялось основание шелководства; уличенный впоследствии в дурном проступке, [Бругман] был приговорен к смерти и казнен в Готторпе (Gottorp)²¹⁹ 5 мая 1640 года. Голландцы же, возжелавшие*

²¹⁷ Фридрих III (1597, Готторп – 1659, Тённинг) – герцог Гольштейн-Готторпский.

²¹⁸ Фридрихштадт – город в Германии, в земле Шлезвиг-Гольштейн. Входит в состав района Северная Фризия.

²¹⁹ Готторп (дат. *Gottorp*) или Готторф (нем. *Gottorf*) – дворец-замок, в городе Шлезвиг, на острове в заливе Шлей.

с тех пор стать хозяевами доставляемого в Астрахань персидского шелка, вынуждены были брать его каждый год лишь в некотором количестве, поскольку армяне брали товар без разбору, независимо от того, плохой он или хороший»²²⁰.

Итак, перед Адамом Олеарием стояла нелегкая задача налаживания торговых связей с Москвой и с Персией. Не менее сложная задача была связана с преодолением в пути многих препятствий и испытаний.

Что касается его путешествия, то в плане нашего исследования интерес представляет его описание Персии, ее истории, начиная с основателя династии Сефевидов шаха Исмаила, вплоть до правления Шах-Аббаса II.

В пространный рассказ о Персии и персах вкраплены многочисленные фрагменты, связанные с Арменией и армянами. Армяне в его травелогге присутствуют на протяжении всего его странствия по землям Персии.

Он описывает встречу с армянским епископом, прибывшим «из пограничной крепости Ерван (Ervan)» и поведавшем ему о бедственном положении христианской общины²²¹, рассказывает об инциденте в Джульфе, когда армяне, пришедшие на помощь посланникам, преследуемым индийцами, «приставили лестницу к высокой ограде, которою было обнесено лежавшее там кладбище их, и на этом-то кладбище, по предложению Армян, Посланники, в случае нужды, могли укрыться даже в их церкви. Таким образом эти добрые люди помогли и сослужили нам, как только могли, в нашем бедственном тогда положении»²²².

Был он и на празднике водосвятия (Ջրօրհնէք – Г.К.)²²³, когда

²²⁰ Relation d'un voyage du Levant: fait par ordre du Roi par M. Pitton de Tournefort: contenant l'histoire ancienne & moderne de plusieurs isles de l'archipel, de Constantinople, des côtes de la Mer Noire, de l'Arménie, de la Géorgie, des frontières de Perse et de l'Asie Mineure ..., t. 3, Lyon, 1717, p. 258.

²²¹ «Христианская община в Азии довольно велика; что они, водной своей местности, между двумя реками, Куром и Арасом, в горах, имеют до 1000 селений, а у городов Касвена и Тавриса, более 2000 домов и 500 церквей. Он просил, в заключение, чтобы Посланники замолвили об их общине Шаху доброе слово», см.: Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1637 годах, составленное секретарем посольства Адамом Олеарием, Чтения в императорском обществе истории и древностей российских, № 2, М., 1869, с. 570.

²²² Там же, с. 644.

²²³ Гарсия да Сильва Фигероа также описывает торжественное празднование в 1619 году Водосвятия на берегу реки Зайендеруд, когда армяне в память

армяне справляли «свой праздник: Хаче Шуран (Chastcha Schuran)²²⁴», т. е. погружение в воду креста»²²⁵.

Судьба свела его и с армянином по имени Григорий – человеком, «имевшим в Персии хорошее положение»²²⁶, с двумя братьями – Сеферас-Беком и Илья-Беком, которые «рассказывали нам, что хотя они и пользовались добрым расположением к ним настоящего Шаха Сефи, равно как бывшего отца его, Шаха Абаса, но что тем не менее, с Шахом Сефи шутить опасно».

Опасения последних оправдались: шах приказал насильно сделать обрезание Илье-Беку. «Будучи таким образом обрезанным, – сокрушается Олеарий, – он в душе все-таки оставался истинным Христианином; однако, хотя он и старался казаться веселым, по своему обыкновению, но веселость эта уже не была в нем такою сердечною и непринужденною, как прежде»²²⁷.

В рассказе о Шах-Аббасе, повелевшем предать мученической смерти Сефи-Мирзу, вмонтирован сказ о Карджугай-Хане, который «был родом и по Вере из Армянских Христиан, в детстве похищен Татарами, обрезан и как невольник продан Шаху Абасу. Так как он

Крещения Иисуса в Иордане с молитвами опускают крест в воду. Согласно обычаю, в это время молодежь бросается в ледяную реку вдогонку за крестом, см.: García de Silva y Figueroa, L'Ambassade de D. Garcias de Silva Figueroa en Perse..., p. 182–186.

²²⁴ Погружение в воду креста – обряд освящения воды после Св. Рождественской Литургии. Записанное Адамом Олеарием по слуху Chastcha Schuran, видимо, обряд, именуемый в простонародье խաչի ջրհնիս (խաչը ջրից հանիս – խաչհանիք).

²²⁵ «Туда-то собрались Армяне изо всех, вокруг лежавших селений, в великом числе, со множеством образов, крестов и хоругвей торжественным шествием, с пением и звоном, и в сопровождении большого числа Персидских солдат, для того, чтобы предохранить Армян от оскорблений и брани, могших последовать со стороны праздной черни Мусульман или Магометан», там же, с. 533.

²²⁶ Олеария возмущает проступок Бругмана по отношению к «имевшему в Персии хорошее положение» армянину Григорию, которому «Бругман не хотел оказать услуги, какую оказали Армяне в Испагани ему и всем нам, во время нападения там на нас Индийцев. Так, когда Григорий, по Христианской доверчивости, сообщил втайне Бругману, что он по уважительным причинам намерен уйти от Султана и взять путь через Италию, где он также имел дела, по приказанию своего Государя, Бругман хотя и обещал ему свое в том содействии, но потом, ради известных причин, желая угождать Султану, открыл ему намерение Армянина...», см.: Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1637 годах..., № 2, М., 1870, с. 1032 – 1033.

²²⁷ Там же, с. 687.

обнаруживал в себе добрую природу, честность и особенную храбрость в воинском деле, то ему дали ход, определили на службу, и наконец он был назначен Сердарем, или главным начальником войск всей Персии; он одерживал также над неприятелем одну победу за другою, так что Шах Абас из любви к нему всегда называл его Ага, т. е. Князь или Государь».

Так этот Карджугай-Хан в ответ на приказ Аббаса умертвить Сефи-Мирзу «снял с себя саблю и заявил, что желает лучше сам потерять голову, чем посягнуть на голову Ханского сына»²²⁸. Олеарий возмущается, что «этот-то храбрый витязь был наконец постыдным образом умерщвлен одним Грузинским Князем, по имени Мауров (Maurov)».

Такова далеко не полная галерея образов армян, воссозданных немецким путешественником.

Подобное отступление от задачи нашего исследования вполне оправданно. Дело в том, что повстречавшие на пути Адама Олеария армяне были в основном согнанные со своих обжитых мест жители Восточной Армении и Нахичеванского края, в частности, жители Старой Джульфы, об участи которой он, как и все путешественники, счел своим долгом оповестить читателя («У города Испагани находится шесть больших Рабат (Rabath), или предместий, из которых важнейшее, наибольшее и красивейшее есть Джульфа (Tzulfa), с 3000-ми домов и 12-ю мечетями, которые в богатстве постройки не уступят находящимся в городе. Жители этого предместья (Tzulfa) исключительно богатые Армянские купцы, которых Шах-Абас переселил сюда из Великой Армении»)²²⁹.

Что касается Армении, то по Олеарию это – «область, лежащая между двумя благородными реками, Араксом и Куром (Araxes, Curgus), ныне Aras и Kueg называемых, и заключающая в себе часть Армении, которую жители называют Арминия (Arminieh), и Грузия, которую они называют Гурдж (Gurtz): это весьма плодородная и богатая страна, особенно шелком, и разделяется на несколько малых краев, из коих важнейшие суть: Каппан (Kappan), Цициан (Sisian), Эрван (Erwan) или Ирван (Iruan), Ахстава (Achstava) Саршат (Sarschat), Туманис (Thumanis), Джульфа (Tzulfa), Кештас (Keschtas), Аберан (Aberan), Индже (Intze), Альгет (Alget), Шабус (Schabus),

²²⁸ Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию... , № 4. М., 1869, с. 861–862.

²²⁹ Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию... , № 3, М., 1869, с. 731.

Сарсебиль (Sarsebil), Керхбулах (Kerchbulach), Шёргель (Schoergel), Табак-Мелек (Tabak-melec), Вцильдер (Vzilder).

В этих областях находятся многие красивые города, городки и крепости; Беркушат (Berkusclat), Маку (Maku), Билаган (Bilagan), Нахчуан (Nachtschuan), Магасбурт (Magasburt), Шемкур (Schemkur), Ордебат (Ordebat), Тифлис (Tiflis), Кендже (Kentze), Баесид (Bajesied), Джилдер (Tzilder)»²³⁰.

В своих путевых записках Адам Олеарий предстает как человек предприимчивый, но вместе с тем искренний, честный и проницательный. Вместе с тем это личность разностороннего дарования и большой эрудиции. Он математик и физик, историк, ориенталист и поэт. Он считался в Европе лучшим знатоком персидского языка. Известен он и как создатель знаменитого готторпского глобуса. Недаром его называли «голштинским Плинием» или «готторпским Улиссом». Описанное им день за днем путешествие является в первую очередь важнейшим источником по истории России и Персии. Однако он касается и Армении, которая виделась им как трансграничная территория, и армян, с которыми он неоднократно пересекался на всем протяжении своего пути по Персии и России. И это были не только купцы и предприниматели, но и люди, принадлежащие к различным сословиям и званиям. В армянской части своего рассказа он проявляет себя как чуткий и наблюдательный соучастник, пытающийся достоверно воспроизвести в повествовании реалии того времени, а также нравственные и культурные ценности народа.

НАХИЧЕВАН В ЗАПИСКАХ ЕВРОПЕЙСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА

Во второй половине семнадцатого века, во времена правления Людовика XIV, путешествия на Восток приобрели большой размах и породили бесчисленные реляции, которые имели большой успех у просвещенной общественности Европы. По инициативе Жан-Батиста Кольбера, основавшего в 1664-ом году по образцу Англии и Голландии Ост-Индскую компанию, и далее – в 1670-ом году, Восточную компанию (la Compagnie du Levant), поездки на Восток развернулись с еще большей силой. В это движение были вовлечены различные слои общества. Наряду с миссионерами и

²³⁰ Там же, с. 669 – 700.

дипломатами на Восток потянулось огромное число купцов, по нынешним временам – предпринимателей. Пересекая восточные земли, путешественники наряду с перечислением пунктов маршрута записывали свои наблюдения и впечатления о пройденных странах и народах, об их обычаях, нравах, обрядах, верованиях. Эти странствия по восточным землям не остались бесследными. В итоге они содействовали развитию путевой литературы.

Параллельно увеличению числа поездок на Восток увеличивалось и число реляций о путешествиях. Если до 1660-го года каждые два года появляется лишь одно описание путешествия в Азию, то после 1660-го года число изданий резко возрастает и продолжает расти приблизительно до 1745-го года. Потреблявшая эту литературу читательская аудитория во второй половине XVII века была самой разнообразной. Да и сама литература путешествий охватывала широкий круг проблем. В 1660-ом году «Лондонское Королевское общество» разработало программу исследований, призывавшую к детальному описанию увиденного и научному стилю повествования, т. е. наряду с описанием посещенных стран исследователь-путешественник должен был перейти к их изучению²³¹.

Что касается путешественника - купца, то он не ограничивался лишь коммерческими вопросами. Он раздвигал границы своих узкоутилитарных пристрастий, наряду с коммерческой вовлекая в орбиту своих интересов также дипломатическую, политическую и культурную составляющие. Занятие торговлей издревле не было зазорным, и зачастую выходило за пределы интересов собственной прибыли, служа подспорьем в других видах деятельности.

Еще Плутарх, говоря о торговле, писал, что уже во времена античности «по выражению Гесиода, «никакая работа не была позором, ремесло не вносило различия между людьми, а торговля была даже в почете,... потому что она знакомила эллинов с миром варваров, доставляла дружбу с царями и давала разносторонний опыт.

Некоторые купцы становились даже основателями больших городов, как, например, Протид, приобретя расположение кельтов, живущих у Родана, основал Массалию. О Фалесе и о математике Гиппократе также рассказывают, что они занимались торговлей; а

²³¹ Bohls, Elizabeth A. and Ian Duncan (eds), *Travel Writing 1700–1830: An Anthology* (Oxford: Oxford University Press, 2005).

Платону продажа масла в Египте доставила деньги на его заграничное путешествие»²³².

Видимо, мало что изменилось и в последующем. Главная цель странствий купцов-путешественников XVII века – коммерческая деятельность. Однако, сталкиваясь с восточными реалиями, пытаясь их понять и стремясь поделиться своими впечатлениями и воззрениями, они поневоле становились обозревателями и комментаторами. Это были далеко не пассивные получатели информации, а ее передатчики, хранители и интерпретаторы. Круг их интересов чрезвычайно широк и отнюдь не ограничен торговлей. Они и географы, и этнографы, и летописцы, и историки, и политики. Соответственно, и преподносимый ими материал отличается многообразием и многоликостью. И это далеко не простое описание. Путешественник, выступающий в роли протагониста, показывает оценочное отношение к изображаемому. Он сопоставляет увиденное с уже существующими представлениями, вносит коррективы, дополняет имеющийся по Востоку материал, зачастую используя записи путешественников своих предшественников.

Однако ни одна торговая экспедиция не могла иметь успех, если бы не страсть к путешествиям. Порой кажется, что тяготение к странствиям превалирует над непосредственными торговыми устремлениями купца-путешественника.

«Я пришел в этот мир с желанием путешествовать, – пишет Жан-Батист Тавернье в своих «Путешествиях», – беседы моего отца со многими учеными по вопросам географии вдохновили меня пойти увидеть страны, изображенные на картах, от которых я не мог оторвать глаз»²³³.

Отправимся вместе с Тавернье (1605 – 1689), «одержимым благородным желанием изъездить мир»²³⁴, и его соотечественниками – Жаном Шарденом (1643 – 1713) и Полем Лука (1664 – 1737), чтобы увидеть их глазами страны, которые они посетят – в частности, Армению, включая Нахичеванский край.

²³² Плутарх, *Сравнительное жизнеописание*, М., «Наука», 1994, т. 1, гл. 2.

²³³ Les six voyages de Jean - Baptiste Tavernier, ..., P., 1713, t. 1, p. 8.

²³⁴ Название монографии бельгийского историка, см.: Dirk Van der Cruysse, *Le noble désir de courir le monde*, P., Fayard, 2002.

Среди европейских путешественников этого периода особо значимой фигурой был французский негодант Жан-Батист Тавернье, совершивший с 1630-го²³⁵ по 1669-й год шесть поездок²³⁶ на Восток: в Персию и Индию. Временной охват его путешествий растянулся от правления Сефи I (1629–1642) до периода царствования Аббаса II (1642–

1667) и Солеймана Сефи (1667–1694). Что касается Османской империи, то он был современником трех султанов: Мурада IV (1623–1640), Ибрагима I (1640–1648) и Мехмеда IV (1648–1687). Наряду с информацией об особенностях царствования этих государей – его современников, а также сведениями о социальной и политической организации их государств и сопредельных стран и регионов, он не проходит мимо и культурного пространства. Но конечно же, первостепенное место в его повествовании отведено делам торговым.

Пролог первого тома его путешествий начинается с обращения к королю Франции Людовику XIV, в котором содержатся следующие строки: *«Всемиловитивший Государь, я надеюсь, что эти подробные и достоверные репортажи, которые я написал по возвращении из путешествия на основе собранных записей, будут не менее полезны для моей нации, чем богатые товары, привезенные мною из путешествий».*

Как видно из вышеприведенного обращения, мы имеем дело с новым типом купца – просвещенного торговца, ставящего перед

²³⁵ Шарль Жоре установил, что первый отъезд Тавернье в Левант состоялся в 1630-ом, а не в 1636-ом году, как указано в биографиях, см.: Charles Joret, Jean-Baptiste Tavernier, écuyer, baron d'Aubonne, chambellan du Grand électeur, d'après des documents nouveaux et inédits, P., E. Plon, Nourrit et Cie, 1886, préface, p. II.

²³⁶ Первое путешествие Тавернье совершил в 1630–1633-ых гг, второе – в 1638 – 1643-ых гг., три последующих – в 1651 – 1655, 1657 – 1662, 1664 – 1668-ых, и шестое – в 1687–1689-ых гг.

собой цель снабдить народ не только материальной, но и духовно-интеллектуальной пищей.

Первое путешествие Жан-Батиста Тавернье состоялось в 1630–1633-ых годах. Армянская тема широко представлена именно в записях его первого путешествия, хотя и во время последующих поездок он неоднократно пересекал армянские земли, встречался с армянами и добросовестно регистрировал связанное с армянством увиденное и услышанное. Что касается его первого путешествия, то рассказ об Армении заключен в основном в главе, описывающей его маршрут из Константинополя в Исфахан. Именно на этом пути ему предстояло пересечь Нахичеван. Следует отметить, что первое путешествие было описано им гораздо позже, спустя тридцать восемь лет – частично по воспоминаниям, частично на основе некоторых записей и пометок. Последнее, шестое путешествие – спустя пять лет. Отсюда некоторые неточности в описании маршрута, хаотичность изложения, отсутствие упорядоченности, организованности повествовательной структуры, тщательно коррелированной хронологии. Время стерло какие-то детали, приходилось воспроизводить информацию, извлекая ее из памяти, что приводило к ее частичному отсеиванию, а порой и к искажению и фильтрации. С другой стороны, временная дистанция, отделявшая его от увиденного в прошлом, позволяла представить материал более осмысленным, обобщить конкретные наблюдения. Информация о странах и народах, почерпнутая им на протяжении его последующих путешествий, позволяла основательнее и объемнее отобразить характер народа и специфику страны.

Вместе с тем нарратив часто прерывается отступлениями. Перебивая последовательность, в повествование вклиниваются отрывчатые воспоминания из предшествующих путешествий. Это затрудняет установление хронологической канвы путешествия, вносит определенную путаницу при воссоздании маршрута путешествия и датировки событий.

Что касается материала по Армении, то источники, которыми пользовался Тавернье при изложении армянского отрезка своего пути, были самые разнообразные. Информация поступала от армян разных сословий как внутри страны, так и за ее пределами, как в результате непосредственного общения с армянами с глазу на глаз, так и опосредованно, через представителей других народов и конфессий.

У Тавернье были тесные, дружественные связи с армянами, проживающими в Европе. Взять хотя бы его свояка – мужа сестры мадам Тавернье, армянина Sanis-Zagly²³⁷, так называемого «живого» источника информации. Или его племянника Пьера, проживающего в Исфахане, с помощью которого он установил контакты с деловыми партнерами – армянами. Был он связан дружескими и деловыми отношениями и с армянином Rupli²³⁸, торговцем бриллиантами, о котором с симпатией отзывается известный писатель и путешественник Робер Шалл²³⁹. И таких источников, каналов информации было множество, что позволило Тавернье детально описать в четвертой книге первого тома вероисповедование и обряды армян («De la religion des armeniens, et de leurs principales ceremonies») ²⁴⁰.

В результате тесного контакта с народом и соприкосновения с памятниками культуры армянской страны, которую он исходил и изъездил многократно вдоль и поперек, ему удалось воссоздать целостную картину армянского мира, включая Нахичеванский край.

В компании двух миссионеров – аббатов Шапа и Сен-Лиebo, он достиг Константинополя в начале 1631-го года, и пробыл там почти одиннадцать месяцев. «Наконец, – пишет Тавернье, – после одиннадцати месяцев ожидания, блестящий многочисленный караван отправился из Константинополя в Исфахан, и я отправился с

²³⁷ Подробно об этом купце - джюльфинце см.: Roberto Gulbenkian, Philippe de Zagly, marchand arménien de Julfa, et l'établissement du commerce persan en Courlande en 1696, *REA*, 1970, pp. 361–426.

²³⁸ Согласно переданному путешественником Робером Шаллом рассказу, Rupli был армянином – выходцем из Эрзерума. Будучи торговцем бриллиантами, он попал в руки мошенников. После долгих судебных тяжб он был на аудиенции у короля Франции, от которого получил разрешение на поданное прошение. Указ короля был переведен почти на все восточные языки, см.: Robert Challes, *Journal d'un voyage fait aux Indes orientales*, Rouen, 1721, t. II, p. 372–383.

²³⁹ Chantale Payet-Meure, *L'intertexte viatique de Robert Challe: du polémiste à l'écrivain*, – in: Robert Challe: sources et héritages, Colloque international Louvain- Anvers, 2002, 2003, p. 232.

²⁴⁰ Четвертая книга состоит из следующих глав: гл. XI. Крещение у армян (*Du Baptême des Armeniens.*); гл. XII. Армянская свадьба (*Du mariage des Armeniens*); гл. XIII. Обряд погребения у армян (*De la maniere dont les Armeniens enterrent leurs morts*); гл. XIV. Примеры твердости армян в поддержании своей веры от гонений со стороны магометан (*Exemples de la fermeté des Armeniens à soutenir leur Religion contre les persecutions des Mahometans*).

ним в мое первое путешествие в Азию. За ним последовали пять других, в течение которых у меня было время познать нравы стран и дарования народов... Остановимся на описании пути из Константинополя в Исфахан. Обычно путешествие совершается или с караваном верблюдов, или с группой объединенных вместе хорошо вооруженных людей, с хорошо оседланными лошадьми» ²⁴¹.

Тавернье с караваном направился в Токат²⁴², куда прибыл в марте 1632-го года. Из Токата путешественники двинулись к Эрзеруму²⁴³. Миновав город-крепость Хасан-Кале, сделав привал возле моста Чобан-Кепри, расположенного возле «села Cheban-kupri, под которым соединяются две реки: одна Карс, другая же стекает с горы под названием Binguieh»²⁴⁴, путешественники взяли курс на Карс²⁴⁵ – город, пограничный с Персией (по Тавернье, границей двух империй была река Арпачай).

²⁴¹ Les six voyages de Jean-Baptiste Tavernier, P., 1713, t. 1, p. 11.

²⁴² «Токат – густонаселенный город, живут в нем турки – хозяева страны, армяне, греки и евреи... Христиане имеют в Токате двенадцать церквей, здесь пребывает архиепископ, в подчинении которого семь викарных епископов. Имеются также два мужских и столько же женских монастырей... В окрестностях Токата, на расстоянии четырнадцати - пятнадцати лье, живут исключительно армяне-христиане», см.: Les six voyages de Jean-Baptiste Tavernier, t. 1, p. 12–13.

²⁴³ «Эрзерум – пограничный город Турции со стороны Персии, расположен на краю окруженной высокими горами большой равнины, с многочисленными прекрасными селами. Вместе с предместьем и крепостью он кажется достаточно большим. Однако дома в нем, построенные из дерева и земли, стоят беспорядочно. Здесь можно увидеть остатки церквей и древних строений армян... Крепость расположена на возвышенности, она окружена двойным рядом крепостных стен, с негодным рвом и четырехугольными, стоящими близко друг к другу башнями. Здесь находится жилище паши. Неподалеку, на холме возвышается небольшая крепость, где проживает янычар-ага.... Между первыми и вторыми воротами крепости, по правую руку, видны отличные, наваленные друг на друга двадцатичетырехфунтовые пушки без лафета. Их привезли в Эрзерум на случай войны султана с персами, что для их империй является обычным делом... Эрзерум был некогда одним из главных городов Армении. Там все еще в предместьях проживает множество армянских семей», см.: Les Six Voyages de Jean-Baptiste Tavernier, t. 1, pp. 23–24, 26.

²⁴⁴ Les six voyages de Jean-Baptiste Tavernier, t.1, p. 28.

²⁴⁵ «Город [Карс] этот очень большой, но малонаселенный... Великий султан зачастую выбирает это место для схода войск: каждый раз, желая благоустроить этот край, он посылает сюда людей для застройки сел, полностью разрушенных царем Персии, как в случае с Джульфой (Zulfa), и

Тавернье не упускает возможности отметить этнический состав пройденной страны: «местность, которую пересекают Аракс и Карс, как и множество впадающих в них рек, почти полностью заселена христианами [армянами]»²⁴⁶.

Рассказывая о крепости Кагызман, путешественник отмечает, что в окрестных горах живут армяне - христиане²⁴⁷. Словно заключая свои наблюдения относительно этно-конфессионального состава населения, Тавернье пишет: «Страна от Токата до Тавриза почти вся населена христианами, ибо все это огромное пространство издревле именовалось Армянской областью; поэтому неудивительно, что в городах и селах на одного мусульманина приходится пятьдесят армян»²⁴⁸.

По словам Тавернье, путь из Карса в Ереван занимает девять дней. Минувя руины большого города под названием *Anikagaë* (Անի քաղաք), Тавернье пересекает земли, подвластные туркам, и переходит на территорию, подчиненную персам.

«Первая местность, достойная упоминания на территории Персидской Армении, – пишет Тавернье, – это – Три церкви, представляющие собой три расположенных на некотором расстоянии друг от друга монастыря. Наибольший и наикрасивейший – резиденция великого Патриарха армян... Армяне это место называют *Egmiasin*, что означает едиnorodный сын....».

Эчмиадзину и связанным с Григорием Просветителем легендам Тавернье посвящает несколько страниц. Местность эту, как и многие города и села Армении, он посещал не раз. Как он отмечает, в Трех церквах он побывал также в 1655-ом году. Был он принят патриархом армян, присутствовал на воскресной обедне, был гостем на общей трапезе.

Далее следует описание озера Севан и острова, на котором расположен монастырь. Тавернье посетил также Гегард и оставил нам его описание, которое начинается следующими строками: «со стороны этого озера [Севан], ближе к Еревану, можно увидеть равнину, в которой расположены шесть монастырей, один из которых полностью высечен в скале вместе с церковью и поддерживаю-

многими другими пограничными территориями», см.: *Les six voyages de Jean-Baptiste Tavernier*, t. 1, p. 29.

²⁴⁶ Там же, с. 31.

²⁴⁷ Там же, с. 33.

²⁴⁸ Там же, с. 47–48.

щими ее столбами. Армяне называют эту церковь *Kickart*»²⁴⁹.

Тавернье отмечает, что в Гегарде находится пронзившее Христа копье, которое, по рассказам армян, было принесено в их страну Св. Фаддеем²⁵⁰. Впечатленный видом Св. копья, Тавернье запечатлел его в своем рисунке.

Наконечник копья, пронзивший ребро Христа. Иллюстрация из книги «*Les six voyages de Tavernier*», J. Van Someren, Amsterdam, 1678.

Делится он своими впечатлениями и о Хор-Вирапе²⁵¹. «Однако пора возвратиться к описанию Еревана, расположенного на расстоянии трех лье от Трех церквей»²⁵², – продолжает свой рассказ несколько отклонившийся от маршрута путешествия Тавернье.

²⁴⁹ Там же, с. 32.

²⁵⁰ У Тавернье Св. Матфеем (*Matthieu*), там же, с. 33.

²⁵¹ «В пяти лье от Еревана начинается гора Арарат, которую ковчег, опочивший на её вершине, сделал навсегда знаменитой ...

В полулье от горы Арарат, там, где земля начинает выравниваться, на холме находится церковь, а рядом с церковью – грот в форме колодца. Полагают, что это и есть яма, в которую царь Трдат (*Cerda*) велел бросить Св. Григория, поскольку тот не хотел поклоняться лжебогам», там же.

²⁵² «Старый город почти полностью разрушен, новый построен на расстоянии 800 шагов от него на скале, у подножья которой стремительным потоком несется река. Название ее *Sangui-Sija*... Она протекает под красивым трехарочным каменным мостом, под которым пристроены покои, в них укрывается хан от летней жары. Поскольку крепость стоит на скале, рвы вокруг нее вырыты глубиной 3 – 4 фута. Город местами обнесен двойной стеной, с множеством башен; однако эти стены, как, впрочем, и дома, земляные, дожди для них представляют куда большую угрозу, чем пушки. Северо-западный квартал Еревана походит на предместье, в котором в двадцать раз больше народа, чем в городе. Это местожительство всех ремесленников и торговцев, а также армян – христиан, которые имеют

Ереван Тавернье посетил не раз. Этот город запал ему в душу. Так, купив в 1670 году замок в Швейцарии, в Обоне, куда уехал жить и писать мемуары, он говорил, что Обон по своему расположению напоминает ему Ереван²⁵³, горы вокруг Еревана – Альпы, а сама Армения походит на Швейцарию – «страну долин» (Le Païs de Vaux)²⁵⁴. Тавернье в своем первом путешествии дал не только подробное описание истории города, но и начертил план Еревана.

Замок Обон в 1669-ом году
(Aubonne en 1669, l'aquarelle est de Albrecht Kauw).

План Еревана и окрестностей. Гравюра XVII века из книги Тавернье «Les Six Voyages de Jean-Baptiste Tavernier», 1676 г.

четыре церкви и один большой монастырь. Недавно здесь построен очень хороший караван-сарай», там же, с. 45.

²⁵³ Jean-Baptiste Tavernier: écuyer, baron d'Aubonne, chambellan du Grand Electeur: d'après des documents nouveaux et inédits / par Charles Joret, E. Plon, Nourrit et Cie (Paris), 1886, p. 217.

²⁵⁴ Les six voyages de Jean-Baptiste Tavernier, t. 1, p. 47.

- A. La ville et la forteresse (Город и крепость).
- B. Fauxbourg habité par les Chrétiens Arméniens (Предместье, где живут армяне-христиане).
- C. Eglise (Церковь).
- D. Couvent (Монастырь).
- E. Rivière de Sangui-cija (Река Зангу).
- F. Pont de pierre (Каменный мост).
- G. Le grand Chemin des Caravanes (Большой караванный путь).
- H. Le fort que fit faire Cha-Sefi pour battre la ville (Укрепление, которое соорудил Шах-Сефи для защиты города от обстрела).
- I. Ruisseau qui sort de la montagne (Ручей, стекающий с горы).
- K. Chemin de Tauris (Путь на Тавриз).
- L. Chemin de Tiflis, ville capitale de la Géorgie (Путь на Тифлис, столичный град Грузии).
- M. Place vuide qui servent de marché pour le debit de toutes sortes de denrées (Свободная площадь, служащая торговым рынком).

Мы специально привели план города, чтобы показать, отмеченный в нём путь на Тавриз. Именно на этом пути и лежит интересующий нас Нахичеванский край. Описанию пути из Еревана в Тавриз и посвящается следующая, четвертая глава первого «Путешествия».

Остановимся на описании маршрута путешественников по Нахичеванскому краю. Область эту обычно пересекали, направляясь из Еревана в Тавриз, как в случае с Тавернье, или в обратном направлении – из Тавриза в Ереван, и далее.

«Из Еревана в Тавриз обычно десять дней пути, – пишет Тавернье, – Нахичеван же расположен на одинаковом расстоянии от них. В первый день прошли огромную равнину, засеянную рисом, которую пересекало множество ручьев. Во второй день шли по той же равнине пред горой Арарат..., вокруг которой расположились многочисленные монастыри».

Гора Арарат становится точкой отсчета его путешествия по этой области. Пересекая равнину с видом на Арарат, «который стал знаменит, благодаря Ноеву Ковчегу, опочившему на его вершине», Тавернье делится полученной на месте информацией: «Го-

ру (Арабат) армяне называют *Mesisousar*²⁵⁵, т. е. гора Ковчега, ибо здесь остановился Ковчег Ноя, когда воды потопа опустились. Она как бы отсоединена от других гор Армении, образуя длинную цепь, и от середины до вершины постоянно покрыта снегом. По высоте же она превосходит все соседние горы; во время моего первого путешествия я ее видел на протяжении пяти дней пути. Стоит Армянам увидеть ее [гору Арабат], как они целуют землю, затем, возводя глаза к небу, крестятся и произносят молитвы»²⁵⁶.

На равнине, по которой шли путешественники, в полутора лье к югу от главной дороги, Тавернье увидел «наверху пригорка»²⁵⁷ ... руины некогда великолепного замка», куда ездили охотиться цари Армении. Название местности не указано. Однако, следуя по маршруту других путешественников, которые направлялись в этот же период из Еревана в Тавриз через Нахичеван, следует заключить, что Тавернье имеет в виду развалины дворцов Двина.

Через *Daivin* лежал также путь Жана Шардена. Джеймс Джастин Морьер во время своего «Второго путешествия по Персии, Армении и Малой Азии», направляясь из Садарака в Ереван, прошел через село *Develou*. По поводу этого села И. Шопен высказал предположение, что оно расположено на месте Двина²⁵⁸.

О пригорке, расположенном вблизи деревни Девелу, упоминает и известный французский географ, составитель многих книг о путешествиях Жан-Батист-Бенуа Эйриес (1767–1846). Видимо, основываясь на информации Тавернье, он заключает, что остатки древних строений свидетельствовали о производстве искусства (*un ouvrage de l'art*), которое некогда служило загородным дворцом развлечений царей Армении²⁵⁹.

На третий день Тавернье и его попутчики остановились в де-

²⁵⁵ Mesisousar – Масис сар – Масис гора.

²⁵⁶ Les six voyages de Jean-Baptiste Tavernier, t. 1, p. 51.

²⁵⁷ Мовсес Хоренаци, касаясь царствования Хосрова Малого, пишет, что «последний переносит царский двор на пригорок выше леса, который по-персидски называется Двин...», см.: Мовсес Хоренаци, История Армении, с. 152.

²⁵⁸ «Селение Давали, – пишет И. Шопен, – точно на кургане, севернее Арташата...», см.: И. Шопен, Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху её присоединения к Российской Империи, с. 275.

²⁵⁹ Jean-Baptiste-Benoît Eyries, Voyage pittoresque en Asie et en Afrique: résumé général des voyages anciens et moderne, P., 1839, p. 353.

ревушке (название не указано) с прекрасным источником²⁶⁰. Возможно, речь идет о деревне Садарак. Наше предположение подкреплено описанием Жаном Шарденом своего маршрута путешествия, сходного с тем, которым следовал Тавернье. Последний прошел мимо «большого селения, под названием Седарек (*Sedarec*), которое, по словам Шардена, «по своему значению соответствует главному городу той части Армении, которая называется Шарур»²⁶¹.

На следующий день Тавернье и его попутчики перешли вброд «реку Арпа-су, которая впадает в Аракс». Далее расположились лагерем в деревне Kalifakiend²⁶².

Следующая остановка Тавернье – караван-сарай села Karabacler (Карабаклар, *Չարաբազլար*)²⁶³. Шарден же, покинув Садарак, прежде чем перейти Арпа-чай, остановился в полуразрушенном караван-сараяе, вблизи селения Нуратшин (*Nouratchin*)²⁶⁴.

Это же село посетил и Джеймс Джастин Морьер («Из Хока мы отправились в расположенное в области Шерур (*Chehrour*) село под названием Нарашин (*Narachum*)»²⁶⁵). Морьер отмечает, что в двух лье от Хока, в горах, имеются строения, которые напоминают колонны Персеполя²⁶⁶. Шопен высказывает сожаление, что эта местность недостаточно изучена. «Быть может, – замечает он, –

²⁶⁰ Об источниках близ Садарака (Седерги) упоминает Эвлия Челеби, см.: Эвлия Челеби, Книга путешествия, вып. 3. Земли Закавказья и сопредельных областей Малой Азии и Ирана, М., «Наука», 1983, гл. 6, с. 113.

²⁶¹ «(*Sedarec*) c'est comme la capitale d'une contrée d'Arménie, nommée Charour», см.: Voyages du chevalier Chardin en Perse, et autres lieux de l'Orient, P., 1811, t. 2, p. 295–296.

²⁶² Kalifakiend значится на карте Гийома Делиля под названием *Kalfekiend*, у Закария Акулисского – *Халифа-кенд*, см.: Дневник Закария Акулисского, Ереван, 1939, с. 28.

²⁶³ Карабаклар – село в Шарурском районе. Алишан высказывает предположение, что Карабаклар – это находящееся в гаваре Хок село Агарак (*Ագարակ*), см.: Гевонд Алишан, Сисакан, с. 505 (на арм. яз.).

²⁶⁴ Voyages du chevalier Chardin en Perse, et autres lieux de l'Orient, P., 1811, t. 2, p. 296.

²⁶⁵ Jacques Morier, Second voyage en Perse, en Arménie et dans l'Asie mineure..., t. 2, p. 240.

²⁶⁶ Там же.

здесь находился древний Тигранакерт, о котором упоминается, говоря о селении Кара-бабе»²⁶⁷.

Относительно карабакарского караван-сарая Тавернье отмечает, что в 1664-ом году, во время его последнего путешествия, строительство караван-сарая возле этого села было почти завершено. Из его слов можно заключить, что он прошел по этому маршруту не один раз. Эту местность и караван-сарай посетили многие путешественники.

Так, итальянец Джованни Франческа Джемелли Карери в своем «Кругосветном путешествии», предпринятом в 1693–1698-ых гг., наряду с описанием многих стран и народов, поведал также и об Армении, через города которой (Эрзерум, Карс, Ереван, Нахичеван) лежал его путь из Турции в Персию. Пересекая Нахичеван в июне 1694-го года, он остановился в деревне Садарак, далее пересек реку *Arpachi* или *Arpasou*, сделал привал вблизи караван-сарая Карабакара (*Karaba*).

Тавернье, а вслед за ним и Джемелли Карери, описывают ручеек, вытекающий «как сказывают армяне, из выдолбленного в скале Симом, сыном Ноя, углубления»²⁶⁸. Тавернье пишет, что вода из этого источника, замерзая, превращается в камень, которым выложен караван-сарай Карабакара. Джемелли Карери подтверждает полученную от армян информацию относительно источника, струящегося из высеченного Симом, сыном Ноя, углубления в скале. Однако он ставит под сомнение сообщение Тавернье по поводу превращения по истечении восьми или десяти месяцев воды из этого ручья в камень, который якобы использовали для строительства карабакарского караван-сарая («Ни один местный житель, будь то перс или армянин, ничего подобного мне не рассказало»²⁶⁹).

Турецкий путешественник Эвлия Челеби, который в течение сорока лет путешествовал по всей Османской империи и сопредельным странам, включая Нахичеван, считает первооснователем Карабакара Манучехра – в иранской мифологии царя из династии Пишдадидов²⁷⁰.

²⁶⁷ И. Шопен, Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху её присоединения к Российской Империи, с. 330.

²⁶⁸ Les six voyages de Jean-Baptiste Tavernier, t. 1, p. 52.

²⁶⁹ Gemelli Careri, Voyage du tour du monde, t. 2, P., 1726, p. 26.

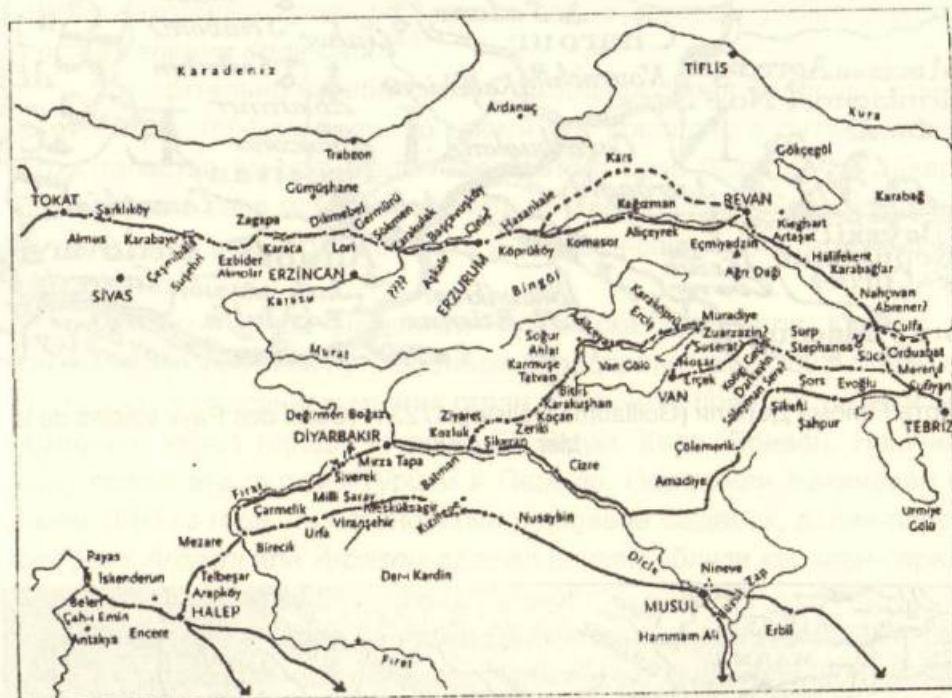
²⁷⁰ Эвлия Челеби, Книга путешествия, 1983, гл. 6, с. 113.

Карта Гийома Делиля (Guillaume Delisle), 1723 г. (Carte des Pays voisins de la Mer Caspiene).

Карта путешествий Тавернье по Европе, Турции и Персии.

Карта маршрута Тавернье по Нахичеванскому краю
(из книги: Seyahatnamesi, Ed. St. Yerasimos, 2006).

По расчетам Тавернье, от караван-сарая Карабаклара до города Нахичевана один день пути. Через день путешественники прибыли в «Нахичеван (Naksivan), который, согласно мнению армян, наиболее древний город мира, построен он приблизительно на расстоянии трех льё от горы, на которой остановился Ковчег Ноя. Это отсюда он взял свое имя: поскольку Nak по-армянски означает Корабль (Navire), а Sivan – лежащий или проживающий (posé ou demeuré). Это достаточно большой город, полностью разрушенный армией султана Амурата²⁷¹. Здесь можно увидеть развалины великолепных мечетей, разрушенных турками, поскольку последователи Магомета не желают входить в мечети последователей Али... Турки и персы разрушали их попеременно, в зависимости от исхода войн.

Этот город очень древний, армяне полагают, что это то место, где поселился Ной, выйдя из Ковчега. Они говорят, что здесь он по-

²⁷¹ Имеется в виду Мурад IV, семнадцатый султан Османской империи (1623–1640).

гребен, могила же его жены²⁷² находится в Маранде (Marante), по дороге в Тавриз. Среди развалин Нахичевана видны [развалины] одной из самых великолепных мечетей Азии, и, считается, что она была построена в память о могиле Ноя (en mémoire de la sepulture de Noë)²⁷³.

Нахичеван, согласно переданному Тавернье рассказу, – это не только место высадки Ноева ковчега и основания города, но и место последнего упокоения Ноя.

Рассказ о Нахичеване, схожий с рассказом Тавернье, фигурирует в путевых заметках Джемелли Карери. Итальянский путешественник характеризует Нахичеван, как «старейший город мира», «расположенный в 30 метрах от Арарата», в котором «поселился Ной, когда вышел из ковчега», здесь же «находится его могила». Название Нахичеван произошло от «Nak», что «на армянском означает Корабль (Nave), а «Civan» – проживающий» ... И далее: «Жена Ноя похоронена в Маранде»²⁷⁴.

Подробное описание могилы Ноя, а также связанных с ней поверий нам оставила Ида Пфайфер в своем «Кругосветном путе-

²⁷² Жену Ноя обычно отождествляют с Ноемой (Наамой), дочерью Ламеха и сестрой Тувалкаина (Тувал-Каина) («Цилла также родила Тувалкаина, который был ковачом всех орудий из меди и железа. И сестра Тувалкаина – Ноема» (Быт 4:22).

²⁷³ «Naksivan selon l'opignon des Armeniens est la plus ancienne ville du monde, bâtie environ à trois lieues de la montagne sur laquelle s'arresta l'Arche de Noë, d'où elle a pris son nom: car Nak en Armenien signifie Navire, et Sivan posé où demeuré. C'est une assez grande ville qui fut toute ruinée par l'armée de Sultan Amirat. On y voit les restes de plusieurs belles Mosquées, que les Turcs ont abatus, parce que les Sectateurs de Mahomet ne veulent point entrer dans les Mosquées des Sectateurs de Hali..., et que les Turcs et les Persans les détruisent tour à tour selon le sort de la guerre. Cette ville est tres-ancienne, et les Armeniens tiennent que ce fut le lieu où Noë vint habiter en sortant de l'Arche. Ils disent qu'il y fut enterré; et que sa femme eut son tombeau à Marante sur le chemin de Taurus....Entre les ruines de Naksivan on voit celles d'une grande Mosquée qui estoit une des plus superbes de l'Asie, et on croit qu'elle fut bastie en mémoire de la sepulture de Noë», см.: Les six voyages de Jean-Baptiste Tavernier, t. 1, p. 53.

²⁷⁴ «Nak Civan vogliono alcuni, che sia la Città più antica del mondo, dicendo, che Noè uscito dell' Arca vi abitasse; forse perche è lōtana solo 30. m dal Mōte Ararath. Dicono di più, che vi fusse sepellito Noè, e confermano la loro opinione coll'etimologia della Città stessa; perocchè Nak in lingua Armena significa Nave, e Civan dimora.... Indi continuando il viaggio dopo 20m. arrivammo nel Casale di Maranta. Dicono che quivi sia sepellita la moglie de Noe», см.: Giovanni Francesco Gemelli Careri, Giro del mondo, Napoli, 1699, parte seconda, pp.18, 22.

шествии». Так, согласно переданной путешественницей информации, могила Ноя – место паломничества «как мусульман, так и христиан», убежденных, что если приложенный ими к стене камень прилипнет к ней, то их желания сбудутся²⁷⁵.

Джеймс Морьер, посетив могилу Ноя в Нахичеване, увидел «стену, сложенную из кирпичей», представляющую, по его мнению, «современное сооружение» («*Mais nous n'aperçûtes qu'un mur en briques, de construction moderne*»)²⁷⁶.

Особо хочется отметить материал по Нахичевану и его памятникам, в частности, гробнице Ноя, содержащийся в «Путешествии вокруг Кавказа» Дюбуа де Монперё. Французский путешественник оставил нам подробное описание места захоронения Ноя, самой могилы, а также рисунок могилы, «к которой нет ни дня, чтобы не приходили паломники разных национальностей: русские, армяне, евреи и т.д., чтобы почтить нашего общего родоначальника»²⁷⁷.

Однако Тавернье, пожалуй, первый среди них, который представил в своем «Путешествии» в письменной форме бытующие в армянской среде предания о местах захоронения Ноя и его жены.

Эти предания, восходящие к местному источнику, видимо, имели широкое хождение в историко-географических рамках Армянского нагорья (Арарата и прилегающих территорий). В армянской среде²⁷⁸ впервые эти предания были зафиксированы и введены в

²⁷⁵ «Nothing more remains of Noah's sepulchre than a small arched chamber, without a cupola. It appears to have been formerly covered with one, but it is not possible to decide from the few ruins that now remain. In the interior, neither a sarcophagus nor grave are to be seen; a single brick pillar stands in the centre, and supports the roof. The whole is surrounded by a low wall. Many pilgrims come here, Mahomedans as well as Christians; and both sects entertain the remarkable belief, that if they press a stone into the wall while thinking of something at the same time, and the stone remains sticking to the wall, that their thoughts are either true or will come to pass, and the reverse when the stone does not adhere. The truth of the matter is, however, simply this: the cement or mortar is always rather moist, and if a smooth stone is pushed a little upwards while being pressed, it remains hanging; if it is only pressed horizontally, it falls off again», см.: Madame Ida Pfeiffer, A Woman's Journey Round the World, Publisher, Echo Library, 2006, Length, p. 310.

²⁷⁶ Там же, с. 237.

²⁷⁷ «Il ne se passe pas de jour qu'il n'arrive ici des pèlerins de toutes les nations, Russes, Arméniens, Juifs, etc., pour révéler notre père commun», см.: Frédéric Dubois de Montpéroux, Voyage autour du Caucase, P., 1840, t. IV, p. 16.

²⁷⁸ Об истории распространения этого предания в армянской среде (Вардан Аревелци, Комитас Кюмурчян, Казар Джахеци, Мкртыч Авгерян, Гевонд Алишан, Н. Тер-Аветисян, Месроп Смбабянц, Ерванд Лалаян), см.: Вардан

литературный оборот известным армянским историком XIII века Варданом Аревелци в его «Географии» («Ашхарацуйце»).

«...Гробница великого прародителя Ноя, – пишет Вардан Аревелци, – находится в Нахичеване, а могила Ноемзар – в Маранде»²⁷⁹. По всей вероятности, Вардан Аревелци почерпнул эту легенду не из письменного текста: источник следует искать в устной народной традиции. Микаэл Чамчян в «Истории Армении с начала мироздания до года Господня 1784» отмечает, что Ной умер и был погребен в Армении, и что об этом говорят как древние историки Армении, так и византийские историки Григорий Кедрин (конец XI – начало XII вв.) и Георгий Синкелл (на рубеже VIII – IX вв.)²⁸⁰.

Это предание, преемственно переходя из поколения в поколение, с XVII века получило широкое распространение, о чем свидетельствует его повсеместная регистрация не только армянскими, но и русскими²⁸¹ и европейскими дипломатами, путешественниками-исследователями и миссионерами.

Деврикан, Армянское предание о гробнице Ноя, Голос Армении. Общественно-политическая газета. Thursday, 15 February, 2007.

²⁷⁹ «Ի Նախիջուան և տաշիւնն մեծ նահապետին Նոյի եւ Նեմզարայի ի Մարանդ», см.: Вардан Аревелци, Ашхарацуйц, критич. изд. Айка Берберяна, Париж, 1960, с. 12 (на арм. яз.).

²⁸⁰ Микаэл Чамчян, История Армении с начала мироздания до года Господня 1784, т. 1, Венеция, 1784, с. 57 (на арм. яз.).

²⁸¹ Связывание Нахичевана с местом поселения Ноя, по выходе из ковчега, а также с местом его захоронения присуще и русским путешественникам, посетившим эти края и зафиксировавшим распространенные в этом регионе легенды. Так, известный историк и этнограф Иван Шопен (Jean Chopin), упоминая могилу Ноя, приводит записанное со слов местных жителей предание о захоронении Ноя на холме, возле ведущей в Нахичеван дороги, а также отмечает расположение надгробного памятника сестры Ноя «на одной смежной горе, влево от Эриванской дороги», см.: И. Шопен, Исторический памятник состояния Армянской области..., с. 320–321.

Русский писатель и путешественник – «талантливый странствователь по Востоку» (выражение Евгения Маркова) Андрей Николаевич Муравьев, брат известного декабриста Александра Муравьева, предпринявший в сентябре 1846 года в сопровождении Хачатура Абовяна поездку по Армении, касаясь вопроса достоверности существования «Гроба Ноева» и «места погребения», пишет, что «неизвестно, до какой степени справедливо предание о могиле праотца, но во всяком случае оно освящено давностью и согласием разноплеменных поклонников», см.: А. Н. Муравьев, Грузия и Армения, СПб., часть II, с. 156–157.

Русский просветитель К. А. Никитин в статье «Город Нахичевань и Нахичеванский уезд» также упоминает находящуюся здесь могилу Ноя:

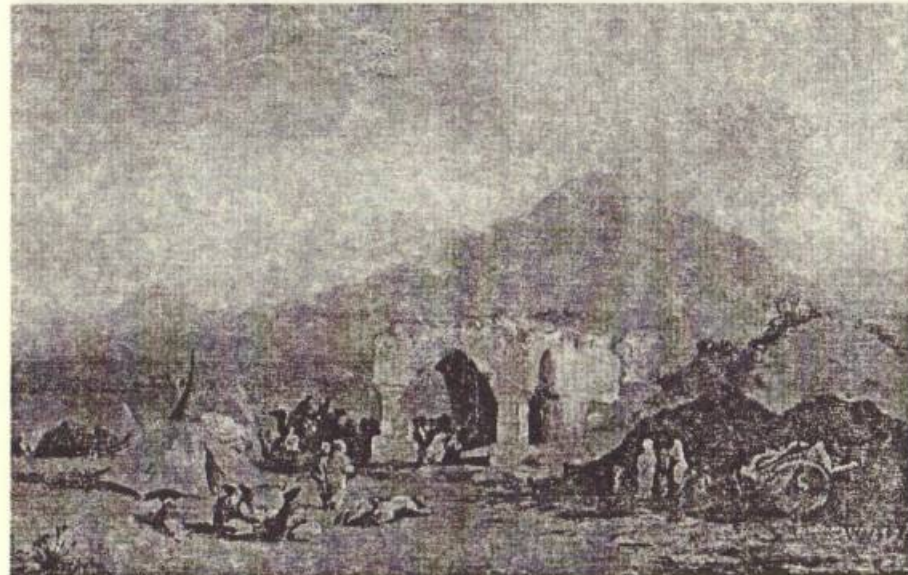
Могила Ноя.

(Взято из книги Г. Алишан «Сисакан»).

«Ноева гробница находится на южной стороне города, вблизи остатков старой крепости. В настоящем виде она была возобновлена персианами в VIII столетии... Теперь она представляет небольшую часовню, выросшую в землю. Здесь прежде была церковь, впоследствии разрушившаяся, настоящая же часовня – остаток прежней церкви, для которой она служила нижним этажом. Внутренность часовни, в которую нужно спуститься по ступеням, похожа на пещеру, почти круглую, со сводами, поддерживаемыми на середине каменным столбом.»

Под этим-то столбом, по преданиям армян, покоится прах прародителя Ноя. В пещере нет ни образов, ни украшений; стены выбелены и исписаны на разных языках именами путешественников и богомольцев.... В годовые праздники, в особенности на святой неделе, толпами отправляются на Ноеву могилу и имеют обыкновение, после принесения даров и поклонения праху Ноя, приклеивать небольшие камешки к своду пещеры, вымазанной глиной, будучи уверены, что если камешки прилипнут, то их желания и просьбы будут исполнены», см.: К. А. Никитин, Город Нахичевань и Нахичеванский уезд, «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», (СМОПМК), вып. II, отд. I, Тифлис, 1882, с. 112–113.

Известный русский писатель и путешественник Евгений Марков в свою очередь зафиксировал связанные с Нахичеваном поверья: «А самый город Нахичевань есть именно то место, где, по верованию армян, поселился, по выходе из ковчега, и потом умер Ной, прародитель человечества. В Нахичевани издревле показывали могилу Ноя, к которой всегда во множестве притекали паломники из всех стран мира, да и слово «Нахичевань» прямо-таки обозначает на древнеармянском языке – «первое жилище», см.: Евгений Марков, Русская Армения, «Вестник Европы», № 6, том III, июнь, 1901, с. 490.

Поль фон Франкен. «Могила Ноя» - 1869.

Могила Ноя в Нахичеване (лист XXIXd третьей части атласа к «Путешествию по Кавказу...» Фредерика Дюбуа де Монперё. Париж. 1840 г.).

Древний замок в Нахичеване (из книги Г. Алишана «Сисакан»)

Место захоронения Ноя стало одним из наиболее почитаемых во всем крае. Над склепом была возведена часовня²⁸², а вокруг простиралось армянское кладбище.

В. Н. Григорьев в «Статистическом описании Нахичеванской провинции», пишет, ссылаясь на армян, что над могилой Ноя была двухэтажная высокая церковь, верхний этаж которой разрушен, а нижний осел и засыпан землею при постройке крепостного вала, проходящего по самому этому месту²⁸³.

Заслуживает упоминания расположенная в Нахичеване часовня под названием «Ноев ковчег», отмеченная в путевых записях («Топографические письма») Н. Тер-Аветисяна²⁸⁴, а также в книге

²⁸² Гробница и часовня были полностью разрушены в 30-ых годах XX века.

²⁸³ В. Н. Григорьев, Статистическое описание Нахичеванской провинции, 1833, с. 67–68.

²⁸⁴ «... в Нахичеване, за пределами крепости, расположено армянское кладбище, где и находится могила Ноя. Это низкое, восьмиугольное, выложенное кирпичом строение с плоской крышей, напоминающее залатанные останки большой башни с двумя входами с противоположных сторон. Внутри строение арочное и опирается на тонкую колонну в центре. У этой колонны молятся, зажигают свечи, курят ладан, и именно это место в народе называют «Ноевым ковчегом», см.: Н. Тер-Аветисян, Топографические письма, Тифлис, 1888 (на арм. яз.), цит. по: Вардан Деврикан, Армян

«Описание монастыря Св. Карапета в Ернджаке»²⁸⁵ архиепископа Месропа Смбатянца²⁸⁶.

Вернемся к рассказу Тавернье о Нахичеване. Путешественник касается хозяйственной деятельности армян Нахичевана, которые, по его словам, некогда играли значительную роль в развитии торговли шелком. Не обходит он вниманием и шах-аббасовскую тему, ставшую, как мы могли убедиться, обязательным звеном в записках многих путешественников о Нахичеванском крае.

«Вся страна, – сообщает путешественник, – от Еревана до Тавриза была полностью разорена шахом Персии по имени Шах-Аббас I, дабы армия турок, вступив в эти края, не найдя пропитания, пришла бы в упадок. Он вознамерился сделать страну необитаемой и увел в Персию жителей Джульфы и окрестностей... Он вывел до двадцати семи тысяч армянских семей²⁸⁷ в славившуюся своим шелком область Гилян, суровый климат которой стал причиной гибели большинства этих бедных людей, привыкших к более мягкому климату²⁸⁸. Наиболее знатные были переселены в Исфahan, где шах побудил их заняться торговлей,.... пожаловал им большие привилегии, среди прочих, иметь своего главу и судей, не зависящих от правосудия Персии.

Это они построили город Джульфа,.... назвав его Новая Джульфа, чтобы можно было его отличить от Старой Джульфы в Армении – родины их предков, о чем я поведу подробнее далее²⁸⁹. Одна

ское предание о гробнице Ноя.

²⁸⁵ М. Смбатянц, Описание монастыря Св. Карапета в Ернджаке, Тифлис, 1904 (на арм. яз).

²⁸⁶ «...В Нахичеване, после обедни, торжественным шествием со всем церковным чином, с песнопениями, процессия направилась на кладбище вблизи часовни, называемой «Ноев ковчег», в южной части города, на удалении около версты... Дорога от города до «Ноева ковчега» была заполнена людьми всех сословий, чинов и вероисповеданий, мужчинами и женщинами. Процессия с трудом продвигалась между ними. У «Ноева ковчега» процессия остановилась, и был проведен обряд...» (цит. по: В. В. Деврикан, Армянское предание о гробнице Ноя).

²⁸⁷ 27 000 армянских семей – это приблизительно 300 000 человек.

²⁸⁸ В другом месте своего «Путешествия» он вносит уточнение в сообщаемую информацию: «Согнанные в Мазандаран для обработки земли армяне, как мною было сообщено ранее, погибли из-за плохого климата; из двадцати четырех тысяч выжили пять-шесть тысяч», см.: Les six voyages de Jean-Baptiste Tavernier..., G. Clouzier et C. Barbin, Paris, 1676, p. 412.

²⁸⁹ Тавернье возвращается к этой теме в кн. IV, гл. VI, «Описание Персии»,

треть этого народа была рассеяна по многим селам, между Исфahanом и Ширазом.

Когда старцы ушли из жизни, молодые постепенно сделались мусульманами, и сегодня едва можно встретить двух армян - христиан во всех этих прекрасных равнинах, куда для возделывания [земли] были высланы их отцы»²⁹⁰.

Тавернье удалось передать в этом небольшом фрагменте своих путевых записей всю подноготную политики Шах-Аббаса, обернувшейся трагическими последствиями для армянской страны и ее народа. В то же время Тавернье не безучастный рассказчик, а человек, которому небезразлична судьба армян. Тридцать лет отделяли его от злочастного периода депортации армян в пределы Персии. Ретроспективный взгляд позволял целостнее воспринять прошлое.

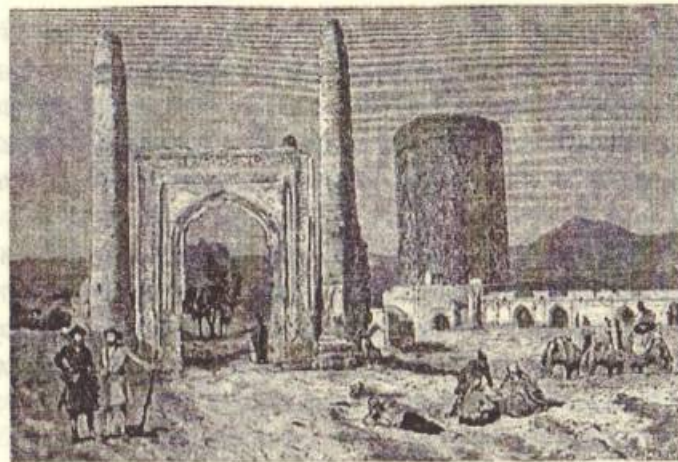
Однако на изгнании армянского населения со своих исконных земель история не заканчивалась. Тавернье столкнулся с новой реальностью. Имея возможность прямого наблюдения за судьбой депортированных армян на протяжении почти сорока лет – с 1631-го по 1669-й год, он становится очевидцем тяжелых последствий аббасовской политики для армянского народа, свидетелем «живой истории».

После небольшого исторического отступления, Тавернье возвращается к описанию достопримечательностей Нахичевана, среди которых его внимание привлекает башня, которая является, «как предполагают, творением Ленг Тимура, в пору его завоевания Персии».

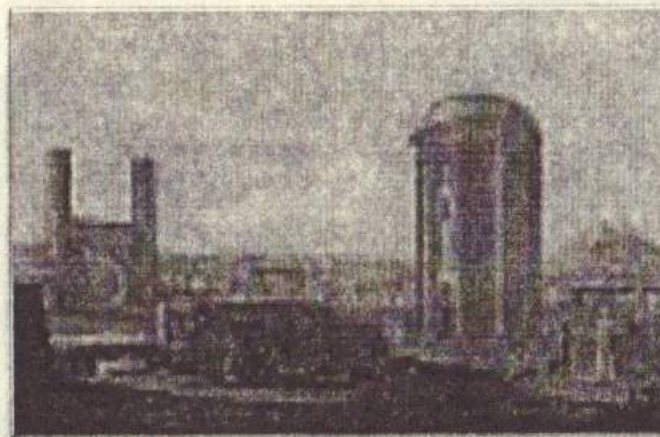
Описание этой башни содержится и в «Кругосветном путешествии» Джемелли Карери. У обоих путешественников сооружение расположено в окрестностях Нахичевана, сложено из кирпича и заканчивается шатром. По Тавернье, башня выполнена в форме двенадцатигранника, которая к середине переходит в четырехгранник. Построена эта башня, по мнению Алишана, в XII веке, в период царствования Ильдегизов (видимо, имеется в виду мавзолей Момине-Хатун, также известный, как Купол Атабека).

см.: Les six voyages de Jean-Baptiste Tavernier..., G. Clouzier et C. Barbin, Paris, 1676, p. 412.

²⁹⁰ Там же, с. 53–54.

Вид окрестностей Нахичевана. 1891. Рисунок J. Laurens-а.

Ханская башня в Нахичевани (лист XXII третьей части атласа к «Путешествию по Кавказу...» Фредерика Дюбуа де Монперё. Париж. 1840 год).

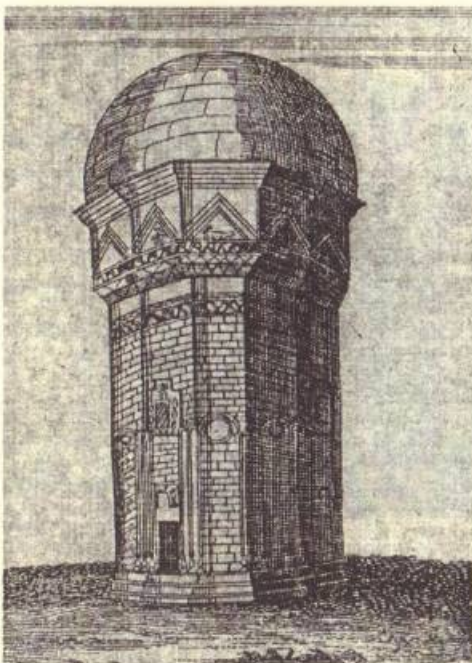
Сходная по конструкции башня в виде куполообразного мавзолея находится в селе Аргаванд, близ Еревана, на ведущей в Эчмиадзин дороге. Под карнизом купола арабоязычная надпись, свидетельствующая о том, что он сооружен Пир-Хусейном, сыном Амира Саада из династии Кара-Коюнлу в 818-ом (1413-ом году)²⁹¹.

²⁹¹ А. Д. Папазян, Иноземное господство в Араратской области (XV в.), «Известия общественных наук» АН АрмССР, № 7–8, 1960, с. 23.

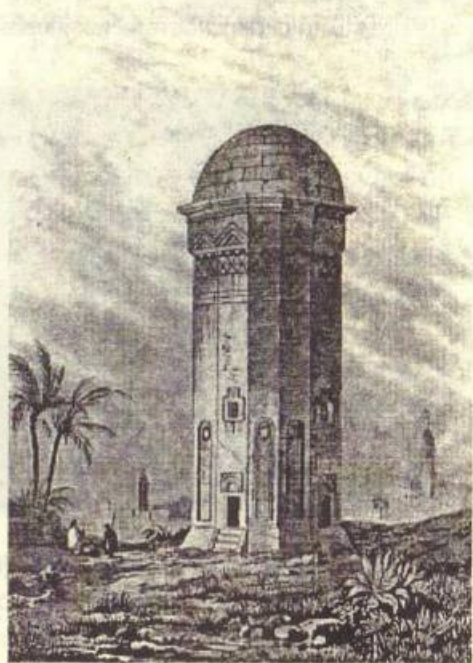
В 2015-м году началась реконструкция мавзолея по заказу Министерства культуры Армении.

Эта башня привлекла внимание также французских путешественников Турнефора и Шардена. «Со стороны Епархии расположена старинная, довольно странного строения башня, — пишет Турнефор, — она имела бы сходство с фонарем Диогена²⁹², если бы не была построена в восточном вкусе: она округлой формы и с куполом»²⁹³.

«Эта башня явно древнее строение, — делится своими впечатлениями побывавший в Ереване Шарден, — несколько странное в плане архитектурного решения. Внутри она полая. Вокруг башни развалины, расположение которых говорит о том, что там некогда был монастырь, а башня была посередине»²⁹⁴.

Старинная башня в Ереване, 1681.

Башня в Ереване. (из L'Univers. Histoire et Description de tous les Peuples,... Париж. 1838 г. (лист 9).

²⁹² Памятник Лисикрата (Хорегический монумент Лисикрата, фонарь Диогена) — монумент в Афинах, около Акрополя, воздвигнутый в 334-ом году до н. э.

²⁹³ Relation d'un voyage du Levant: fait par ordre du Roi par M. Pitton de Tournefort: contenant l'histoire ancienne & moderne de plusieurs isles de l'archipel, de Constantinople, des côtes de la Mer Noire, de l'Arménie, de la Géorgie, des frontières de Perse et de l'Asie Mineure ..., t. 3, Lyon, 1717, p. 202.

²⁹⁴ Voyages du chevalier Chardin en Perse..., t. II, p. 163–134.

Особый интерес у Тавернье, как и у многих других путешественников, привлекли монастыри армянских католиков, о которых он оставил следующие записи: «... между Нахичеваном и Джульфой, по обе стороны к северу и к югу, на расстоянии около двух-трех лье друг от друга расположены десять монастырей армян-христиан. Они подчиняются папе, и ими руководят доминиканские монахи их национальности,.... время от времени в Рим отправляют детей, годных к обучению; они там изучают латынь и итальянский, а также необходимые для их профессии науки. В этой стороне насчитывается около шести тысяч душ — всецело последователей Римской церкви, церковная же служба и месса ведется на армянском... Архиепископ после избрания отправляется в Рим, где его утверждает Папа. Его резиденция находится в самой прекрасной местности всей Азии, где можно найти в изобилии все необходимое для жизни»²⁹⁵.

В качестве сравнения приведем сведения из «Красот Персии» Анри Долье Десландеса (1621–1715), который сопровождал Тавернье во время его шестого путешествия. В прологе к записям своего путешествия в Персию, совершенного в 1664–1666-ых годах, Десландес отводит место описанию области, находящейся на расстоянии десяти дней пути до Тавриза, в которой расположены восемь или десять армянских сел, жители которых армяне, исповедующие католичество на протяжении четырехсот лет («... их духовной жизнью руководят монахи ордена святого Доминика из их нации, некоторые из них время от времени приходят за наставлениями в Рим»)²⁹⁶.

Как видим, преподнесенная Десландесом информация о католических селах схожа с текстом Тавернье. Чем же объясняется тождественность текстов двух путешественников: сведения об армянских католических селах Нахичеванского края позаимствованы Десландесом из первого путешествия Тавернье, или это результат обмена путешественниками информацией? Довольно часто в литературе путешествий этого периода мы сталкиваемся то ли с

²⁹⁵ Les six voyages de Jean-Baptiste Tavernier, p. 55.

²⁹⁶ «En allant à Tauris, qui est à dix journées de là, vous passez proche d'un petit canton où il y a huit ou dix Villages d'Armeniens, qui depuis quatre cens ans ont toujours esté fournis, pour la Religion, au Saint Siege Apostolique. Ils ont leur Lithurgie en latin et en armenien litteral, et sont gouvernez pour le spirituel par des Religieux de Saint Dominique, qui sont de leur Nation, dont quelques uns de temps en temps viennent à Rome se faire instruire», см.: André Daulier Deslandes, Les Beautez de la Perse ou la Description de ce qu'il y a de plus curieux dans ce royaume..., Chez Clousier, P., 1673, Epistre.

цитацией путешественниками своих предшественников, то ли с явлением интертекстуальности. Однако зачастую, как в случае с Тавернье и Десландесом, пути путешественников скрещивались, и тогда совместное путешествие сопровождалось обменом впечатлениями, информацией, а это приводило к единому, унифицированному взгляду относительно пройденной страны и ее жителей. Информация эта пополнила базу данных о Нахичеване, из которой черпали материал последующие странствователи по Востоку.

Так, Жозеф Питтон де Турнефор в своем «Путешествие в Левант» почти дословно повторяет информацию о католических селах, приводимую Тавернье: «Господин Тавернье их насчитал около десяти в окрестностях города Нахичевана и, находящейся от него в день пути, старой Джульфы; всеми этими монастырями руководят армянские доминиканцы. С целью воспитания достойных людей в Рим время от времени посылаются молодые люди с целью приобщения к науке и воспитанию в духе ордена Св. Доминика.

Каждый монастырь находится в пригороде, и в этой части города насчитывают приблизительно шесть тысяч католиков. Их архиепископ, принимая титул патриарха, после избрания едет в Рим, чтобы его подтвердить; в его диоцезе во всем следуют обрядам католической церкви, за исключением литургии и обедни, которые поются на армянском, дабы было понятно народу. Эта небольшая паства живет праведно, она достаточно образованна, и нет на всем Востоке лучше христиан, чем они»²⁹⁷.

Секретарь французского посольства, возглавляемого послом Франции в Стамбуле Нуантелем, – Де ла Круа (его часто путают с Пти де ла Круа, известным ученым, также находившимся в те годы в Турции) в своих мемуарах-донесениях, отчитываясь об армянах-католиках Нахичевана, отмечает, что «армяне-франки обитают рядом с городом Нахичеваном, в кантоне под названием *Abrener*, представляющем плодородное поле, в котором расположены семь деревень». Де ла Круа убежден, что число католиков армян было бы значительно больше, если бы не гонения на них со стороны «патриарха - схизматика»²⁹⁸.

Далее Тавернье переходит к перечислению названий этих сел: «Первое и главное из этих сел, расположенное к северу, ко-

торое я специально посетил дважды, называется *Abarener* (Апаранер), второе – *Abraghonpex* (Апракунис), третье – *Kerna* (Кырна), четвертое – *Soletak* (Салитах), пятое – *Kouckachen* (Хошкашен), шестое – *Giaouk* (Джаук), седьмое – *Chiabounpex* (Шахапонк), восьмое – *Araghouche* (Гарагуш), девятое – *Kauzuk* (Гандзак), десятое, расположенное на границе с Курдистаном и Ассирией, – *Kisouk*²⁹⁹».

«Именно здесь, – продолжает свой рассказ Тавернье, – по мнению армян, Св. Варфоломей и Св. Матфей приняли мученическую смерть, они говорят также, что в этом месте всё ещё сохранены некоторые реликвии»³⁰⁰.

Эта местность была сакральной территорией не только для армян. Тавернье отмечает, что сюда на богомолье приходят и мусульмане, особенно страдающие от лихорадки. Монастыри этого края служили прибежищем для христиан Европы, которым монахи монастырей, несмотря на их крайнюю бедность, предоставляли жилье и питание.

Последующий маршрут Тавернье проходит мимо горы под названием Оцасар (Вишапасар) – Змеиная гора³⁰¹, расположенной в центральной части гавара Ернджак, с которой связано множество легенд, добросовестно зафиксированных европейскими путешественниками.

Тавернье сравнивает эту гору с самым высоким пиком острова Тенерифе: «В полутора лье от основного из десяти монастырей расположена отдельно от всех других [гор] высокая гора в форме сахарной головы, схожая с пиком Тенерифе»³⁰².

Гора эта была украшением и символом края³⁰³. Вокруг нее еще в давние времена были основаны города и села, а также

²⁹⁹ На карте Гийома Делиля *Kisouk* значит под названием *Kezuc* (см. с. 134).

³⁰⁰ Les six voyages de Jean-Baptiste Tavernier, p. 56.

³⁰¹ Эта гора в армянских источниках значилась также под названиям Ажданакан, Болу, Жених и Невеста, персы называли ее Кухэ Даак, Кухэ Заак, арабы – Ажданакан, Болу, турки-татары – Иланлу, Иландаг, Пландаг..., см.: А. Варданян, Зов Вишапасара, Ереван, 2010, с. 12.

³⁰² «A un lieu et demie du principal de ces dix couvents il y a une haute montagne separée de toutes les autres, et faite en pain de sucre comme le Pic de l'île de Tenerif», см.: Les six voyages de Jean-Baptiste Tavernier, p. 56.

³⁰³ Расположение этой горы описывает в своих путевых очерках австрийская путешественница Ида Пфайфер во время своего первого путешествия по Востоку (1846 – 1848 гг.). Согласно переданной путешественницей информации, «долина, в которой расположен Аракс, велика, и необычайное образование гор и скал делает ее очень живописной. В самой дали возвышаются высокие горы, из которых Арарат высотой более 16 000 футов, а в

²⁹⁷ Relation d'un voyage du Levant: fait par ordre du Roi par M. Pitton de Tournefort..., p. 272.

²⁹⁸ Etat présent des Nations et Eglises grecque, arménienne et maronite en Turquie par le sieur de La Croix, P., 1695, p. 149.

крепости и замки. В глубь веков уходят и легенды, связанные со *Змеиной горой*. Манук Абемян отмечает, что почитание змеи у древних армян подтверждается множеством фактов. Культ змеи объясняются такие географические названия, как Одзун (одз – по-армянски змея), Одзаберд (Змеиная крепость), Одзи гет (Змеиная река), Одзи кахак (Город Змей) и др.

Армянские истоки преданий зарегистрированы еще Мовсесом Хоренаци. В его «Истории Армении» заключен рассказ о том, как Тигран I поселил первую жену Аждахака Ануиш – «мать вишапов», а также множество маров (согласно народной этимологии мар – «змея, вишاپ») «на восточном склоне великой горы³⁰⁴ до пределов (области) Голтн... до места, находящегося напротив крепости Нахичавана», ссылаясь при этом на песни, «заботливо сохраняемые, как я слышал, жителями изобилующей вином области Голтн...

Среди них имеются песни..., упоминающие также потомков Аждахака, называя их иносказательно драконородными, ибо Аждахак на нашем языке означает дракона...»³⁰⁵.

Заботливо сохраненные жителями этой области³⁰⁶ песни не исчезли и во времена, когда эти края стали посещать западноевропейские путешественники. Предания о «Змеиной горе» – символ гавара Ернджак не могли не заинтересовать путешественников. Раздвоенная вершина горы по своему очертанию напоминала Арарат – Азатн Масис, которая была священной для армян горой еще в дохристианские времена. Змеиная гора, олицетворяющая образ родины – Нахичеванского края, подобно Арарату – горе Ноя, была также окружена ореолом святости. Святость горы подтверждалась сакрально отмеченными объектами, расположенными в районе Змеиной горы, олицетворяющей «точку отсчета» священного пространства. Да и клинообразная надпись, обнаруженная кандидатом геологических наук В. А. Игумновым в 1988 г. в районе Джульфы, недалеко от некогда армянской деревни Хошакуник, на горе Оца-

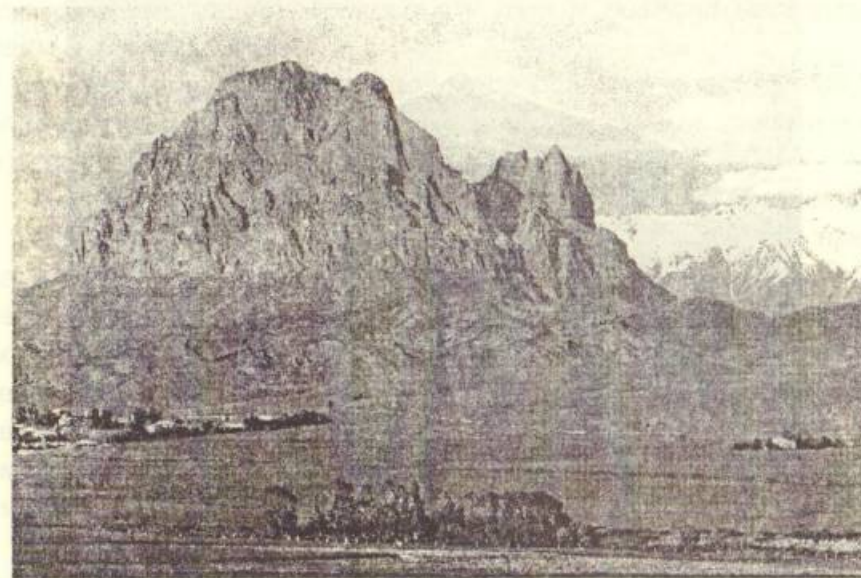
самой долине – многочисленные скалистые возвышения. Наиболее значительный из них – красивый острый каменный конус высотой не менее 1000 футов, называется он *Змеиной горой* (the Serpent Mountain)», см.: Ida Pfeiffer, A Woman's Journey Round the World, Madame Ida Pfeiffer A Woman's Journey Round the World, 2006, Length, p. 310.

³⁰⁴ Великая гора – Масис (Арарат).

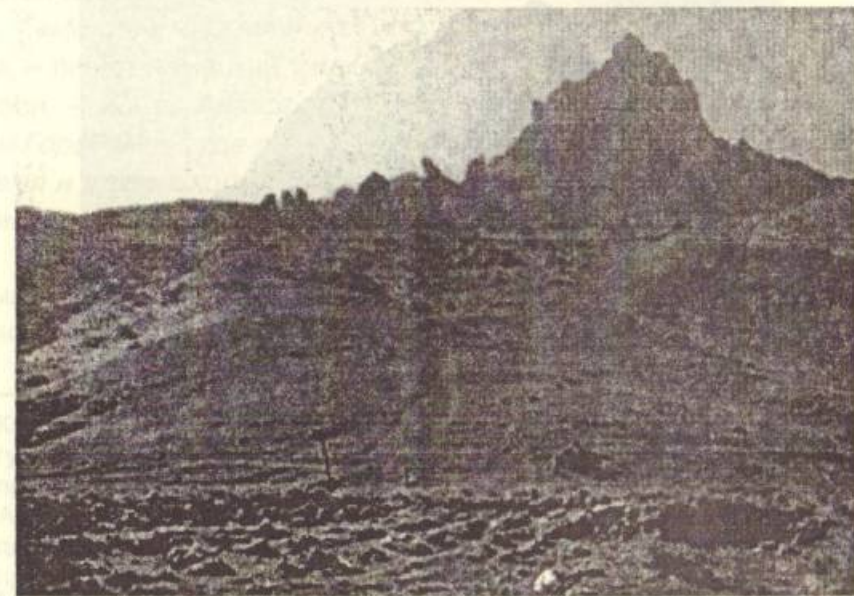
³⁰⁵ Мовсес Хоренаци, История Армении, с. 45.

³⁰⁶ М. Абемян объясняет продолжительное бытование в этом регионе «песен-сказаний Випасанатон» долгим сохранением здесь языческих традиций, см.: М. Абемян, История древнеармянской литературы, Ереван, 1975, с. 32.

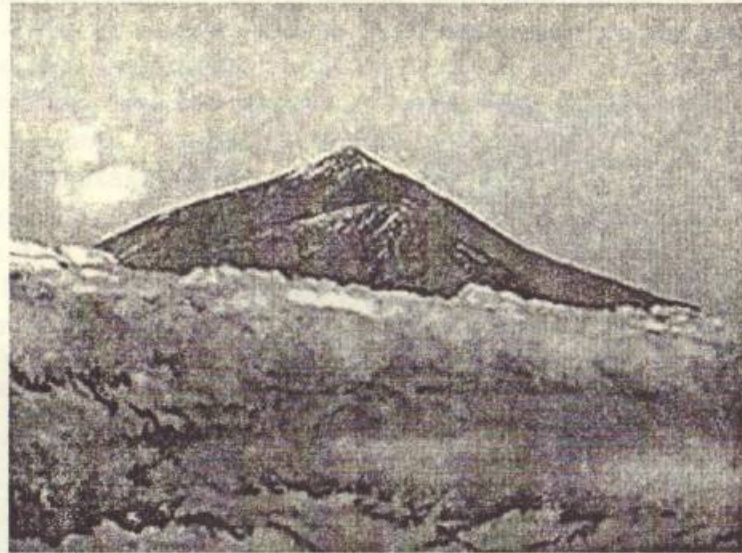
сар, а также каменные обломки «Вишапа» на кладбище Хошакуника являются свидетельством сакрального восприятия этой горы уже в стародавние времена³⁰⁷.

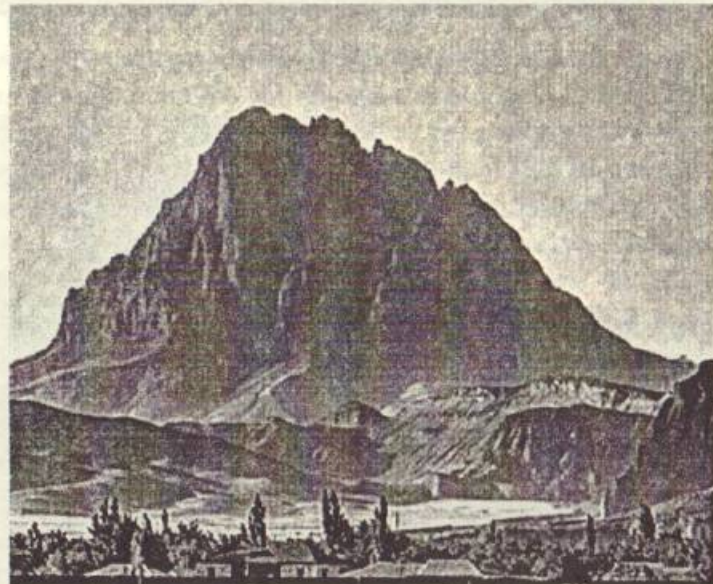
Змеиная гора (Оцасар).

³⁰⁷ В. А. Игумнов, О. О. Карагезян, С. Г. Амаякян, Клинообразная надпись Оцасара, «Историко-филологический журнал», 1997, № 1, с. 193–202.

Вулкан Тейде на острове Тенерифе.

Змеиная гора (Оцасар), гавар Ернджак.

Оцасар позиционировалась, как священная гора, также в народных преданиях. Так, согласно зафиксированному А. К. Никитиным преданию: «В то время, когда земля еще была покрыта водою, ковчег Ноя ... ударился об эту гору. Удар был так силен, что гора

раздвоилась, а в ковчеге образовались значительные повреждения. Ной, в порыве справедливого гнева своего, в виду угрожавшего ему потопления, проклял эту гору и повелел населить ее змеям и драконам.

С тех пор, говорит легенда, гора осталась разделенной, заселилась разными чудовищными гадами, драконами, змеями и стала называться змеиной горой»³⁰⁸.

Как видим, это предание состоит из двух слоев. Мы имеем дело с пересечением языческой и христианской традиций. На предание, связанное с библейским Ноем, напластовалось предание о змеях, восходящее к более ранней, достаточно жизнеспособной автохтонной традиции. Ниже приводится легенда, в которой фигурирует не Ноев ковчег, а огнедышащая упряжка царя змей, от столкновения которой с горой, последняя расщелилась надвое: «На вершине Масиса живет царь змей с царской короной на голове. Раз в семь лет все змеи окрестности приходят навестить его.

Однажды царь змей решил сам выйти на прогулку на своей огнедышащей упряжке. По дороге упряжка налетела на гору и расщелила надвое ее гребень. С тех пор пострадавшая гора называется Змеиной (Оцасар)»³⁰⁹.

«Истории о змеях, похоже, широко распространены в Армении, — пишет немецкий ученый и путешественник Август фон Гакстгаузен, — Вдоль Аракса, к югу от Nakhchivan-а есть гора, называемая Горой Змей, где змеи, как говорят, собираются в определенное время и в таких количествах, что ни люди, ни звери не смеют к ней приблизиться»³¹⁰.

На этом заканчивается первая часть предания. Далее со ссылкой на Александра Македонского приводится аргументация, поясняющая невозможность приближения к горе: «Говорят, будто

³⁰⁸ К. А. Никитин, Народные предания въ Нахичеванскомъ уезде, Эриванской губернии, — в кн.: Сборникъ материаловъ для описания местностей и племенъ Кавказа, Тифлис, 1862, с. 108.

³⁰⁹ Август фон Гакстгаузен, Сборникъ материаловъ для описания местностей и племенъ Кавказа, Тифлис, 1880, с. 118, — в кн.: А. Ганалаян, Армянские предания, Змеиная гора и царь змей, Ереван, 1979, с. 57.

³¹⁰ «Stories of serpents seem to be rife in Armenia. On the Araxes, south of Nakhchivan is a mountain called the Serpent Mountain, where serpents are said to collect in such numbers at certain times, that no man or beast dare approach», August von Haxthausen, Transcaucasia, — in: Jourdain de Sévérac, Les Merveilles..., p. 50, n. 1.

Искандер [Александр Македонский] поселил на этой горе своих жен, и заколдованные змеи стерегут их»³¹¹.

Тавернье также приводит связанное со Змеиной горой поверье, которое в дальнейшем привлекло внимание многих путешественников, не преминувших ввести его в свой рассказ. «У подножья этой горы имеется несколько источников, способных излечивать укушенных змеёй, более того, если к этим источникам поднести змей, то они тотчас погибнут»³¹².

Эту легенду, ссылаясь на Тавернье, слово в слово приводит и Дюбуа де Монперё³¹³.

В несколько видоизмененном виде эта легенда пересказана и французским путешественником – антикваром Людовика XIV Полем Лука (1664 – 1737), посетившим Нахичеван в конце XVII века.

Джеймс Морьер в своем «Втором путешествии по Персии, Армении и Малой Азии» отмечает «достойную примечания гору или скалу под названием Илан-Даги (Ilân-Dâghy) или Змеиная гора; жители утверждают, что в определенное время года змеи собираются в этом месте в большом количестве и, образуя две армии, сражаются насмерть, затем покидают покрытые трупами поля»³¹⁴.

Шарль Беланже, совершивший в 1825–1826 годах путешествие в Восточную Индию, Грузию, Армению, Персию, проезжая по Нахичевану, записал со слов мехмандара³¹⁵ легенду о змеиных боях, которая идентична легенде, зарегистрированной Морьером: «В лье от берега Аракса находится разрушенная деревня, рядом с которой возвышается скала. Это место ежегодного сходбища змей, которые, разделившись на две армии, сражаются между собой, оставляя свои чешуи по всей округе»³¹⁶.

³¹¹ Август фон Гакстгаузен, Закавказский край, ч. 1–2, СПб., 1857, с. 119, – в кн.: А. Ганалаян, Армянские предания, с. 58.

³¹² «Au pié de cette montagne il y a quelques sources qui ont la vertu de guerir ceux qui ont été mordu d'un serpent, et même si l'on porte quelques serpents à cette montagne ils y meurent aussi-tôt», см.: Les six voyages de Jean-Baptiste Tavernier, p. 56.

³¹³ Frederic Dubois de Montpereux, Voyage autour du Caucase, chez les Tscherkesses et les Abkhases..., t. 4, p. 16.

³¹⁴ Jacques Morier, Second voyage en Perse, en Arménie et dans l'Asie mineure..., t. 2, p. 229.

³¹⁵ Мехмандар (Mehmandar) – официальный курьер, назначаемый сопровождающим важного путешественника в персидскоязычных странах.

³¹⁶ Charles Belanger, Voyages aux Indes orientales par le nord de l'Europe, les provinces du Caucase, la Géorgie, l'Arménie et la Perse..., P., 1838, t. 2, p. 272.

Британский дипломат и путешественник Уильям Гор Оусли в «Путешествиях в разные страны Востока» приводит любопытную легенду, которая вызывает ассоциации с драконородными Мовсеса Хоренаци: «Кух-э-Мар³¹⁷ или «гора змей», где властвует огромное количество этих рептилий, которые, как говорят, собираются там в определенные сезоны и сражаются в облиии мужчин»³¹⁸.

Согласно армянским преданиям, гора эта, в дополнение к ранее сказанному, имела ореол святости еще и потому, что на ней были погребены мощи святых дев, и в память о них была построена часовня Кусанац (Девичья).

Вернемся к маршруту путешествия Тавернье. Направляясь из Нахичевана в Джульфу, армяне, по словам Тавернье, обычно отклонялись от маршрута, чтобы посетить расположенный к югу монастырь Св. Степаноса (Couvent de saint Etienne). Монастырь этот Тавернье посетил дважды: в первый раз, возвращаясь из своего четвертого путешествия в Персию (первого в Нахичеван), и во второй – 12 февраля 1668-го года, во время последнего путешествия в Индию. Тавернье предлагает читателю ознакомиться с дорогой, ведущей в этот монастырь. «В начале, – пишет он, – следует пересечь большое село под названием Ecclisia, в котором проживает большое число богатых армян, ведущих крупную торговлю шелком, они и построили здесь прекрасную церковь»³¹⁹. Далее, в двух лье от Ecclisia³²⁰, надо переплыть Аракс на лодке... один раз мне пришлось переехать [реку] по льду. На расстоянии двух ружейных выстрелов следует пересечь мост другой реки, текущей с юга и впадающей в Аракс. От подножья моста начинается скат холма, на котором находится большая деревня под названием Cham-bé»³²¹.

³¹⁷ Персидское название Оцасара, где *кух* – означает гора, а *мар* – змея.

³¹⁸ «The Kúh-e-Már or «mountain of serpents», so denominated from the immense number of these reptiles which are said to assemble there at certain season, and fight in distinct bodies like men», см.: William Oustley, Travels in Various Countries of the East, vol. 3, London, 1823, p. 429.

³¹⁹ «Il faut passer premierement à un gros village appelé Eglissia, où demeurent plusieurs riches armeniens qui font un grand négoce de soie, et qui y ont bâti une belle Eglise», см.: Les six voyages de Jean-Baptiste Tavernier, p. 57.

³²⁰ Г. Алишан предполагает, что Ecclisia – это село Караханбаклу (Չիրախիւ-րախիւ).

³²¹ Речь идет о городе Шамб (Храм), расположенном в гаваре Нахичеван. Город впервые был упомянут Мовсесом Хоренаци. У Товма Арцруни фигурирует под названием Хахрам (Հախրաւ), см.: Товма Арцруни, Ис-

Упоминание Шамба³²² не обходится без сообщения путешественником услышанного на месте предания об этой местности: «Жители Шамба, будь то мужчины или женщины, с восемнадцати лет впадают в некое безумие: однако это своеобразное, безвредное безумие. Жители страны полагают, что это кара небесная, насланная на них с того времени, как их предки в этих горах подвергли гонениям Святого Варфоломея и Святого Матфея. От этой деревни до монастыря Св. Степанос не более одного лье, однако дорога трудная, повсюду пропасти»³²³.

Тавернье переходит к описанию монастыря первомученика Святого Степаноса. В Нахичеванском крае было несколько церквей и монастырей имени Св. Степаноса. Монастырь, который посетил Тавернье, был Магардаванк первомученика Св. Степаноса или монастырь Дарашамба³²⁴ (Մարաշաւանկի Ս. Ստեփանոսի Նախաւղկայի վանք, Մաղարդաւանկ Սուրբ Նախաւղկայի վանք)³²⁵.

Согласно некоторым источникам, этот монастырь был возведен в X веке. По преданию, зафиксированному автором средневековой хроники Михаилом Сирийцем, на армянский перевод которого ссылается Алишан³²⁶, монастырь был основан Св. Варфоломеем.

Дальнейшая судьба монастыря связывается с именем армянского царя Ашота III Вогормаца (Милостивый (953 – 977) и католикоса Хачика II (1058 – 1065), и восходит к 976-му году. Согласно тексту Араке́ла Давриже́ци, строительство монастыря Святого Степаноса Первомученика в ущелье Дарашамба возобновилось при католикосах Мовсесе III (1629–1632) и Филиппосе I (1633–1655).

тория дома Арцруни, Тифлис, 1917, с. 75 (на арм. яз).

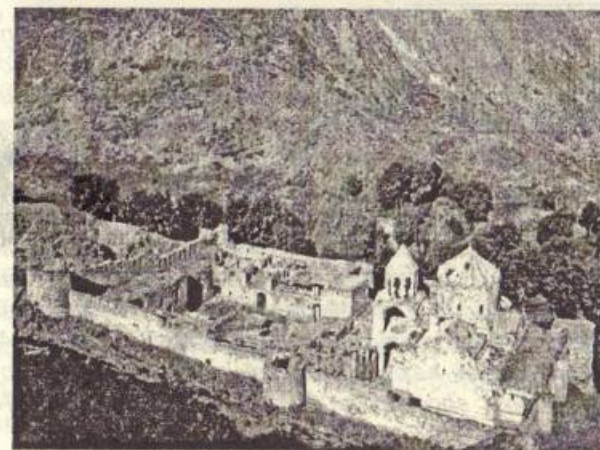
³²² Шамб по преданию был одним из пристанищ апостола Бардугимеоса (Варфоломея). Расположен на правом берегу реки Аракс. Судя по фигуркам островерхих башен, отмеченных возле названия станции на *Карте Пейтингера*, в городе в 60-х годах IV в. было некое церковное сооружение, см.: А. Мартиросян, Армения по карте Пейтингера (IVв.), «Историко-филологический журнал», 2002, № 2, с. 145.

³²³ Les six voyages de Jean-Baptiste Tavernier, p. 57– 58.

³²⁴ Дарашамб – село в Персармении, входило в состав гавара Нахчаван Великой Армении, в новые времена – гавара Дарашамб ханства Маку.

³²⁵ Об этом монастыре – «Св. Стефана, близ деревни Дорашана», куда «ежегодно в июле месяце стекаются кавказские, персидские и турецкие армяне на богомолье», упоминает и К. А. Никитин, см.: К. А. Никитин, Город Нахичевань и Нахичеванский уезд, – в кн.: Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, с. 133.

³²⁶ Гевонд Алишан, Сисакан, с. 526 (на арм. яз.).

Монастырь Сурб Степанос Нахавка (Св. Стефана Первомученика), Дарашамб. В 1983 г. монастырь был отреставрирован иранским гос. предприятием «Культурное наследие» при финансовой поддержке иранских армян и организации «Еркир ев мшакуйт» («Мир и культура», Париж).

В 1633 году Акоп Джугаеци начал реконструкцию комплекса, которая завершилась в 1662-м году³²⁷.

Итак, Тавернье специально отклонился от маршрута, чтобы увидеть эту особо почитаемую церковь. Ниже приводится отрывок относительно церкви Св. Степаноса из его первого путешествия в Нахичеван: «Святой Степанос (*Saint Etienne*) – монастырь, который начали строить вот уже тридцать лет³²⁸. Расположен он в горах, в пустынном и труднодоступном месте; причина, по которой армяне выбрали это, а не иное место, объясняется тем, что по преданию это то место, в котором укрывались от преследований Св. Матфей и Св. Варфоломей.

Они [армяне] добавляют, что Св. Матфей³²⁹ совершил чудо: поскольку в этих местах не было воды, он ударил жезлом в землю, и оттуда забил родник, который находится на расстоянии одной восьмой части мили от монастыря, [он] скрыт под сводом с неплохой дверью, дабы невозможно было испортить воду. Армяне с большим благоговением совершают паломничество к источнику; вода доставляется в монастырь через подземный канал. Они еще рассказывают, что в этом месте найдены принесенные Св. Варфоломеем и Св. Матфеем многочисленные реликвии, к которым были добавлены и другие»³³⁰.

³²⁷ «Вардапет же Иакоб Джугаеци, севший католикосом после Филиппоса, [еще] в период патриаршества католикоса Филиппоса стал обновлять [монастырь] и разрушил до самого основания все строения: церковь, дома, кельи и все остальное, а затем заложил основание церкви и возвел крестообразную церковь со стенами из тесаного камня, с высоченным куполом, красивую и искусно украшенную всевозможной живописью. Он построил также из прочного и твердого камня ограду вокруг [монастыря], дома и кельи очень красивой и правильной формы и расположения; но лишь с большим трудом и расходами через десять лет [все это] едва было завершено, ибо камни и кирпич привозили на плотах по реке Ерасх из селения Астабад, а часть камней привозили на лошадях из селения Арарг; известь, древесину и хлеб тоже везли издалека, приложив много труда и усилий. Завершив постройку, восславили бога и святых его», см.: Аракел Давриджеци, Книга Историй, гл. 26, с. 347.

³²⁸ Автор в очередной раз приводит сбивчивую информацию. Непонятно, от какого его путешествия надо отсчитывать 30 лет. По всей вероятности, он имел в виду пятое путешествие, совершенное в 1664–1668 гг.

³²⁹ Тавернье вместо Варфоломея упоминает Матфея. На эту неточность обратил в свое время внимание Гевонд Алишан, см.: Гевонд Алишан, Сисакан, с. 521 (на арм. яз.).

³³⁰ Les six voyages de Jean-Baptiste Tavernier, p. 58.

Далее Тавернье перечисляет особо чтимые армянами реликвии, хранящиеся в церкви:

«Крест, сделанный из умывальницы, в которой Иисус Христос омывал ноги своим ученикам, в середине креста – белый камень, говорят, если приложить камень к больному, который обречен на смерть, то камень чернеет, после же его кончины, он становится белым, как прежде.

Челюсть мученика Святого Степаноса.

Череп Святого Матфея.

Шейная кость и кость пальца Иоанна Баптиста.

Рука Святого Григория, ученика Святого Дионисия Ареопита.

Небольшой сундук, в котором хранятся частицы костей, которые, как полагают, есть мощи семидесяти двух учеников».

Тавернье касается также и строения церкви, которая, «как и все армянские церкви, построена в форме креста, в середине [церкви] возвышается купол, вокруг которого расположены фигуры двенадцати апостолов. Церковь, как и монастырь, построены из тесаного камня, и хотя строение небольшое, тем не менее для [его строительства] потребовалось большое количество золота и серебра».

Тавернье отмечает, что эта церковь глубоко почитаема армянами, и что «многие женщины тайком от своих мужей продают свои драгоценности, вплоть до одеяния, дабы обеспечить расходы на строительство»³³¹.

Далее путешественником дается подробное описание своего пребывания в монастыре во время первого посещения: ему был оказан теплый прием, присутствовал он и на праздновании армянской Масленицы – Барекендана (*Carnaval*), которое было прервано сообщением о смерти в Джульфе армянского епископа, направлявшегося в Три церкви. Было дано распоряжение привезти тело усопшего в монастырь Св. Степаноса. Французский путешественник присутствовал на его панихиде и похоронах, которые описал подробнейшим образом.

Однако пора было возвращаться в Нахичеван, чтобы продолжить оттуда путь по главной дороге, ибо он намеренно свернул с пути, чтобы «увидеть все эти армянские монастыри»³³².

³³¹ Там же, с. 59.

³³² «Mais il faut revenir à Naksivan pour reprendre la grande route, dont je me suis détourné pour aller voir tous ces Monasteres Armeniens», там же, с. 62.

Тавернье двинулся по направлению к Джульфе. В полулье от Нахичевана протекала впадающая в Аракс река, которую обычно путешественники пересекали по каменному двенадцатиарочному мосту. От этого моста до Джульфы один день пути, и поскольку этот город находился в разрушенном состоянии, караваны обычно располагались лагерем на берегу реки на расстоянии пятисот шагов от него.

Тавернье переходит к описанию Джульфы: «*Старая Джульфа – это родина армян, которых Шах-Аббас угнал в Персию. Это захваченный между двух гор город, где протекает Аракс, почти не оставляющий [для него] с двух сторон пространства... Был там хороший каменный мост³³³, который был снесен по велению Шах-Аббаса³³⁴, да и весь город был разрушен, дабы не достался туркам*»³³⁵.

Речь идет о знаменитом мосте через Аракс. Шопен относит построение этого моста к глубокой древности, к эпохе Августа. Ссылаясь на Исидора Севильского, он приводит предание, связывающее возведение этого моста с именем Александра Македонского³³⁶. Детальное описание этого моста, под названием Зияалмульк (Зия-ал-мулк) дано персидским историком эпохи Тимуридов Шараф ад-Дином Али Йезди. Согласно его хронике «Зафар-наме», этот мост в 1396-ом году служил переправой для войск Тамерлана³³⁷.

О мостах через Аракс, которые, «судя по уцелевшим аркам, несмотря на свою изумительную капитальную постройку, не могли

³³³ Писатель и этнограф Каджберуни (Габриель Тер-Ованнисян, 1837–1920гг.) в своих «Путевых заметках» приводит распространенное в среде джюльфинцев суждение, что мост этот был построен средствами Ходжа Хачика, и что в основание моста, по слухам, было заложено золото и серебро, см.: Каджберуни (Габриель Тер-Ованнисян), Путевые заметки, Ереван, 2003, с. 68 (на арм. яз.).

³³⁴ Джемелли Карери почти дословно повторяет текст Тавернье, с той лишь разницей, что по его данным мост был разрушен не конкретно Шах-Аббасом, а персидскими царями («Здесь некогда был каменный мост, который был разрушен персидскими шахами»), см.: Gemelli Careri, Voyage du tour du monde, t. 2, p. 31.

³³⁵ Les six voyages de Jean-Baptiste Tavernier, p. 63.

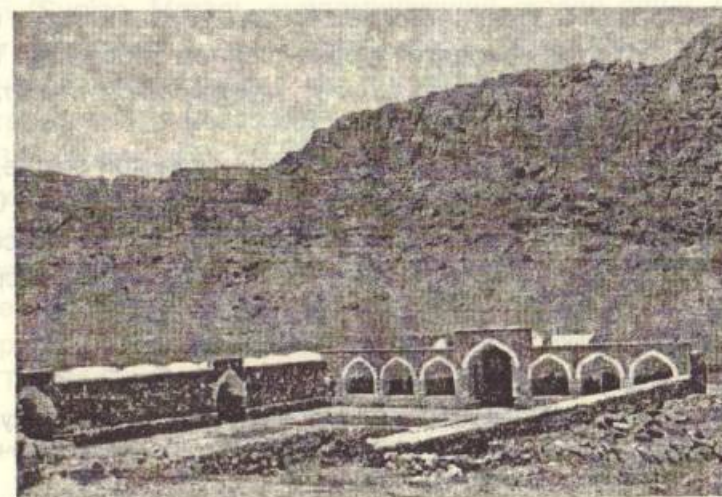
³³⁶ И. Шопен, Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху её присоединения к Российской Империи, с. 323.

³³⁷ «Этот мост устроен таким образом, что в мире другого такого моста нет, весь построен из камня. В двух концах моста установлены ворота и на мосту установлены две арки, ширина каждой – шестьдесят кари», см.: Шараф ад-Дин Али Йезди. Зафар-наме. Книга побед амира Тимура, Ташкент. Изд-во журнала "SAN'AT", 2008, с. 113.

устоять против сильного течения Аракса», упоминает и Жан Шарден, который в 1673-ом году переплыл реку посредством лодочной переправы³³⁸. В его время этот мост также не существовал.

Шарль Беланже, посетивший Нахичеванский край (Nourachin, Cherour, Sadreh, Hock, Nakitchevan, Eski-Djoulf, Abbas-Abad) в 1825–1826-ых гг., пишет, что «некогда можно было лицезреть возле Джульфы мост внушительной конструкции, служивший для прохода армии Тимура»³³⁹.

Развалины большого каменного моста через Аракс, упомянутые путешественниками, – дополнительное свидетельство тому, что город Джульфа играл роль важного торгового центра на караванном пути между Востоком и Западом.

Караван - сарай, построенный Ходжа Назаром.

Продолжая делиться с читателем своими воспоминаниями о Джульфе, Тавернье пишет: «Ни по тому, что осталось, ни по расположению трудно догадаться о его былой красоте: камни беспорядочно навалены друг на друга, строения скорее напоминали погребки, чем дома. Северо-западная сторона [города] более населена...»

Земли возле Джульфы очень плодородны, сюда возвратились несколько армянских семей, которые ведут тихую жизнь. Ходжа На-

³³⁸ Jean Chardin, Voyages du Chevalier Chardin, en Perse, et autres lieux d'Orient, vol. 1–3, vol. 2, P., 1811, p. 307.

³³⁹ Charles Belanger, Voyage aux Indes-Orientales pendant les années 1825 à 1829, P., 1838, p. 270.

зар³⁴⁰, знатнейший армянин родом из Джульфы, преуспев в торговле и снискав полную доверенность Шах-Аббаса и его преемника Шах-Сефи³⁴¹, который назначил его Калантаром (Kelonter), т. е. главой и судьёй армян, построил на пользу своего отечества два больших караван-сарая³⁴², расположенных в Джульфе по обе стороны реки. Он потратил на их строительство более ста тысяч эку, и эти два прекрасных строения после его смерти так и остались незавершенными³⁴³.

Схожую информацию предоставляет нам и Джемелли Карери. Согласно его информации по Джульфе, это «почти необитаемая местность с тех пор, как Шах-Аббас переселил все семьи в Новую Джульфу, в провинцию Гилян», и по сохранившимся руинам трудно предположить, что «он был некогда значительным городом». Упоминает он и Ходжа Назара, построившего два караван-сарая по обе стороны реки, которые находятся в разрушенном состоянии. Тем не менее, в городе «все еще проживает некоторое количество армян»³⁴⁴.

Продолжая свое путешествие по Нахичеванской земле, путешественник встал перед дилеммой выбора пути в Тавриз. Основной путь, по правую руку, шел на юго-восток, по левую – на северо-восток. Тавернье предпочел второй путь, приведший его в средневековый армянский город гавара Нахичеван – Астапат.

³⁴⁰ Ходжа Назар – богатый армянский купец, выходец из старой Джуги, сын Ходжи Хачика – главы города, который некогда с большими почестями встретил Шах-Аббаса, см. сн. 148.

³⁴¹ Речь идет о сыне Шах-Аббаса II, Солеймане Сефи, правившем между 1666 и 1694 годами.

³⁴² Согласно данным, приводимым Аргамом Айвазяном, караван-сарай возле крытого рынка был построен средствами Ходжа Хачика, см.: Аргам Айвазян, Армянские памятники Нахичеванской АССР, Ереван, 1986, с. 308 (на арм. яз.).

³⁴³ Les six voyages de Jean-Baptiste Tavernier, p. 63.

³⁴⁴ «On peut dire que cet endroit n'est plus du tout habité, depuis que Chah-Abas I, Roi de Perse, en transporta toutes les familles à la nouvelle Zulfa, dans la Province de Ghilan, et en quelques autres endroits, pour les garantir des incursions continuelles des Turcs. Ce qui en reste fait toujours voir qu'elle n'a pas été une Ville de fort grand consequence, n'étant qu'un amas de bouë et de cave sous terre. Les deux Karvanseras que l'Arménien Coggia Nazar y a fait bâtir à grand frais des deux côtes du Fleuve, sont aussi ruinez. Il y a cependant encore quelque peu d'Arméniens qui y demeurent, le terroir à un mille de-là, étant bon et fertile», см.: Voyage du Tour du Monde de Gemelli Careri, t. II, p. 29–30.

Астапат, по описанию Тавернье, «небольшой, но очень красивый город; в нем четыре караван-сарая, и возле каждого дома – родник, земли там, по причине обилия вод, превосходные, но паче всего тут растет прекрасный виноград. Это единственная страна в мире, которая производит Ronas³⁴⁵.... Ronas – это корень, который разрастается по земле, как солодка. Его используют для окрашивания в красный цвет»³⁴⁶.

Тавернье подробно останавливается на описании качеств этого растения, придающего окрашиваемым предметам интенсивный цвет. Описывает он и способ его упаковки для транспортировки из Ормуза в Индию.

Что касается дальнейшего маршрута путешествия Тавернье, то он, переправившись на лодке через Аракс и пройдя ряд местностей (Sugias, Marant, «напоминающий скорее рошу, нежели город, и известный тем, что здесь находится могила жены Ноя», Sofian), направился в Тавриз. На этом и заканчивается интересующий нас отрезок таверньевского маршрута по Нахичевану.

Вследствие сорокалетнего пребывания на Востоке и постоянных поездок по делам купеческим в разные восточные страны, включая Армению, Тавернье смог предоставить читателям богатейшие сведения о жизни, культуре, истории, торговле, экономике, политике народов Востока. Наряду с этим им подробно описаны маршруты, по которым могли следовать путешественники. При этом Тавернье указывает несколько путей, по которым можно добраться до определенного пункта. В связи с этим историк Эдуард

³⁴⁵ Ronas – корень марены красильной (лат. Rubia tinctorum) – многолетнего травянистого растения, коренья которого применяют в качестве красящего вещества (ярко-красного-цвета). В «Универсальном словаре естественной истории» 1770-го года это растение (Ronas) значителен как армянский корень (racine d'Arménie). Приводится описание этого растения со ссылкой на французского химика и аптекаря Никола Лемери (фр. Nicolas Lémery (1645 – 1715)). Далее указывается родина этого растения – город Астапат (Estabac) или Аббас-Абад (Aster-Abad), расположенный на пограничной территории с Персией. Источником сведений является, без сомнения, Тавернье. Это предположение подкрепляется приводимым Тавернье рассказом о потерпевшем крушение возле Ормуза нагруженного этим корнем судна, влестствие чего море вдоль берега окрасилось в красный цвет, см.: Dictionnaire raisonné universel d'histoire naturelle; contenant l'histoire des animaux, des vegetaux et des mineraux etc. Nouv. ed., rev. et augm. par l'auteur, t. 5, Brunet, P., 1775, p. 386.

³⁴⁶ Les six voyages de Jean-Baptiste Tavernier, p. 64.

Гиббон, автор «Истории упадка и разрушения Римской империи», считал Тавернье «*совершенным знатоком дорог Азии*»³⁴⁷.

В качестве иллюстрации осведомленности последнего в вопросах путевых и торговых маршрутов он приводит время, затраченное разными путешественниками на преодоление пути Трапезунд – Эрзерум. Тавернье провел в дороге три дня, видимо, выбрав наикратчайший путь, в то время, как его соотечественник Турнефор – двенадцать дней. В этой связи наглядным примером его компетентности в вопросах дорожной карты может служить маршрут по Нахичеванскому краю. Он не только указывает, как нужно пройти к той или иной местности, какой путь предпочтительнее в плане безопасности и экономии времени, но и время, которое займет путешествие. Так, из местности, где расположена церковь Св. Степаноса к Джульфе, им подробно описаны два пути, короткий – через горы, другой – вдоль берега Аракса.

Несмотря на все достоинства его «Путешествий», отношение к его путевым заметкам было неоднозначным и разноречивым. Одни его восхваляли, другие – критиковали. Так, Вольтер упрекал его в излишнем материализме и в чрезмерной увлеченности алмазами. В то же время он снискал уважение Монтескье, Гобино и Буало. При всем этом его книгу называют путеводителем («*Baedeker*») по Востоку, а его самого – одним из первых «великих репортеров» своего времени.

Что касается армянского, в частности, нахичеванского отрезка его путешествий, то можно с уверенностью сказать, что он старался максимально объективно воспроизвести реалии, связанные с армянским миром³⁴⁸. В этой части маршрута его нельзя обвинить ни в «излишнем материализме», ни «в чрезмерной увлеченности алмазами». Напротив, следуя маршруту, он пытается дать по воз-

³⁴⁷ Edward Gibbon, *Histoire de la décadence et de la chute de l'Empire romain*, P., 1828, t. 8, p. 455.

³⁴⁸ В четвертой книге своих «Путешествий» он посвящает IX главу религии армян и церковным таинствам, X – обряду посвящения во священство (рукоположение), последующие три главы (XI, XII, XIII) – обрядам армян: крещению (*Du Baptême des Arméniens*), браковенчанию (*Du mariage des Arméniens*), погребению (*De la manière dont les Arméniens enterrent leurs morts*).

Вопросу твердости армян в отстаивании своей веры вопреки гонениям со стороны магометан Тавернье посвящает XVI главу («*Exemples de la fermeté des Arméniens à soutenir leur Religion contre les persecutions des Mahométans*»).

можности полную и правдивую информацию по пройденным местностям. Он останавливается на описании городов и сел, рек и гор, дает краткие справки относительно края и населяющего его народа, делает экскурс в прошлое страны. Будучи купцом, рожденным в семье торговцев из Антверпена, он интересуется также вопросами, далекими от его торговых интересов. Так, несколько страниц он отводит рассказу о Магардаванке – монастыре Св. Степаноса Первоученика, подробно описывая хранящиеся там реликвии, церемонию празднования армянской Масленицы и т.д. Одним словом, темы, затронутые Тавернье, бесконечно многообразны. Вместе с тем, рассказ Тавернье о Нахичеване – это сплетение настоящего и прошлого, истории и мифологии, разных культур и цивилизаций. Образ территории Нахичеванского края в его записках множественен. Пространство ислама соседствует с пространством христианства. Наряду с этническим пространством очерчивается пространство социальное. С географическим пространством уживается пространство сакральное. Все это фиксируется им и запечатлевается в его травелоге. В заключение хочется отметить, что, возможно, французский купец-путешественник и не обладал высокой эрудицией, однако он был человеком любознательным, обладающим пытливым умом, большим запасом энергии и умением слушать и слышать, услышанное же воспроизводить по возможности полно и достоверно.

Жан Шарден (1643 г. – 1713 г.)

Во второй половине семнадцатого века, в эпоху правления Людовика XIV, как уже было отмечено, наблюдается небывалый рост числа путешествий на Восток. По значимости оставленного литературного наследия среди путешественников рядом с Тавернье непременно фигурирует его младший собрат по перу Жан Шарден, автор «Путешествия по Персии и другим странам Востока».

Будучи сыном богатого париж-

ского ювелира, он унаследовал от отца страсть к торговле, к которой присоединилась страсть к путешествиям. И вот, согласно его записям, в 1664 году он отправляется из Парижа на Восток. Путешествие продолжительностью в шесть лет не только сопровождалось успешным ведением торговой деятельности (он получил статус придворного купца при Шах-Аббасе II и Сефи II), но и позволило близко ознакомиться с восточными странами, изучить языки, познать нравы и обычаи восточных народов. Как пишет сам Шарден в предисловии к своим «Путешествиям», он «вынес из путешествия гораздо больше записей, чем любой другой путешественник, проществовавший до меня тем же путем, и я больше знаю о персах, чем все те, которые доселе описывали это великое царство»³⁴⁹.

И действительно, его знания о Персии значительно превосходят по диапазону, глубине и точности познания многих его предшественников. Он сам говорил, что знал Исфахан лучше, чем Лондон, и владел персидским ничуть не хуже английского, а страну персидскую исходил вдоль и поперек. Результатом его первого путешествия (1664 – 1670 гг.) стала книга «Коронование Сулеймана III, короля Персии». Однако Персия была не единственной, хотя и главной целью его путешествий.

В 1671 году он отправился во второе путешествие (1671–1677 гг.). Шарден условно делит реляции своего второго путешествия на десять книг: в первых трех представлены дневниковые записи путешествия из Парижа в Мегрелию, далее – из Мегрелии в Тавриз, и из Тавриза в Исфахан. Остальные книги посвящены вопросам военно-политического и гражданского управления в Персии, воспроизведению законодательной системы, описанию обычаев, нравов жителей Персии, ознакомлению с искусством и наукой, вероисповеданием, описанию Исфахана и путешествия из Исфахана в Бандар-Аббас.

Дневниковые записи его путешествия из Мегрелии в Тавриз представлены во второй книге «Путешествий». На этом пути ему предстоит пересечь армянские земли, включая Нахичеванский край. Следуя черноморскому маршруту, Шарден через Константинополь и Каффу направился в Мегрелию, о которой оставил до-

³⁴⁹ Voyages de Mr. le Chevalier Chardin, en Perse, et autres lieux de l'Orient, chez Jean Louis de Lorme, Amsterdam, 1711, préface.

вольно обстоятельные сведения. После ряда приключений прибыв в Тифлис, он двинулся дальше в направлении Еревана.

Путь его лежал через *Kuprikent* (Кюприкент) – «деревня моста»³⁵⁰, *Melik-kent* (Меликкент) – «царское селение», *Chincar* (Шункар) – «такое же большое селение, как Меликкент», *Dilyjan* (Дилижан) – «город с тремястами домами, расположенный на берегу реки *Acalstapha* (Акстафа, Агстев; *Աղստափ – Г.К.*)»³⁵¹, у подошвы высокой и грозной горы», через множество сел, жители которых грузинские и армянские христиане, село *Kara-kéchichs* (Каракешиш) – «большое селение у подножья горы».

6-го марта 1673 года Шарден добрался благополучно до Бджни: «*Bichni* достаточно значительный город, расположенный в низовьях горы, на берегу реки *Зангу*». Шарден остановился в «одном красивом армянском монастыре»³⁵², «... который был основан семь-восемь веков назад». Развалины башен, крепостей и оград близ церкви свидетельствовали о том, что «селение Бджни некогда было одной из сильных крепостей Армении»³⁵³.

Миновав 7-го числа Бджни, путешественник прибыл в Ереван,

³⁵⁰ У Тавернье это село значится под названием *Senouk-kupri* и «находится на расстоянии семи лье от села *Соганлук*», см.: Les six voyages de Jean-Baptiste Tavernier, 1681, t. 1, p. 276; У Турнефора – «*Sini-chopri*», см.: Relation d'un voyage du Levant: fait par ordre du Roi par M. Pitton de Tournefort ..., t. 3, Lyon, 1717, p. 182; Согласно Дюбуа де Монперё, «русские этот мост называют Красным (*le pont Rouge*), грузины – *Gathékhilli-khidi*, терекменские татары (*les Tatares Térékmènes*) – *Synek-keurpi*; последние два названия означают сломанный, разрушенный мост», см.: Frédéric Dubois de Montpéreux, Voyage autour du Caucase, t. III, p. 278.

³⁵¹ Шарден дает следующее описание этой области: «Город Дилижан и вся область вокруг него... принадлежит Камши-хану (*Сатчи-сан*) и называется страной Казах. Они состоят в подданстве Персии и находятся от нее в зависимости, наподобие Грузии, т. е. управляются местной ветвью князей». Далее Шарден дает краткую справку о казаках – «горцах гордых и диких, потомках тех казаков, которые обитают в горах, к северо-востоку от Каспийского моря».

³⁵² Речь идет о монастыре Сурб Аствацацин (Св. Богородицы). Храм во имя Богородицы был построен в 1031 г. при Григоре Магистросе Пахлавуни. И. Шопен пишет, что город Бджни «известен со времени царствования Аршакидов... Всех церквей было здесь двенадцать, из коих одна, Сурб-Мари (св. Марии), находилась в ограде Бджнийского епархиального монастыря...», см.: И. Шопен, Исторический памятник состояния Армянской области ..., с. 312.

³⁵³ Voyages du Chevalier Chardin, en Perse, et autres lieux de l'Orient, p. 217.

в котором пробыл около месяца, оставив его подробнейшее описание³⁵⁴.

³⁵⁴ «Ереван довольно большой город, однако грязный и неприглядный, — начинает свой рассказ о Ереване Шарден, — большую часть его занимают сады и предместья, и нет в нем красивых сооружений. Он расположен в долине, окруженной со всех сторон горами. Через город протекают две реки: с северо-запада течет Зангу [Раздан], с юго-запада — Кирхбулаг [Гегар]. Кирхбулаг означает сорок источников...

Крепость может сойти за небольшой город, она овальной формы, в четыре тысячи шагов по окружности, и приблизительно с восьмьюстами домами. Здесь живут настоящие персы. Армяне же здесь имеют лавки, где они работают и торгуют в течение дня, вечером ... они возвращаются в свои дома. Крепость эта обнесена тремя рядами зубчатых стен из земли и глиносырцового кирпича. Стены защищены башнями и обнесены слишком узким валом, что характерно для старых систем фортификации. Застройка крепости имеет типичный для Востока беспорядочный характер. Сооружение и поддержание укреплений в исправном состоянии было делом невозможным, поскольку крепость была распростерта к северо-западу, на краю страшной пропасти, широкой и крутой, глубиной более ста туазов, по дну которой протекала река. Это неприступное место имеет в качестве фортификационных сооружений лишь вал, на котором располагается артиллерия. Гарнизон крепости состоит из двух тысяч человек; в ней столько же ворот, сколько и стен, и все они покрыты железом и снабжены спускными решетками с засовом и со своим усиленным караулом. Дворец наместника [сардара] находится в крепости, на краю пропасти, о которой было упомянуто. Он красив и достаточно велик, особенно он привлекателен летом. Близ крепости, на расстоянии тысячи шагов в сторону севера, находится господствующий над нею холм, укрепленный двойной стеной и артиллерией. Здесь могут поместиться двести человек. Этот небольшой форт именуется Кечигала [Queutchusala]. Город отстоит от крепости на расстоянии пушечного выстрела. Пространство между двумя крепостями заполнено домами и базарами... В городе множество церквей. Основные церкви — церковь епархии, под названием Ерку-ересни [Ircouyerise], т. е. двулика и Катогике [Catovike]. Эти две церкви существовали со времен последних армянских царей. Остальные — маленькие, были сооружены позже. Погруженные в землю, они походят на катакомбы... Имеется базар, рядом с которым расположена построенная из кирпичей старая мечеть в полуразрушенном состоянии. Она носит название Deuf-sultan (Див Султан (Румлу) — Г.К.), по имени ее создателя. В трехстах шагах от нее находится большой майдан; в Азии все большие площади называются майданом. Ереванская площадь имеет квадратную форму. Окруженная деревьями, она имеет 400 шагов в поперечнике. Здесь проводят состязания по бегу, борьбе, выезде лошадей и прочие учения, как пешие, так и конные. В городе и в крепости много бань и караван-сараев, самый красивый из них расположен в пятистах шагах от дворца. Его приказал построить несколько лет тому назад наместник Армении. Главный вход, длиною в 80 шагов, образует галерею, где расположились

Многие путешественники при описании Еревана пользуются сведениями, предоставленными Шарденом. Так, Турнефор, передавая свои впечатления о Ереване, отсылает читателя к Шардену, который «знал Ереван и его предместье, как никто из наших путешественников».

Не менее пространный рассказ касается следующей посещенной Шарденом местности — монастыря «Трех церквей; я дерзну сказать, Святая святых для армянских христиан, место для них особливо священное... Армяне называют его Эчмиадзин, т. е. сошествие едиnorodного сына, или едиnorodный сын сошел, так как Иисус Христос явился здесь в видении Св. Григорию, который был первым Патриархом. Магометане называют его [монастырь] Utchclissi, т. е. Три церкви, так как помимо Церкви Монастыря (l'Eglise du Couvent), неподалеку имеются еще две другие».

Шарден описывает строение монастыря, перечисляет хранящиеся здесь реликвии, упоминает о святом копье, которое, как говорят, «было извлечено из сокровищницы Шах-Аббасом»³⁵⁵ и перенесено им в Исфахан, пересказывает услышанное от армян предание относительно истории построения церкви³⁵⁶ и ее неоднократного восстановления.

многочисленные лавки, торгующие всевозможными тканями. Главная часть здания имеет квадратную форму. Она состоит из трех больших и шестидесяти маленьких помещений; здесь расположились также конюшни и множество просторных магазинов; напротив находится площадь, окруженная лавками, где продают всякую снедь, а сбоку находится красивая мечеть и две кофейни», см.: Voyages de Mr. le Chevalier Chardin, en Perse, et autres lieux de l'Orient, 1711, p. 218 — 221.

³⁵⁵ Святое копье хранилось в монастыре Айриванк, который был переименован в Сурб Гегард (Святое Копье), впоследствии реликвию перенесли в Эчмиадзинский собор.

³⁵⁶ «В центре церкви находится большой квадратный камень... Армяне принимают за непреходящую истину (догмат веры) то, что в этом месте, в воскресенье вечером, во время молитвы, их апостол Святой Григорий увидел Иисуса Христа. Они уверяют, что Иисус Христос начертил лучом света вокруг святого план церкви Эчмиадзина (Echs-Miazin) и велел ему построить церковь по начерченному им рисунку. Они добавляют, что в то же время земля разверзнулась в том месте, где находился этот камень; и Господь наш бросил туда, в пропасть, чертей, что были в храме, и жрецов, и тотчас закрыл отверстие мрамором. Они добавляют, что Аббас Великий велел снять мрамор и отнести его в королевскую сокровищницу Персии, а на его место поставить камень, о котором было сказано [выше]», там же, с. 227.

Шарден отмечает, что на пространстве Ереванской области, которая простирается более чем на двадцать миль вокруг Еревана, расположены двадцать три мужских и пять женских монастырей. Из них наиболее значительным является монастырь Хор Вирап (Сouer-virab) – «церковь на колодце, в который был брошен Св. Григорий». Шарден проводит параллели с историей пророка Даниила (Дан. 6:24), брошенного на растерзание в яму со львами и, подобно Св. Григорию, чудесным образом спасшегося от гибели.

Согласно шарденовскому рассказу, из Хор Вирапа «видны развалины Артаксаты (Artaxarte), города, называемого армянами Арташат (Ardachat) по имени персидского царя Артаксерса (Artaxerxes)... Они сказывают также, что среди этих руин виден дворец Трдата (Tiridate), построенный 1300 лет назад... место это называется Tact-terdat³⁵⁷, т. е. трон Тиридата»³⁵⁸.

«В двенадцати милях от Еревана, – продолжает свой рассказ Шарден, – виднеется знаменитая гора, на которой по общему преданию остановился ковчег Ноя.... По поверью армян, ковчег все еще находится на вершине Масиса. Они прибавляют [к сказанному], что никогда никому не удалось достичь места его остановки. Они твердо верят в чудо, которое приключилось с монахом Эчмиадзина по имени Иаков, который впоследствии стал епископом Нисибийским»³⁵⁹.

Следующая местность, описанная Шарденом – это «расположенный у подножья горы в селении христиан монастырь Аракеоцванк (Arakil-vanc), т. е. монастырь апостолов. Армяне особенно благоговейно относятся к этому месту, принимая на веру, что после

Аракеоцванк в 17 главе «Книги историй» («О том, каким образом или по какой причине увезли в город Исфахан десницу святого Григора, нашего просветителя, и камни Святого Эчмиадзинского Престола») также затрагивает тему расхищения святынь Св. Эчмиадзина.

³⁵⁷ «Tact-terdat» «тахт (трон) Тиридата» («Տրդատի բախտ») – так зачастую называли храм Гарни, который был цел до землетрясения 1679 года.

³⁵⁸ Аналогичная информация заключена во «Втором путешествии по Персии, Армении и Малой Азии» Джеймса Морьера, см.: Jacques Morier, Second voyage en Perse, en Arménie et dans l'Asie-Mineure fait de 1810 à 1816 par Jacques Morier, tome seconde, p. 245–246.

³⁵⁹ Voyages de Mr. le Chevalier Chardin, en Perse, et autres lieux de l'Orient, 1711, p. 235–236.

потопа Ной здесь сделал первое жилище и первые жертвоприношения»³⁶⁰.

В четырех милях от Еревана Шарден, вместе с сопровождающим его до Тавриза армянином Азарием, расположились в очень большом и очень красивом селе под названием Daivin³⁶¹.

На следующий день, пройдя пять миль, оставив справа «гору Ноя», очутились в весьма ровной и плодородной местности, которая была окружена горами. Продвигаясь в юго-западном направлении, путешественники дошли до села Kainer³⁶² (Кенер). Продолжая путь, прошли восемь миль, оставив влево от себя большое поселение, называемое Sedarec (Садарак). По словам Шардена, поселение это – «главный город той области Армении, которая зовется Charour³⁶³ (Шарур)». Путешественники остановились в разрушенном караван-сараяе, расположенном вблизи села Nouratchin (Норашен).

На другой день, пройдя четыре мили по той же дороге, они перешли реку Арпасуй³⁶⁴ (Harpasouy), которая «отделяет часть Армении со столицей Ереван, от той части, где столицей является Нахичеван (Nacchivan)»³⁶⁵.

Пройдя пять миль по гладким и плодородным равнинам, Шарден и его спутник прибыли в Нахичеван, о котором Шарден оставил подробнейшее описание: «Нахичеван (Nacchivan) – большой разрушенный город; его скорее можно назвать грудой развалин, постепенно восстанавливаемых и заселяемых. Центр города в настоящее время возобновлен и обитаем; в нем большие базары, в виде, как уже сказано, длинных галерей или крытых улиц, по обеим сторонам которых расположены лавки, торгующие всевозможными товарами и провизией. В Нахичеване имеются пять караван-сараяев, бани, рынки, большие заведения, где собираются курить или пить кофе, и приблизительно две тысячи домов.

³⁶⁰ Там же, 237.

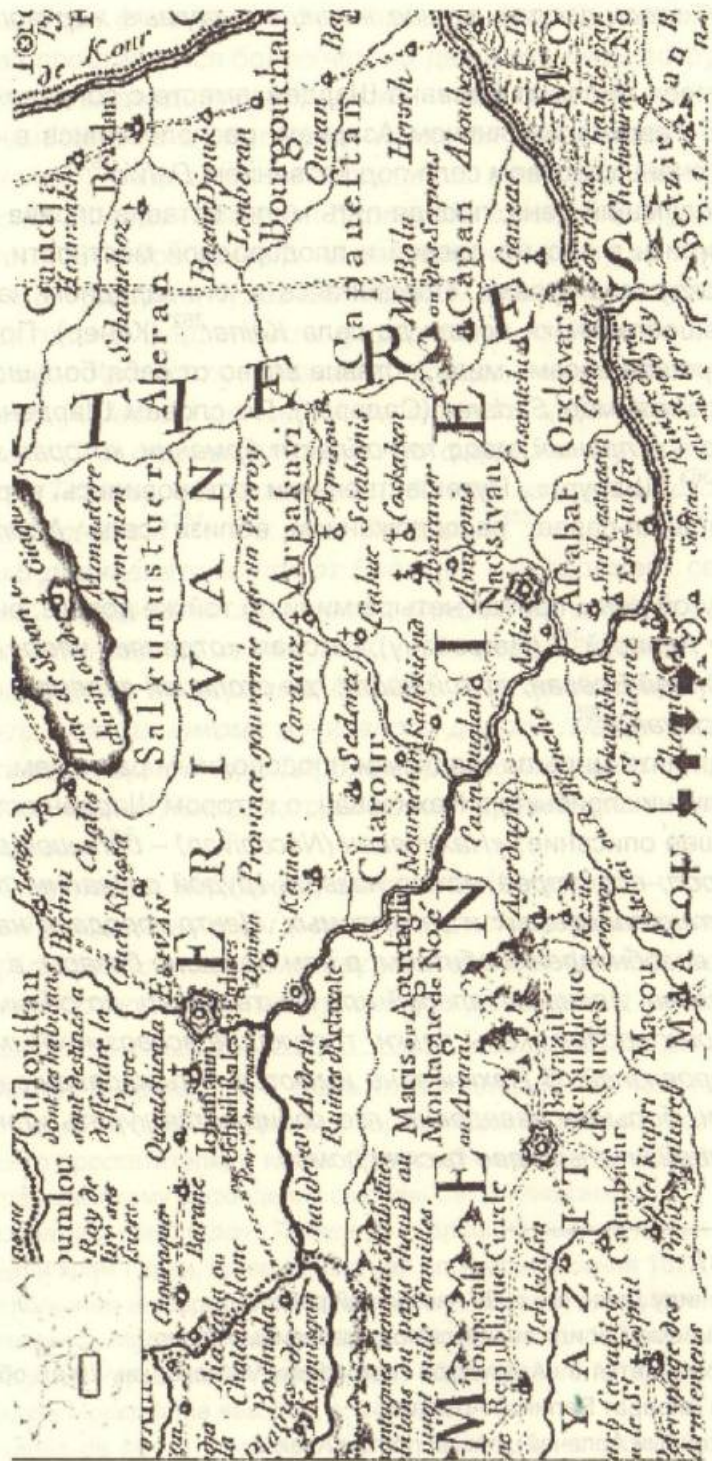
³⁶¹ Имеется в виду Двин, см. с. 94 настоящей работы.

³⁶² На карте Гийома Делиля значится под названием Kainer.

³⁶³ Шарур упоминается в «Армянской географии» VII века, как 20-ая область провинции Айрарат Великой Армении.

³⁶⁴ Арпа (Восточный Арпачай), левый приток Аракса.

³⁶⁵ Voyages du Chevalier Chardin, en Perse, et autres lieux de l'Orient, p. 303.

Карта Гийома Делиля, 1723 г.

Персидская история передает, что в прежнее время здесь было до сорока тысяч [домов] и что, до взятия арабами этой страны, в ней было пять городов, выстроенных персидским царем Бехрон-Чубином³⁶⁶ (Behron-Tchoubin). За городом видны развалины большой крепости и многих фортов, разрушенных Великим Аббасом в конце прошлого столетия. Отняв у турок Нахичеван и сознавая, что не в силах будет удержать в своих руках окрестные форты, Великий Аббас велел их разрушить и вывести оттуда население. Он поступал так всюду для того, чтобы помешать туркам укрепиться в крепостях и пользоваться оттуда жизненными припасами.

В том состоянии, в каком еще находится до сих пор этот город, он имеет очень жалкий вид. Персидская история, как уже сказано, утверждает, что этот город был одним из самых больших и красивых городов Армении. В летописях, хранящихся в знаменитом монастыре трех церквей, говорится, что город Нахичеван – древний Ардашад, называемый греческой историей Артаксат и Артаксат. Другие армянские авторы считают Нахичеван еще более древним и говорят, что строить его начал Ной, поселившийся там после потопа. В доказательство своих слов ссылаются на происхождение названия этого города: по их словам Нахичеван на древнеармянском языке значит первый поселок или первый странноприимный дом. Птоломей упоминает об одном городе в этой местности, называя его Наксуан; быть может, – это и есть Нахичеван. По-моему же или Нахичеван есть знаменитый Артаксат, или Артаксат был расположен очень близко от него, так как Тацит говорит, что Аракс протекал близ этого города и, в действительности, эта река протекает от Нахичевана не более как в семи милях.

Город Нахичеван под 38° 40' широты и 81° 31' долготы. Будучи столицей части Армении, как уже было сказано, он управляется ханом»³⁶⁷.

³⁶⁶ Иранский историк и географ XIV века Хамдаллах Казвини в своей книге «Нузхат Ал-кулуб» («Услада сердец») помимо краткой справки о городе даёт также своеобразное толкование названия города и информацию о сасанидском иранском полководце, в последующем шахиншахе Ирана Бахраме Чубине (VI в.), которого он считает основателем города: «Нахчиванский туман состоит из пяти городов. Нахчиван относится к четвертому климату. Его долгота 80°55', а широта 33°40'. Город был возведен Бахрамом Чубином. Это прекрасное место, именуемое «Картиной мира» (Накш-и джахан)», см.: Хамдаллах Казвини, Услада сердец, пер. Буниятова З. М., Петрушевского И. П., Баку, 1983, гл. 8, с. 52.

³⁶⁷ «Nacchivan est une grande ville détruite; ou plutôt c'est un grand et prodigieux amas de ruines, qu'on relève et qu'on repeuple peu à peu. Le cœur de la ville

Рассказ Шардена о Нахичеване и области не велик по объему, но чрезвычайно ёмок по содержанию. Он имеет многоуровневую структуру и строится на противопоставлении, и в то же время совмещении прошлого и настоящего. Вырисовывается целая цепь образов страны. Руины и восстановление, демографическая картина города в пору пребывания в нем Шардена и в прошлом. Наряду с тематической переключкой в нарративе имеет место и темпоральная переключка. История относительно недавнего прошлого города и области, связанная с политикой Шах-Аббаса, соседствует с периодом арабских завоеваний («до взятия арабами этой страны в ней было пять городов»). Преподнося ту или иную информацию, автор «Путешествия» зачастую апеллирует к персидской истории («Персидская история передает...»; «Персидская история... утверждает, что этот город был одним из самых больших и красивых городов Армении»).

est présentement rebâti et habité, il y a de grands bazars; ce sont, comme l'on a dit, de longues galeries ou ruës couvertes, pleines de boutiques d'un côté et d'autre, où se vendent toute sorte de marchandises et de denrées. Il y a cinq Caravanserais, des bains, des marchez, de grands cabarets à tabac, et à cahvé; et deux mille maisons, ou environ. Les histoires Persiennes assurent, qu'il y en a eu autrefois quarante mille. Elles disent aussi, qu'avant que les Arabes prissent ce país, il y avoit ici cinq villes qui avoient été bâties par Behron-Tchoubin, Roi de Perse. On voit, sur les dehors de la ville, les ruines d'une grande Forteresse, et de plusieurs Forts, qu'Abas le Grand fit détruire, à la fin du siècle passé, ne se sentant pas assez fort pour les garder. Il les fit abatre après avoir pris Nacchivan sur les Turcs, et l'avoir aussi ruinée et dépeuplée. Il en usoit ainsi par tout, pour empêcher les Turcs de s'y fortifier, et d'y trouver les vivres. C'est à la vérité un objet pitoyable que cette ville en l'état où elle est encore à présent. Les histoires de Perse font foi, qu'elle a été une des plus grandes et des plus belles villes d'Arménie, comme on vient de le dire. L'histoire dont on a parlé, qui se garde dans le célèbre Monastère des trois Eglises, porte, que cette ville est l'ancienne Ardaschad, nommée Artaxate, et Artaxasate, dans les Historiens Grecs. D'autres Auteurs Armeniens font Nacchivan encore plus ancienne, et disent que Noé commença de la bâtir, et qu'il y établit sa demeure après le Déluge. Ils raportent à cette origine l'étymologie du nom de cette ville: car, à leur dire, Nacchivan en vieux Armenien, signifie premiere habitation, ou premier hospice. Ptolémée fait mention d'une ville, en cet endroit, qu'il appelle Naxuane, ce pourroit être Nacchivan. Je crois que c'est la fameuse Artaxate, ou qu' Artaxate étoit située fort proche; car Tacite dit que l'Araxe passoit proche de la ville; et nous allons voir qu'il n'est qu'à sept lieuës de Nacchivan», см.: Путешествие кавалера Шардена по Закавказью в 1672–1678 гг., Кавказский вестник, № 9, 1901, с. 298–299; Voyages du Chevalier Chardin, en Perse et autres lieux, tome deuxième, p. 304–305.

Касаясь времени основания Нахичевана, он ссылается и на некие армянские источники, согласно которым Нахичеван «строить начал Ной, поселившийся там после потопа. В доказательство своих слов ссылаются на происхождение названия этого города: по их словам, Нахичеван на древнеармянском языке значит первый поселок».

Делясь своими размышлениями по поводу месторасположения Арташата («город Нахичеван – древний Ардашад, называемый греческой историей Артаксат и Артаксат»), он отсылает читателя и к неким армянским хроникам, хранящимся в Трех церквях. Его рассказ о Нахичеване не обходится и без упоминания описанной Птолемеем Наксуаны (Naxuana), которая, по предположению Шардена, «и есть Нахичеван».

LES
VOYAGES
ET
OBSERVATIONS
DU SIEUR
DE LA
BOULLAYE-
LE-GOUZ
GENTIL-HOMME ANGEVIN,
Où sont Marées les Religions, Coutumes, & Usages
des Indes & Royaumes d'Inde, Cassar, Perse, Syrie,
Arabie, Comagene, Cilicie, Méroë, &c. &c. &c.
Soyez, les Isles Orientales des Portugais, Arabes, &c.
par Malabar, grande Bretagne, Moscú, Danemarck,
Pologne, &c. &c. &c. &c. &c. &c. &c. &c. &c. &c. &c. &c.
&c. &c. &c. &c. &c. &c. &c. &c. &c. &c. &c. &c. &c. &c. &c.
Dedé à l'Entrepreneur Cardinal Colbert.
A PARIS,
Chez les Libraires de la Cour & de la Ville, &c. &c. &c.
M. DC. LXX.
Avec une Carte de la Perse.

Что касается отождествления Нахичевана с Артаксатой, то этой теме касались многие путешественники. Так, французский путешественник Франсуа де Ла Булле-Ле Гуз (François de La Boullaye-Le Gouz, 1623 – 1668/1669 гг.), объездивший многие страны и регионы (Индию, Персию, Грецию,

Армению, Ближний Восток, Данию, Германию, Нидерланды, Англию, Ирландию) и запечатлевший свои наблюдения и впечатления в ценном, насыщенном полезной для путешественников информацией по пройденным странам труде «Les voyages et observations du sieur de La Boullaye-Le-Gouz» («Путешествии и наблюдения господина де Ла Буле-Ле Гуза»), в 40-ых годах XVII века посетил также Нахичеван, о котором писал, что это «достопауный город времени Кира³⁶⁸, под названием Артаксата (Artaxata), граница между Мидянами и Армянами³⁶⁹; судя по остаткам городских стен

³⁶⁸ Речь идет о Кире II Великом из династии Ахеменидов, правившем в 559–530 годах до н. э.

³⁶⁹ Как правило, античные авторы определяли реку Аракс, как границу Армении с Мидией. Плутарх пишет, что: «На шестой день после заключитель-

он был больше Тавриза, [город] был полностью разрушен завоевателем Шах-Аббасом, в пору, когда он изгнал оттуда османов»³⁷⁰.

Вильгельм фон Фрейган, описывая Нахичеван, приводит пространенное в «Персии мнение, что это – древний Ardaschad, греческими же историками называемый Artaxata». Что касается «армянских авторов, – заключает Фрейган, – то они утверждают, что это было местопребывание их первого царя Айка (Haïk), откуда и произошло название Нахичевана, что означает первое поселение»³⁷¹.

Относительно месторасположения Артаксаты высказывает свои соображения и Джеймс Морьер. Отталкиваясь от текста Страбона³⁷², он приходит к выводу, что речь идет о крепости Аббас-Абад (*c'est le fort d'Abbas-Abâd*)³⁷³.

После небольшого экскурса в глубь веков Шарден возвращается к своим дневниковым записям. «В пяти милях от него [Нахичевана], на север, – продолжает путешественник свой рассказ о Нахичеванском крае, – расположено большое селение под назва-

ного сражения римляне пришли к реке Аракс, отделяющей Мидию от Армении ... Когда же, благополучно достигнув противоположного берега, они ступили на армянскую землю...», см.: Плутарх, Сравнительные жизнеописания, М., «Наука», 1994, гл. XLIX.

³⁷⁰ «Naxchiuan ville renommée du temps de Cirus, appelée Artaxata, limite des Medes, et des Armeniens; elle estoit plus grande que Tauris, comme l'on voit par le reste de l'enclos des murailles, elle fut entierement ruinée et destruite par Schah Abbas le Conquerant, lors qu'il en chassa les Ottomans», см.: François de La Boullaye-Le Gouz, Les voyages et observations du sieur de La Boullaye-Le-Gouz. ..., G. Clousier, Paris, 1657, p. 88.

³⁷¹ «On suppose en Perse, qu'elle est l'ancienne Ardaschad, nommée Artaxate par les historiens Grecs. Des auteurs Arméniens prétendent, que leurs premier roi Haïk y établit son séjour, d'où seroit venu le nom Nahetchivan, qui signifie première habitation», см.: Lettres sur Caucase et la Géorgie suivies d'une relation d'un voyage en Perse en 1812, Hambourg, 1816, p. 271.

³⁷² «Города Армении следующие: Артаксата (которую называют также Артаксиасатой), основанная Ганнибалом для царя Артаксия, и Арксата; оба города лежат на реке Араксе: Арксата – поблизости от границы Атропатии, Артаксата – недалеко от равнины Араксены; это благоустроенный город и столица страны. Она расположена на схожем с полуостровом выступе, а перед ее стенами кругом проходит река, за исключением пространства на перешейке, которое огорожено рвом и частоколом. Неподалеку от города находятся сокровищницы Тиграна и Артавазда – сильные укрепления Бабирса и Олана», см.: Страбон. География в 17 книгах, перевод Г. А. Стратановского, М., «Ладомир», 1994, книга XI, гл. XIV.

³⁷³ Jacques Morier, Second voyage en Perse, en Arménie et dans l'Asie-Mineure..., t. 2, p. 248.

нием Abrener (Апаранер), что означает плодородное поле. Жители этого села, как и семи близлежащих, [придерживаются] римско-католического вероисповедания».

И. Шопен по поводу этого села пишет, что Абаранер – это средневековый город Абаран, и что «в исходе 17-го столетия на этом месте оставалось небольшое сельцо, называемое в просторечии Абарнер или Абаранер, чаще Гех Франкоц. Окрестные села имеют старинные католические церкви более или менее уцелевшие. Абаран или Абарнер значит по-армянски дворец или царское пребывание»³⁷⁴.

Шарден, как и его предшественники, касается истории католицизации области, связывая ее с именем Варфоломея Болонского, распространившего здесь 350 лет назад власть папы. По информации Шардена, в лоно католической церкви примкнули в ту пору более «двадцати окрестных деревень», однако «их вновь заставили признать армянского патриарха главою и возвратиться к своей первоначальной религии».

Шарден сокрушается по поводу того, что число последователей римской церкви с каждым днем уменьшается. Он отмечает, что римская церковь пыталась взять под свое попечительство армян-католиков, гонимых со стороны местных правителей, и с этой целью в 1664 году в Персию, ко двору шаха, прибыл посланник папы с письмами от европейских государей и подарками. В результате этих переговоров было достигнуто соглашение, по которому причитающиеся с католиков подати и платежи они должны были сами посылать непосредственно в царское казначейство, правителю же Мидии и Нахичевана был дан приказ признать эти селения неподвластными их ведомству и не производить впредь сборов в этих селениях. Однако подобное постановление стало для жителей причиной еще больших бед и разорения. После смерти «добротого царя Аббаса» их стали притеснять с еще большей силой, «сбирая три или четыре раза те подати, которые, согласно приведенному выше постановлению, жители должны были сами непосредственно внести в царское казначейство. Эти бедные люди, вследствие ли слабости правительства, или, может быть, благодаря своему бессилию в борьбе с могуществом противной стороны, нигде не могли получить удовлетворения. Управляющий Мидией поступил еще хуже: он послал ко двору подложную выписку..., по которой оказа-

³⁷⁴ И. Шопен, Исторический памятник состояния Армянской области, с. 328.

лось, что селения римских католиков должны платить... ровно вдвое больше того, что они должны были платить в действительности».

Шарден из всего сказанного приходит к заключению, что «пользуясь таким крючкотворством и притеснениями, правители всегда имеют возможность... разорить жителей вконец»³⁷⁵.

Далее, возвращаясь к воссозданию маршрута своего путешествия, Шарден описывает свой путь к Старой Джульфе. Путешественники, выехав из Нахичевана и сделав семь миль, по очень большому мосту, переехали реку, «которую местные жители называют не иначе, как Нахичеван»³⁷⁶. Проезжаемая ими местность была безводна и бесплодна. Заночевали на берегу реки Аракс, которую «восточные народы называют Арас (Aras) или Арес (Ares). Реку эту переходят в том месте, где находится разрушенный город Эски-Джульфа (Esquijulfa) или Старая Джульфа, который некоторые авторы считают городом, называемым древними Ариаммен (Ariamene). Его называют Старым, чтобы отличить от города Джульфы, построенного насупротив Исфахана. Этот город имеет полное основание называться старым, так как он совершенно разрушен. Ныне можно судить только о его величине. Он был расположен по склону горы, вдоль берегов реки. По причине географического положения он труднодоступен, еще его оберегает большое число фортов»³⁷⁷.

Странно, что Шарден в своем рассказе о Джульфе не касается джульфинского кладбища, которое производило сильное впечатление на путешественников. Его соотечественник, монах-иезуит Александр де Род, посетивший Джугу в августе 1648 года, оставил об этом кладбище ценные записи, на которых мы остановимся в дальнейшем³⁷⁸.

В более позднюю эпоху надгробные памятники кладбища Джульфы посетил и детально описал шотландский дипломат, путешественник, художник Роберт Кер Портер³⁷⁹. Он был одним из пер-

³⁷⁵ Путешествие кавалера Шардена по Закавказью в 1672–1678 гг., «Кавказский вестник», № 9, 1901, с. 298–299.

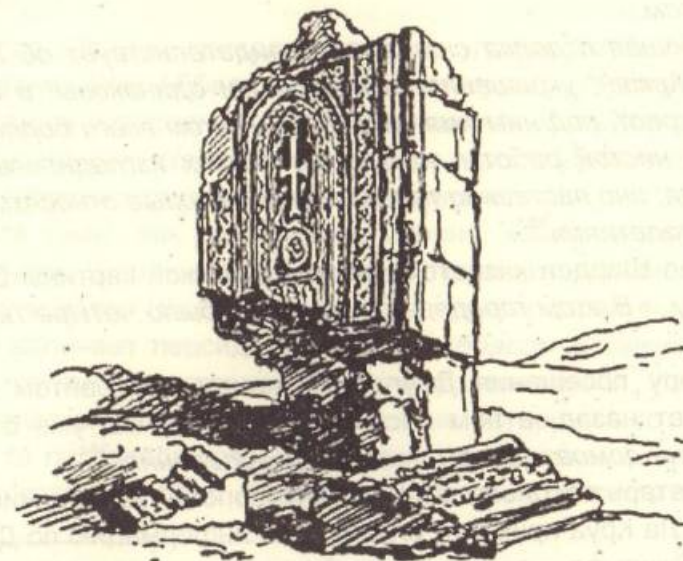
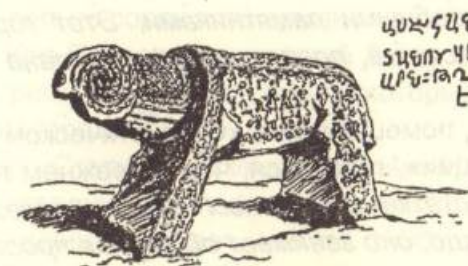
³⁷⁶ Река Нахичеван (Нахичеванчай, Նախիջեվանի գետ, Նախիջևանչայ) – левый приток Аракса.

³⁷⁷ Voyages du Chevalier Chardin, en Perse et autres lieux, tome deuxième, p. 303.

³⁷⁸ См. с. 172.

³⁷⁹ «It consists of three hills of considerable magnitude; all of which are covered as closely as they can be set, leaving the length of a foot between, with long

вых, кто в своей работе зарисовал и описал увиденное им на старом армянском кладбище в Джульфе каменное надгробие в виде овна с армянскими надписями³⁸⁰.

The Tomb of the Virgin.

Зарисовки Роберта Кер Портера из книги «Travels in Georgia, Persia, Armenia, Ancient Babylonia, &c. during the years 1817, 1818, 1819, and 1820...».

upright stones; some as high as eight or ten feet; and scarcely any that are not richly, and laboriously carved with various commemorative devices in the forms of crosses, saints, cherubs, birds, beasts, &c. besides the names of the deceased. The most magnificent graves, instead of having a flat stone at the feet, present the figure of a ram rudely sculptured. Some have merely the plain form; others decorate its coat with strange figures and ornaments in the most elaborate carving», см.: Robert Ker Porter, Travels in Georgia, Persia, Armenia, Ancient Babylonia, &c. during the years 1817, 1818, 1819, and 1820, London, 1822, t. 2, p. 613.

³⁸⁰ Там же, с. 614.

На него ссылается известный французский историк и политик Франсуа де Жобер Passa: «древний город Джульфа находится в долине, окруженной песчаными холмами; его руины, посещенные Портером, имеют вид огромного некрополя, заполненного украшенными резьбой надгробными памятниками. Этот город стал убежищем для семьи Астиага, после триумфа Тиграна 1го, союзника Кира³⁸¹»³⁸².

В информации, помещенной в «Статистическом описании Нахичеванской провинции», говорится, что о прежнем городе Джульфа «напоминают остатки крепостных стен,.... развалины домов, особенно же кладбище: оно занимает обширное пространство; надгробные камни, поставленные вертикально на могилах, издали кажутся лесом.

Отличная отделка сих камней свидетельствует об искусстве древних Армян; украшения камней почти одинаковы: в середине высечен крест, под ним имя покойника, кругом всего бордюр самой мелкой и чистой работы; на многих камнях изгладилось изображение года; оно явственно только на тех, которые относятся к 15-му и 16-му столетиям»³⁸³.

Далее Шарден касается демографической картины Джульфы в прошлом. «В этом городе, — пишет он, — было четыре тысячи домов».

В пору посещения Джульфы Джоном Картрайтом — около двухсот лет назад, в нем насчитывалось, как мы уже отметили, «две тысячи домов и десять тысяч душ населения»³⁸⁴.

Секретарь посольства в Константинополе, переводчик, ориенталист Де Ла Круа приводит следующую информацию по Джульфе: «Старая Джульфа — одно из старейших местожительств армян, где некогда [проживало] почти десять тысяч семей, теперь это [число] сведено до тридцати»³⁸⁵.

³⁸¹ Эта информация заимствована у Дюбуа де Монперё.

³⁸² François Jacques Jaubert de Passa, Recherches sur les arrosages chez les peuples anciens, P., 1846, p. 155.

³⁸³ В. Н. Григорьев, Статистическое описание Нахичеванской провинции, СПб., 1833, с. 74–75.

³⁸⁴ John Cartwright. The Preachers Travel..., 1611, p. 35.

³⁸⁵ «Esqui Julfa, le vieil Julfa, une des plus anciennes habitations des Armeniens, où il en avoit prés de dix mille familles reduites presentement à trente», см.: État présent des nations et églises grecque, arménienne et maronite en Turquie, par le sieur de La Croix, P., 1695, p. 128.

Жак Виллот отмечает, что в Джульфе до выдворения Шах-Аббасом армян было три тысячи домов («avant cette transmigration c'étoit une ville de trois mille maisons»)³⁸⁶.

В 1812-ом же году, по данным Уильяма Оусли, в городе насчитывалось только сорок пять армянских семей³⁸⁷.

Роберт Кер Портер, посетивший Джугу в 1820–1821-ых годах, упоминает о семи армянских семьях, которые мирно проживали в опустошенном городе³⁸⁸.

Согласно «Статистическому описанию Нахичеванской провинции» (1833 г.) селение Джульфа состоит из 25 жилых домов³⁸⁹.

К. А. Никитин отмечает, что до 1600 года в Джульфе было более 50000 жителей («Город Нахичевань и Нахичеванский уезд»)³⁹⁰.

Далее Шарден приводит историю упадка Джульфы периода царствования Шах-Аббаса, который «разрушил Джульфу со всеми ее фортами и укреплениями. Он поступил так по той же причине, по которой разрушил Нахичеван и другие города Армении, чтобы лишить турецкую армию жизненных припасов».

Этой темы, как было уже отмечено, касались многие путешественники. Шарден вслед за ними приводит мотивы, которыми руководствовался Шах-Аббас при проведении своей политики, при этом он величает персидского шаха «Аббасом Великим» (*Abas le Grand*), «тонким политиком и великим полководцем». Излагая деяния персидского шаха, он ссылается на историю — то ли персидскую³⁹¹, то ли поведанную его предшественниками — европейцами, согласно которой Аббас «решил превратить в пустыню страны, ле-

³⁸⁶ Jacques Villotte, Voyages d'un missionnaire de la compagnie de Jésus en Turquie, en Perse, en Arménie, en Arabie en en Barbarie, P., 1730, p. 187.

³⁸⁷ William Ouseley, Travels in Various Countries of the East, More Particularly Persia, t. 3, London, 1823, p. 429.

³⁸⁸ «After this place had lain about a hundred years in an almost forgotten solitude, seven poor Armenian families wandered towards the spot, and peaccable established themselves amidst its desolated walls», см.: Robert Ker Porter, Travels in Georgia, Persia, Armenia, Ancient Babylonia, ..., t. 2, p. 613.

³⁸⁹ В. Н. Григорьев, Статистическое описание Нахичеванской провинции, с. 74.

³⁹⁰ К. А. Никитин, Город Нахичевань и Нахичеванский уезд, с. 139.

³⁹¹ Во французском оригинале написано «как сообщает история» (*à se que l'histoire rapporte*). Е. Бахутова и Д. Носович, видимо, учитывая компетентность автора в вопросах истории Персии и владение им персидским языком, этот пассаж перевели «по словам персидской истории», см.: Путешествие кавалера Шардена по Закавказью в 1672–1678 гг., с. 300.

жащие между Эрзерумом и Тавризом, по той линии, где расположены Ереван и Нахичеван... вывел из этих мест всех жителей и скот, разрушил все строения, сжег все деревни и деревья, отравил много родников, о чем сообщает история. Те же, кто ее читал, в курсе, что он в этом сильно преуспел»³⁹².

Фактически, обращаясь к судьбе города Джульфы, французский путешественник ограничивается сухой констатацией фактов. Стерлись из памяти, но не стерлись из истории трагические события, связанные с насильственным переселением жителей города. Спустя столетие европейцы стали воскрешать в памяти события 1605 года.

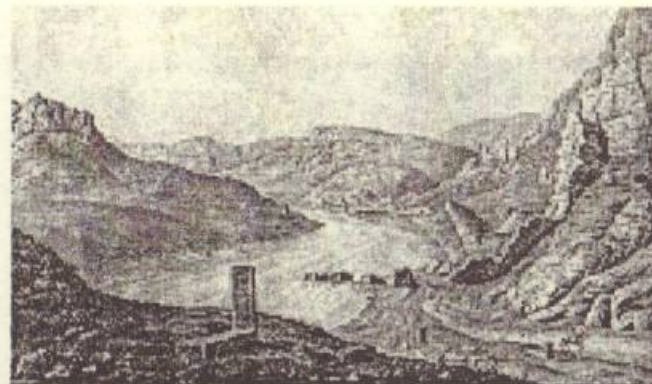
Подробнейшим образом рассказал о джульфинской трагедии Дюбуа де Монперё. Он почти дословно пересказал пятую главу «Книги историй» Аракела Даврижеци («Об изгнании [населения] самого богатого городка Джуги в Персию»), заимствуя материал, как уже было отмечено, из французского перевода его труда, осуществленного еще в прошлом веке академиком М. И. Броссе³⁹³, и тем самым стал «поставщиком» информации об истории города Джуги и проводимого Шах-Аббасом политического курса, основанного на реальных фактах.

Информация по Джульфе была почерпнута Дюбуа де Монперё не только из исторических источников. Он посетил этот город и оставил его детальное описание. Приведем лишь небольшой отрывок из его воспоминаний о Джульфе: «Джульфа, расположенная на расстоянии, наиболее удобном для прохождения Аракса вброд, значительно разрослась. Здесь сосредоточилась армянская промышленность, благодаря торговле город обогащался, как никакой другой город Армении. Все резко изменилось в 1605-ом... Однако должен же был город с населением 40000 человек оставить хоть какие-то следы существования. ... Сердце сжимается при виде этих странных перемен, содеянных по прихоти деспота... Вокруг Джульфы... разбросаны наполовину разрушенные, наполовину закопанные в землю, наполовину смытые дождями, наполовину унесенные потоком жилища. Из живых существ остался лишь ужасный джульфинский черный скорпион....»³⁹⁴.

³⁹² Voyages du Chevalier Chardin, en Perse et autres lieux..., tome deuxième, p. 309.

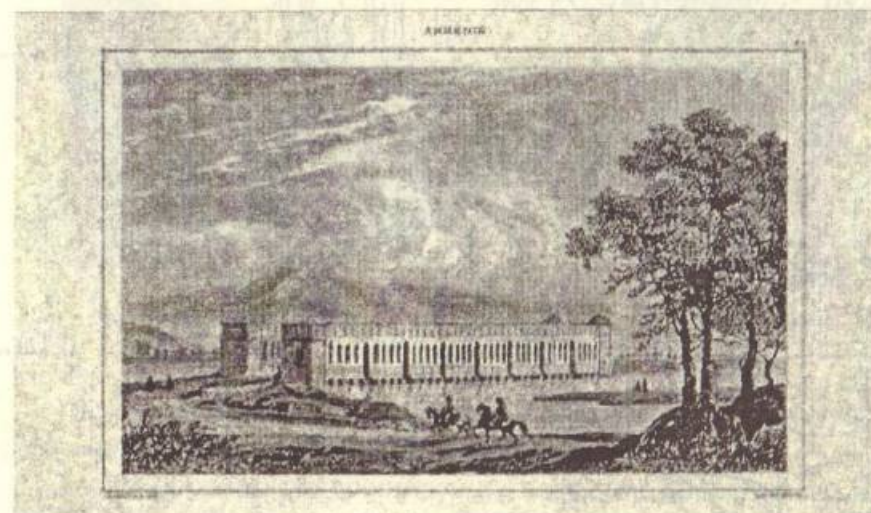
³⁹³ M. Brosset, Livre d'histoire, composé par le vartabied Arakel de Tauriz, Collection d'historiens arméniens, t. I, St.-Pbg., 1874.

³⁹⁴ Frédéric Dubois de Montpéreux, Voyage autour du Caucase, t. IV, pp. 23, 26.

Хачкар на фоне руин Джульфы (лист XXXVII второй части атласа к «Путешествию по Кавказу...» Фредерика Дюбуа де Монперё, Париж, 1843 г.

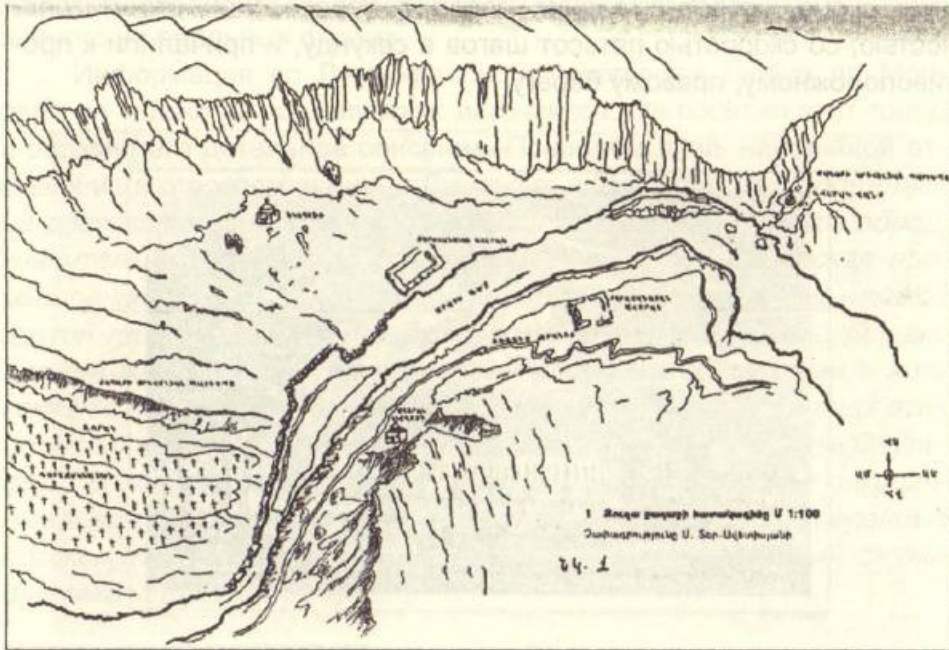
В своем дальнейшем рассказе Шарден сосредотачивается на описании реки Аракс и мостов через нее. Много мостов строилось через эту реку, в том числе и в Джульфе, но, несмотря на капитальную постройку, эти мосты не смогли устоять против сильного течения Аракса. Путешественники переправились через реку на большом судне, которое течение несло с невероятной стремительностью, со скоростью пятьсот шагов в секунду, и причалили к противоположному, правому берегу.

Старинная гравюра с изображением вида на реку Аракс и каменный мост в Джульфе (Pont à Julfa). Гравюра выполнена под руководством французского гравера Августина Франсуа Леметра (Augustin François Lemaître, 1797-1870).

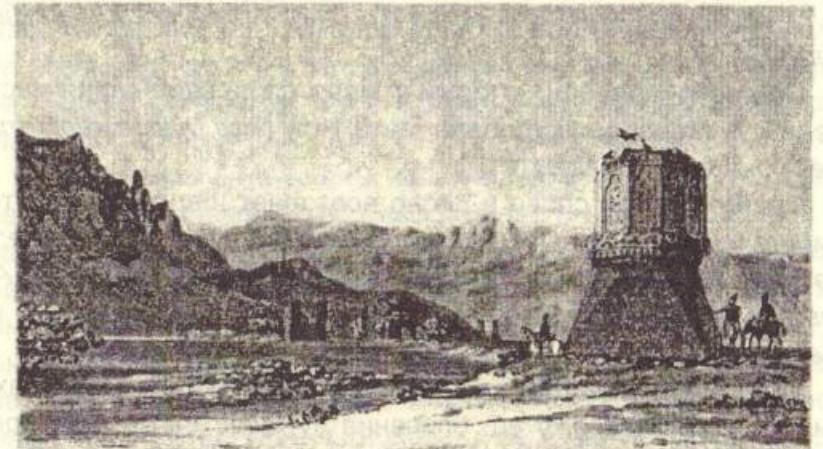
Фрагмент Джугинского моста.

План города Джуги.
Обмер – С. Тер-Аветисяна.

Руины Джуги и река Аракс. Литогр. из кн.: Francis Rawdon Chesney. The Expedition for the Survey of the Rivers Euphrates and Tigris..., 1850.

Башня на берегу Аракса и вид развалин Джуги. Литогр. из кн.: Francis Rawdon Chesney.

Переправившись через Аракс, Шарден и сопровождающий его армянин Азарий пошли в направлении Тавриза.

Таким образом завершилось путешествие Шардена по Нахичеванскому краю. Однако среди пройденных на пути к Тавризу городов уместно отметить Маранд – город, «который Птолемей называл *Mandagarana*». Город этот примечателен тем, что «при ясной погоде из Маранда видна Гора, на которой остановился Ковчег, спасший Патриарха [Ноя] от Потопа».

Знаменит он еще и тем, замечает Шарден, что «согласно традиции армян, Ной был погребен в Маранде (Marant), это слово происходит от армянского глагола хоронить» («Les Arméniens ont, par tradition, que Noé a été enterré à Marant, et que ce mot vient d'un verbe arménien qui veut dire enterrer») ³⁹⁵.

Почти все побывавшие в Нахичеване путешественники, как правило, касаются вопроса места захоронения Ноя и его жены. Однако мнения их несколько расходятся. Так, Поль Лука, довольно обстоятельно описавший Маранд в своем «Путешествии по Леванту», отмечает, что «армяне уверяют и думают, что Ной погребен в этом городе [Маранде]» («Les Arméniens assurent et veulent que Noë soit enterré dans cette Ville») ³⁹⁶.

По информации де Ла Круа, в Маранде (Maram) проживает большое количество армян, и в нем, согласно преданию, находится гробница Ноя, поскольку название происходит от армянского слова хоронить («Maram est une autre ville de Medie, où il y a un grand nombre d'Armeniens; laquelle selon leur tradition a été la sepulture de Noé, á cause que son nom derive d'un mot Armenien qui signifie enterrer») ³⁹⁷.

Согласно Морьеру, который ссылается на сообщения местных жителей, в Маранде погребена мать Ноя («ce village renferme les restes de la mère de Noé») ³⁹⁸.

Фрейган почти слово в слово повторяет шарденовский текст. «Армяне, — пишет он, — считают, что Ной погребен в Маранде; слово это происходит от армянского глагола хоронить» («Les Arméniens croient, que Noé a été enterré à Marant; ce nom vient du verbe Arménien enterrer») ³⁹⁹.

Уильям Аузли вообще запутался в определении места захоронения: в одном пассаже его описания путешествия в Маранде по- коются Ной, его жена и мать ⁴⁰⁰, в другом — только жена Ноя ⁴⁰¹.

³⁹⁵ Voyages du Chevalier Chardin, en Perse et autres lieux..., tome deuxième, p. 318.

³⁹⁶ Voyage du Sieur Paul Lucas au Levant, P., Guillaume Vandive, 1704, second volume, p. 38.

³⁹⁷ État présent des nations et églises grecque, arménienne et maronite en Turquie, par le sieur de La Croix, p. 140.

³⁹⁸ Second voyage en Perse, en Arménie et dans l'Asie-Mineure fait de 1810 à 1816 par Jacques Morier, p. 214–215.

³⁹⁹ Lettres sur Caucase et la Géorgie suivies d'une relation d'un voyage en Perse en 1812, p. 276–277.

⁴⁰⁰ Путешествие Уильяма Оусли, — в кн.: Ов. Акобян, Путевые заметки, XIX в.

Мориц Коцебу отмечает, что «армяне в Маранде верили в то, что здесь обосновались потомки Ноя, и что даже его жена похоронена тут... предметом спора является вопрос, чья это могила: [жены] или же матери Ноя, поскольку по-армянски Маранд означает «мать находится здесь» («Maranda in armenischer Sprache bedeutet: Die Mutter liegt hier») ⁴⁰².

Роберт Кер Портер ссылается на Жана Шардена, который «приписывает Маранду древнее происхождение и считает, что там погребен Ной. Хотя местными жителями утеряны старые предания, однако я встретил армян, которые рассказывали то же самое. Они говорили, что это и есть то место, где патриарх [Ной] посадил виноградную лозу и настаивали, что здесь находится могила его жены, и что ее имя Мариам (Marianne) — отсюда название местности Маранд» («Chardin gives Marande a very ancient origin, and tells us, it was the burying-place of Noah. The natives have lost the tradition. But I found a few Armenians, who were by no means backward in maintaining a similar tale. They say, this was the spot where the Patriarch planted a vineyard; and, though they do not deny his having been inhumed here, they stoutly affirm, it contains the grave of his wife; that her name was Marianne, and that the place, in consequence, was called Marande») ⁴⁰³.

Судя по всему, начиная с XVII века, в записках путешественников образ Нахичевана, как «места первого пристанища Ноя после потопа», становится неперемнной составляющей рассказа о Нахичеване. Вокруг него выстраивается вереница образов: места захоронения Ноя, его жены Ноемзар и сестры, могилы святых, сакральные места, связанные с событиями из жизни пророков, апостолов, христианских мучеников, церкви, возведенные в их честь, реликвии, чудодейственные родники и источники, священные деревья.

Путевые записки Тавернье и Шардена сыграли не последнюю роль в процессе выстраивания образной картины Нахичеванской страны. Как уже было отмечено, Тавернье был первым, зарегистрировавшим в своем «Путешествии» бытующие в армянской среде

(1800–1820 гг.), Ереван, 1934, с. 436 (на арм. яз.).

⁴⁰¹ Там же, с. 451.

⁴⁰² Moritz von Kotzebue, Reise nach Persien mit der russisch-kaiserlichen Gesandtschaft im Jahre 1817, Wien, 1825, S. 55.

⁴⁰³ Travel in Georgia, Persia, Armenia, ancient Babylonia during the years 1817, 1818, 1819, and 1820 by Sir Robert Ker Porter, London, 1821, vol. I, p. 218.

предания о Нахичеване, как месте захоронения Ноя и его жены. Вслед за ним Шарден вводит в оборот новое место упокоения Ноя – город Маранд. Отсюда и путаница, имевшая место в записях путешественников, использовавших их тексты в качестве источника.

Подводя итоги шарденовского путешествия, следует отметить, что несмотря на то, что для него первостепенной задачей была торговая деятельность, он, будучи человеком широкого кругозора, вместе с тем любознательным и проницательным, преподносит читателям материал энциклопедического характера. Его интересует все – от национальной одежды, кухни, обычаев, фольклора, восточных языков, искусства и архитектуры, до политики и вопросов управления государством. Переполненный потоком полученной информации и увиденными воочию реалиями восточного мира, он воссоздает в своем травелоге культурно-историческое пространство. Что касается Армении и Нахичевана, то и здесь, помимо описания маршрута своего путешествия, он касается различных вопросов, связанных с армянским миром.

Столкнувшись на протяжении своего путешествия по Востоку с непоколебимостью армян в своей вере, Шарден приходит к заключению, что *«это удивительно и, если хотите, пречудно: несмотря на то, что они [армяне] в течение почти одиннадцати веков находятся под мусульманским владычеством,... тем не менее они крепки в своей вере; они ее поддерживают и не хотят принять другую веру, удерживаясь равно как против посягательств мусульман – их властителей, так и против миссионеров Римской церкви»*⁴⁰⁴.

Воздавая хвалу армянам, Шарден, будучи гугенотом (протестантом), в отличие от путешественников, придерживающихся католического вероисповедания, не выражает досады по поводу неудавшихся попыток приобщения армян к римско-католической церкви. Он только констатирует факт: *«по возвращении из Европы армяне становились гораздо больше армянами и начинали проклинать Папу римского Льва, который, как они полагали, повинен, как и его преемники, в расколе церквей Запада и Востока, и продолжали гнушаться положений католической церкви, противных их учению»*⁴⁰⁵.

Следует отметить, что дорожные записи Шардена то и дело прерываются экскурсами историко-культурологического и географического характера.

⁴⁰⁴ Voyages du chevalier Chardin en Perse..., tome deuxième, p. 184–185.

⁴⁰⁵ Там же, с. 185.

ческого характеров. Так, миновав село Каракешиш⁴⁰⁶, Шарден предается размышлениям по поводу границ Армении (*«я дам описание стран и их границ в том виде, какую они имели в мою бытность там»*), этимологии топонима «Армения» (*«от Родосского или Фессалийского Армена, или Арама – сына Ноя»*), ее топографической карты (*«семь больших рек орошают ее; благодаря этому, как мне кажется, большинство толкователей Ветхого завета, указывают на нее, как на место, где раньше был земной рай»*).

Находясь в Ереване, он подробно описывает свадьбу брата наместника Сефи-Кули-хана. Посетив в марте 1672-го года католико-Акопа IV (1655–1680), Жан Шарден не только передает впечатление от личного общения с ним, но и знакомит читателя с распрями, имевшими место между католиком Акопом и Иерусалимским армянским патриархом по поводу продажи и изготовления мирро: *«16-го я видел патриарха Армении; его зовут Яковом [Акопом]. Он совершенно белый, как луна, старец, с почтенной осанкой, но легкомысленный; и своим поведением справедливо заслужил нареkanie своей паствы в недостатке справедливости и в избытке честолюбия...»*⁴⁰⁷.

Таким образом, рассказ Шардена о Востоке, и, в частности, об Армении, представляет собой далеко не отчетные записи. Это продукт творчества образованного, сведущего в истории купца-полиглотта, которого можно отнести и к категории писателя-путешественника. В его травелоге совмещены традиции нескольких жанровых систем – путевой, приключенческой, мемуарной. Правда, путевые записи Шардена ещё нельзя отнести к промежуточным жанрам, к которым применима диалектика художественного и документального начал. Тем не менее мы имеем дело не с сухим отчетом о пройденном пути, а увлекательным рассказом повествователя о посещенных странах, политическом устройстве этих стран, их истории, населяющих их народах, обычаях, нравах, памятниках культуры, приключениях самого автора, выступающего не только в роли очевидца и наблюдателя, но и протагониста. Богатая информация, заключенная в «Путешествии» Шардена, послужила источником и ориентиром для многих путешественников, которым предстояло посетить восточные страны, в том числе Армению. Он был непревзойденным авторитетом и для многих писателей. На него ссы-

⁴⁰⁶ Каракешиш, ныне Ддмашен.

⁴⁰⁷ Путешествие Шардена по Закавказью в 1672 – 1673 гг., с. 278.

лаются и его цитируют Монтескье⁴⁰⁸ и Вольтер. У него заимствовали материал по Востоку Жан-Жак Руссо и Эдуард Гиббон. Дневник путешествий «Шардена Персидского» («Chardin le Persan»)⁴⁰⁹ и по сей день является важным историко-культурным источником XVII века.

Поль Лука (1664 г. – 1737 г.)

Своими путешествиями на Восток получил широкое признание и автор трех путешествий, негоциант, натуралист и антиквар Людовика XIV Поль Лука. Будучи торговцем драгоценностями и любителем древностей, он был послан королем Франции на Восток с целью приобретения предметов старины и редких рукописей. О своих путешествиях, а их было три

(1699–1703, 1704–1708, 1714–1717), бесчисленных приключениях и сопутствующих ему в пути опасностях он повествует с воодушевлением, простотой и необычайной легкостью.

В отличие от «Путешествий» Тавернье, его книгу нельзя отнести к разряду путеводителей. Поль Лука зачастую не указывает названия местности, просто отмечает, что прибыл в армянское село или посетил армянскую церковь, однако при этом строго придерживается хронологии изложения. Его рассказ о Востоке, и, в частности, об Армении, изобилует местными легендами и поверьями, похождениями и злоключениями автора. Именно их он ставит во главу угла, при этом основным стержнем повествования и способом организации и подачи материала остается путь, дорога. Такой подход к подаче материала обеспечил успех его «Путешествия...». Неслучайно бельгийский литературовед, известный исследователь жанра путешествий Dirk Van der Cruysse охарактеризовал его

⁴⁰⁸ Шарль де Монтескье цитирует его в «О Духе законов», а также использует его путевые записки при написании «Персидских писем».

⁴⁰⁹ Так озаглавлено исследование известного историка Dirk Van der Cruysse-a (Dirk Van der Cruysse, Chardin le Persan. P., Fayard, 1998).

рассказ о тридцатилетних странствованиях по восточным странам, как «один из самых увлекательных рассказов эпохи».

В своих путевых записях Лука уделил достаточное место и Армении: ее городам, селам, церквям и, конечно же, легендам и преданиям, которыми изобилует страна армянская.

Путь его по армянским землям лежал через Эрзерум (Arzeron)⁴¹⁰, восседающую на отвесной скале крепость Хасан-Кале (Assanjala), «у подножья которой расположен город с тем же названием». Дальнейший путь проходил «мимо пришедших в упадок множества древних церквей, остатки которых свидетельствуют о том, что некогда это были величественные и прекрасные строения»⁴¹¹.

Поль Лука отмечает, что на пути в Карс «местность была сплошь покрыта развалинами монастырей и церквей. И воистину, это есть та местность, где, как говорят, во времена Григория Просветителя их [церквей] было двадцать тысяч на пространстве протяженностью в четырнадцать миль»⁴¹².

Следующая остановка – город Карс (Carres) – «последний город Турции... , построенный в виде амфитеатра». По наблюдениям Поля Лука «от Алеппо до этого города [Карса] вдвое больше христиан, чем турок» («J'ai remarqué que depuis Alep jusqu'à cette ville il y a deux fois plus de Chrétiens que de Turcs»)⁴¹³.

Далее путешественники направились к Трем церквям – Эчмиадзину (Esmiasim). Они были на аудиенции у Патриарха, помо-

⁴¹⁰ «Эрзерум, – читаем в его «Путешествии», – небольшой город, через который проходят караваны, идущие из Константинополя и из всей Азии. Город в окружности около трех миль, опоясан двойным рядом крепостных стен, с четырьмя квадратными башнями, имеет ров, увенчанный паралетами... В центре города – небольшая обветшалая крепость, в настоящее время, я бы сказал, недостаточно укрепленная. В городе в дневное время много работающих в лавках христиан, однако до наступления ночи они должны покинуть город и вернуться в пригород, где проживают. Имеется лишь одно окаймляющее город предместье... Армяне имеют прекрасную церковь, в которой пребывает их архиепископ, которого мы посетили. Он нам показал свое жилище и реликвии, а также могилы... На горе, что возле Эрзерума, можно увидеть развалины храма. Здесь, как считают армяне, похоронены некоторые святые. Каждую субботу это место посещают женщины», см.: Voyage du Sieur Paul Lucas au Levant, P., A la Haye, 1705, t. 1, p. 218 – 219.

⁴¹¹ Там же, с. 225.

⁴¹² Там же, с. 227.

⁴¹³ Там же, с. 229.

лились в соборной Кафедральной церкви. Им был оказан в Трех церквях «радушный прием, угостили водкой и вареньями и пригласили отобедать на следующий день с патриархом». Лука приводит описание церкви, хранящиеся в ней реликвии⁴¹⁴ и связанную с Григорием Просветителем историю основания церкви⁴¹⁵. В крипте церкви Св. Рипсимэ Полю Лука показали могилу святой, там же он «увидел огромный камень наподобие ядра в шестьдесят ливров, один из тех, которым была замучена Святая», ему показали также «склеп с мощами трех Святых, замученных вместе со святой Рипсимэ (Rufine⁴¹⁶)»⁴¹⁷.

Продолжая свой путь уже по Персидской Армении, он прибывает в «город, скорее крепость странья» – Ереван. Город, по описанию Поля Лука, «овальной формы, в пять тысяч шагов по окружности, и приблизительно с тысячью двумястами домами, где живут в основном мусульмане. Христиане же здесь имеют лавки, почти все ремесленники армяне, они работают до трех часов, после чего возвращаются в свои дома, расположенные в предместьях»⁴¹⁸.

⁴¹⁴ «В церкви... нам показали реликвии. Первой была десница Святого Григория, вставленная в позолоченную серебряную оправу. В двух других раках – ребро Святого Иакова, палец Святого Петра, два пальца Святого Иоанна Баптиста и мощи многих других нам неизвестных Святых», см.: Voyage du Sieur Paul Lucas au Levant, Paris, Guillaume Vandive, 1704, t. 2, p. 8.

⁴¹⁵ В основе сказаний о Св. Григории Просветителе, переданных европейскими путешественниками, лежит отрывок из «Истории Армении» Агатагелоса, согласно которому Св. Григорий заложил в Айраратской области, в городе Вагаршапат, на месте, «где ему был явлен огненный столп с золотым основанием», Эчмиадзинский собор.

В «Путешествии...» Поля Лука Господь явился Св. Григорию в виде пламени (en forme de flâme). «У алтаря находится камень, к которому армяне относятся с особым благоговением, – передает автор услышанную от армян историю создания Эчмиадзинского собора, – они говорят, что в этом месте Господь явился Св. Григорию в виде пламени, и что он сделал там вход в преисподнюю, куда сбросил всех демонов, которые были в этой стране; они кроме того добавляют, что Иисус Христос самолично огненным копьем (avec une lance de feu) наметил место, где должна была быть построена эта Церковь», см.: Voyage du Sieur Paul Lucas au Levant, t. 2, p. 6.

⁴¹⁶ Чуждое слуху европейского путешественника имя Рипсимэ дано Полем Лука по аналогии со знакомыми именами Св. Руфины Севильской или Св. Руфины Кесарийской.

⁴¹⁷ Voyage du Sieur Paul Lucas au Levant, t. 2, p. 9.

⁴¹⁸ Там же, с. 11.

Внимания Поля Лука были удостоены: расположенный в крепости, на отвесной скале, дворец правителя (le gouverneur), впечатляющий своей величиной и расположением апартаментов, Малая крепость⁴¹⁹, церкви и мечети, караван-сарай. Сам Поль Лука поселился на майдане (le Maidan) – окруженной деревьями и имеющей 400 шагов в поперечнике квадратной площади, где молодежь проходила военную тренировку.

Поль Лука разделяет точку зрения армян, полагающих, что простирающиеся от Еревана земли – это «именно та местность, где Ной посадил виноградник, они даже указывают на равнину, добавляя, что это и есть земной рай»⁴²⁰. «Эта страна могла бы быть земным раем, если бы ее населяли европейцы, и если бы она была бы должным образом возделываема»⁴²¹, – добавляет от себя Лука с присущим европейцу высокомерием.

Далее Поль Лука переходит к описанию Хор Вирапа и связанной с этим местом легенды о Григории Просветителе и царе Трдате.

Минуя соляные копи, путешественники направились к Нахичевану, однако из боязни быть ограбленными свернули с пути и пошли по покрытой холмами равнине. Равнина эта кишела ящерицами, видимо, исходя из описания путешественника, круглоголовками, укус которых, по словам Поля Лука, якобы был опаснее укуса змеи.

Вскоре дорога привела к «очень высокой и очень крутой скале в форме головы сахара». «Об этой скале, которая зовется змеиной, – продолжает повествование путешественник, – рассказывают забавное предание. Укушенные змеей, а их в этих краях великое множество, должны напрямик бежать к этой горе; стоит к ней подбежать, как вылечиваешься. Однако, если змея достигнет горы раньше, то умрет ужаленный ею человек; и наоборот, змея погибает, если ее опередит человек. Местные жители сказывали, что это про-

⁴¹⁹ Имеется в виду Кечигала, Гёзджи-кала (Quetchycala) – «Наблюдательная крепость» («небольшая крепость на холме, расположенном к юго-востоку от старой крепости, на правом берегу реки Раздан (Зангу), которая звалась «Гёзджи-кала» – «Наблюдательная крепость»), см.: Кятиб Челеби, «Джихан-ньюма» и «Фезлеке» Кятиба Челеби, как источник по истории Армении (XVII в.), пер. А. А. Папазяна, Ереван, АН АрмССР, 1973, ком. 158.

⁴²⁰ «Aussi les Armeniens croient-ils que c'est le lieu où Noé planta la vigne; ils en montrent même le champ, et disent encore de plus, que c'est le Paradis terrestre», см.: Voyage du Sieur Paul Lucas au Levant, t. 2, p. 14.

⁴²¹ «Ce pays le pourroit bien être véritablement, s'il étoit habité par les Européens, et s'il étoit cultivé comme il faut», там же.

верено ими неоднократно: и называют они эту гору посему горой змей»⁴²².

Как видим, Поль Лука преподносит читателям вариант зарегистрированной Тавернье и получившей широкое хождение легенды о Змеиной горе⁴²³.

После очередного погружения в мир легенд и преданий, путешественник вновь возвращается к маршруту своего путешествия. На этот раз посещенная им местность – расположенный на левом берегу Аракса город Астапат⁴²⁴ (Aslapat). «Все жители города – армяне, – пишет Лука, – они имеют здесь две церкви⁴²⁵... Река протекает мимо домов города»⁴²⁶.

⁴²² «Nous passâmes devant un rocher fort grand et fort escarpé fait comme un pain de sucre. On fait un plaisant conte de ce roche, qu'on appelle la montagne des serpents. ... Quand on est mordu d'un serpent, dont il y a grand nombre en ces quartiers, il faut courir promptement à cette montagne, et dès que l'on y est arrivé, l'on est guery. Mais si le serpent y étoit avant l'homme qu'il a mordu, le blessé mourroit; et tout au contraire, c'est le serpent qui meurt si l'homme s'y trouve avant luy. Les gens du païs disent qu'ils ont fait cette experience fort souvent: et nomment pour cela cette roche la montagne des serpents», см.: Voyage du Sieur Paul Lucas au Levant, t. 2, p. 22.

⁴²³ См. с. 116.

⁴²⁴ Астапат – город гавара Нахичеван, расположенный на левом берегу Аракса, на расстоянии 10–12 км. к юго-востоку от Нахичевана. Согласно преданию, «после Аварайрской битвы тела Вардана Мамиконяна и его воинов привезли хоронить сюда. Но, говорят, ночью пришли знатные люди из Маку и унесли священные останки. А село называется Астапат, потому что тела убиенных здесь были обернуты в саван (от слов «айстех» – здесь и «пател» – обертывать, закутывать)», см.: А. Ганалаян, Армянские предания, с. 135.

⁴²⁵ Речь идет, видимо, об Астапатском монастыре Сурб-Вардан и монастыре Кармир-ванк (или монастыре Св. Степаноса).

В «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа» читаем: «В 4-х верстах на юг от этого монастыря (Кармир-ванк), на левом же берегу Аракса, находится монастырь во имя св. Вардана, называемый Астапатский Сурб-Вардан. В V веке, когда св. Вардан был ранен и убит на войне с персами, во время царствования Шапуха, его тело было перенесено на левый берег Аракса и на этом месте, где теперь стоит монастырь, было окутано в саван, почему и местность эта называется Астапат, т. е. "аст"- шиил = тут и "пат" - цшил = окутать; потом тело святого было перенесено в склеп Мамиконовых, находящийся в Мушской провинции», см.: Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, Монастырь Кармир-ванк, Л. Тер-Маркаров, вып. 27, 1900, с. 63.

Что касается монастыря Кармир ванк, то в том же сборнике приводится следующая легенда: «Народное предание говорит, что когда после Вардановской войны вь этот монастырь были перенесены с поля (Аварайр)

При описании Астапата Лука приводит небезынтересную, с его точки зрения, информацию относительно красоты женщин этого города («Поскольку женщины здесь очень красивые, то шах Персии зачастую посылает туда за ними для пополнения своего гарема»). Эта информация была рассеяна по многим словарям и стала одной из неотъемлемых характеристик города Астапата в записках европейских путешественников.

Проникла эта информация и в крупнейшее справочное издание эпохи Просвещения «Энциклопедию, или толковый словарь наук, искусств и ремесел» («Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers»), основанную в 1751-ом году французским писателем, философом-просветителем и драматургом Дени Дидро, а также в «Большой французский словарь» («Le Grand Vocabulaire François») ⁴²⁷, изданный в 1768-ом году Шарль-Жозефом Панкуком.

Что касается дальнейшей судьбы города Астапата, то по данным, переданным Шопеном, на том месте, где находился город Астапат (Астабат), Аббас-Мирзою⁴²⁸ была сооружена и названа его именем крепость Аббас-Абад⁴²⁹.

Шарль Беланже также приписывает строительство крепости Аббас-Абад Аббас-Мирзе. Согласно тексту его «Путешествий в Восточную Индию...», крепость была построена по чертежам французских инженеров из посольства к шаху Персии Фатх-Али, возглавляемого генералом Гарданом.

битвы все раненые, то дворь и все лестницы, ведущие въ монастырь, были окрашены кровью раненых, почему и монастырь сталъ называться "Кармир ванкъ", т.е. Красный монастырь. Впрочемъ, некоторые называютъ этотъ монастырь Астапатскимъ, такъ какъ онъ расположенъ в 3-х верстахъ от села Астапат. Монастырь этотъ построенъ въ честь архидиакона первомученика св. Стефана, недалеко отъ древняго города Храмъ, лежащего нынѣ в развалинахъ, о которомъ пишетъ историкъ армянский Моисей Хоренский во главе XXX», там же, с. 54.

⁴²⁶ «Les habitans du bourg sont tous Armeniens. Ils y ont deux Eglises... Le fleuve passe au pied des maisons du bourg», см.: Voyage du Sieur Paul Lucas au Levant, t. 2, p. 23.

⁴²⁷ Le grand vocabulaire françois: contenant l'explication de chaque mot...., P., 1768, t. 3, p. 150; Denis Diderot, Encyclopédie ou dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers, Genève, 1777, t. 3, p. 632.

⁴²⁸ Аббас-Мирза (20 августа 1789 – 25 октября 1833) – государственный деятель Ирана, с 1816-го – наследник престола.

⁴²⁹ И. Шопен, Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху её присоединения к Российской империи, с. 325.

Относительно месторасположения Аббас-Абада Беланже ссылается на Морьера, который в своих догадках основывается на предположениях британского военного, дипломата и историка, участника посольств Дж. Малькольма в Персию (1801) Уильяма Монтейта (1790–1864). «Возможно, Аббас-Абад, – пишет Беланже, – построен на месте Артаксаты (Artaxata), которую часто путают с руинами Ардашара (Ardachar)»⁴³⁰.

Что касается оценки Морьером этой крепости, то он убежден, что это строение могло бы стать мощным, если бы следовали предложенному плану. Однако из-за свойственного персам метода вести строительство – большие камни закладывались не в основание, а сверху, приходилось заново возводить стены. Упоминает он и расположенную в центре крепости армянскую церковь, превращенную персами в пороховой склад⁴³¹.

Комментарии Морьера по поводу неправильной манеры строительства персиян, видимо, были заимствованы автором «Статистического описания Нахичеванской провинции» («Аббас-Абад построен по плану инженерных французских офицеров, бывших при посольстве генерала Гордона; если бы этот план персияне исполнили с точностью и европейским искусством, то крепость сия могла бы противустоять сильнейшей осаде»)⁴³².

Использовал автор и введенную Морьером в литературный обиход информацию о месторасположении Аббас-Абада. «На том месте, которое занимает теперь крепость, – находилось прежде селение Ардахта, со многими старинными памятниками.... По мнению ученых, город Ардахта есть Ардаксата древних греков...»⁴³³.

Аббас-Абадской крепости касается и участник крымской войны, военный историк В. А. Потто: «Аббас-Абад построен на месте старинной крепости, разрушенной «львом Ирана», Шах-Аббасом, в то время, когда его непобедимые полчища внесли опустошение во всю Армению. Эпоха, в которую построена была эта старая кре-

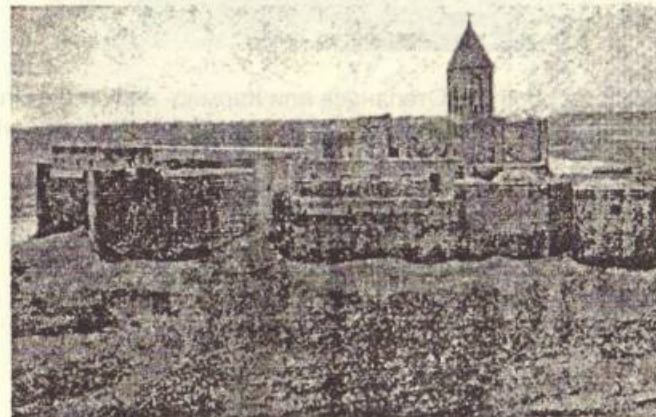
⁴³⁰ Charles Belanger, Voyage aux Indes - orientales, pendant les années 1825 – 1829, P., 1838, p. 270.

⁴³¹ «Au centre s'élève une église arménienne, très-haute, que les Persans ont convertie en un magasin à poudre», см.: Jacques Morier, Second voyage en Perse, en Arménie et dans l'Asie mineure, t. 2, p. 235.

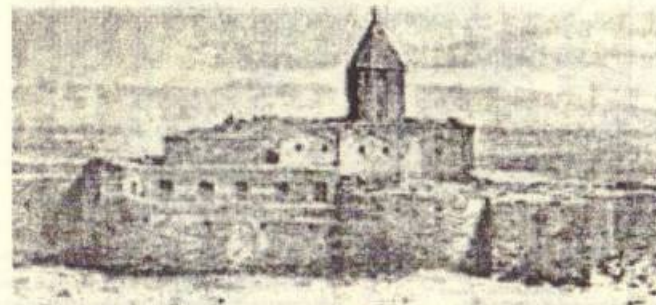
⁴³² В. Н. Григорьев, Статистическое описание Нахичеванской провинции, СПб., 1833, с. 71.

⁴³³ Там же.

пость, забыта; известно только, что в средние века Христианского летосчисления лежало на ее месте большое селение Асдабад, а в XIV веке здесь был знаменитый армянский монастырь Банширванк, «Красный монастырь», о котором часто упоминается в армянской истории. Теперь на месте древнего Асдабада стояла новая крепость, небольшая, но выстроенная уже под руководством английских инженеров, по образцу европейскому»⁴³⁴.

Астапатский «Красный монастырь» Св. Степаноса (из книги Г. Алишана «Сисакан»).

Из книги «Сборник материаловъ для описания местностей и племень Кавказа», выпуск 27, Тифлисъ, 1900.

⁴³⁴ В. А. Потто, Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях, т. 3, Персидская война 1826 –1828 г., выпуск III, (2-е изд.), СПб., 1888, с. 344.

Астапатский монастырь Св. Степаноса или Кармир- ванк (из книги Аргам Айвазяна «Армянские памятники Нахичеванской АССР», Ереван, 1986).

Из книги В. А. Потто «Кавказская война», т.3.

Аббас-Абад на карте Нахичеванского ханства.

Из книги Аргама Айвазяна, «Армянские памятники Нахичеванской Автономной Республики».

Из Астапата путешественники, продвигаясь по опоясанной горами долине, подошли к Старой Джульфе (Julfa le vieux). Как и посетившие этот город его предшественники, Поль Лука обращается к истории разрушения города Шах-Аббасом, депортации населения в предместье Исфахана.

Поль Лука дает также описание города: «Старая Джульфа расположена амфитеатром у подошвы отвесной скалы, так что приблизиться [к городу] с этой стороны почти невозможно, у подножья протекает Аракс; на вершине горы расположен большой четырехугольный столп из белого камня с надписью, которая гласит, что это великий Шах-Аббас разрушил город и вывел оттуда всех жителей»⁴³⁵.

⁴³⁵ «L'ancienne Jolfa étoit bâtie en amphithéâtre au pied d'une montagne si escarpée, qu'il auroit été impossible d'y approcher de ce côté-là. L'Araxe passe à son pied; et il y a sur le haut de la montagne une grande colonne de pierre blanche quarrée, avec une inscription qui marque que c'est le grand Cha Abdas qui a détruit la Ville, est qui en a emmené tous les habitants», см.: Voyage du Sieur Paul Lucas au Levant, t. 2, p. 23.

Из Старой Джульфы выселили не только жителей, но вывезли также предметы искусства, вплоть до церковных колонн. Так, описывая дворец Шехель Сотун (Chehel-Sitoun)⁴³⁶ персидского шаха Аббаса II в Исфахане, Джеймс Морьер отмечает, что купол в шахской бане поддерживали колонны из армянских церквей Джульфы⁴³⁷.

Для строительства новых сооружений использовали едва ли не все, что попадало под руку, даже надгробные камни. И это стало нормой, руководящим началом. Так, при возведении крепости Аббас-Абад «эскарп⁴³⁸ и контр-эскарп⁴³⁹ были выложены почти одними надгробными камнями, взятыми с находившегося близ древнего кладбища»⁴⁴⁰.

Словесная формула «Старая Джульфа расположена амфитеатром» стала расхожей в записках путешественников. С чьей руки она прочно вошла в литературный обиход, ныне трудно установить. До Поля Лука она употреблялась Франсуа Пуле в его «Новых путешествиях в Левант». Пуле отмечает также, что «все дома в Джульфе каменные, что является редким явлением в Персии»⁴⁴¹.

Жак Виллот при описании расположения Астапата также прибегает к этой метафоре «Город [состоит] из трех тысяч домов, расположенных амфитеатром в виде полумесяца вдоль берегов Аракса, с хорошо укрепленной крепостью на отвесной скале»⁴⁴².

Равным образом и Шарль Беланже использовал это образное сравнение: «Старая Джульфа построена амфитеатром на склоне

⁴³⁶ Шехель Сотун или Дворец сорока колонн был построен в XVII в. по велению шаха Аббаса II.

⁴³⁷ «La coupole est supportée par les colonnes que l'on a prises dans les églises arméniennes de Julfa», см.: Jacques Morier, Voyage en Perse, en Arménie, en Asie Mineure et à Constantinople et fait dans les années 1808 et 1809, P., 1813, t.1, p. 240.

⁴³⁸ Эскарп – крутой внутренний откос рва долговременного или полевого укрепления.

⁴³⁹ Контрэскарп, контр-эскарп – искусственно срезанный под большим углом край склона или берега реки высотой не менее 2–2,5 метра, обращенный передней частью к обороняющимся.

⁴⁴⁰ Статистическое описание Нахичеванской провинции, с. 72.

⁴⁴¹ Pouillet, Nouvelles relations du levant, P., seconde partie, 1668, p.159.

⁴⁴² «Une ville de trois mille maisons rangées en amphithéatres et en forme de croissant le long des bords de l'Araxe, avec un fort château sur un roc escarpé», см.: Jacques Villotte, Voyages d'un missionnaire de la Compagnie de Jesus, en Turquie, en Perse, en Arménie, en Arabie, et en Barbarie, P., 1730, p. 187.

горы, вдоль реки. Если верить армянским историкам, она была некогда значимым городом»⁴⁴³.

Переправившись на большом судне через Аракс, Поль Лука и его спутники продолжили путешествие, и после пятичасового пути расположились лагерем в долине, где было удивительно большое количество могил, покрытых плитами из красивого прозрачного алебастра, залежи которого находились в соседних горах. Местные жители сообщили ему, что это могилы убиенных на этом поле во время битвы персов с турками.

Следующая остановка – город Маранд, «расположенный у подножья невысокой горы и состоящий из трехсот домов».

И конечно же, Поль Лука отмечает, что Маранд – город, в котором, по уверению армян, похоронен Ной⁴⁴⁴.

Поль Лука продолжил свое путь по персидской земле. Мы же городом Марандом завершим наше путешествие.

Мы попытались проследить за передвижением путешественника по Нахичеванскому краю. Путешествие Поля Лука несколько разнится от путешествий его предшественников – Тавернье и Шардена. Их объединяет разве что маршрут и род занятий. Однако, если Тавернье уделял большое внимание названиям и расположению пройденных местностей, а Шарден проявил себя как путешественник-интеллектуал и ориенталист-обозреватель, интересующийся многими сферами жизни, то Поль Лука прежде всего рассказчик, заостряющий внимание на легендарном материале и зачастую пренебрегающий подробным описанием маршрута. Легенды и предания его интересуют не с точки зрения фольклорного наследия, а как развлекательный материал. К ним у автора «Путешествия в Левант» несколько скептически-ироническое отношение. Отсылая читателя к трансляторам информации, он то и дело ставит под сомнение полученные сведения («по уверению армян», «согласно местной побасёнке», «много сказок сочинили армяне об этой горе [Арарат]», «легенда [о Св Акопе], которая мало заслуживает вероятия»).

Поль Лука не только обстоятельно пересказывает услышанные легенды, но также вносит дополнительные штрихи в фабулу, сдабривая ее новыми деталями и делая ее тем самым, по его ра-

⁴⁴³ Charles Belanger, Voyage aux Indes - Orientales pendant les années 1825 à 1829, t. 2, p. 270.

⁴⁴⁴ «Lea Arméniens assurent et veulent que Noé soit enterré dans cette ville», см.: Voyage du Sieur Paul Lucas au Levant, t. 2, p. 26.

зумению, более занимательной. Так, преподнося читателю легенду о восхождении Святого Акопа Мцбнеци на гору Арарат, введенную в литературный обиход в V веке Фавстосом Бузандом, Поль Лука отправляет монаха в путь, снабжая его в дорогу «котомкой с хлебом и бутылкой водки» («il ne se munit que d'un sac de pain et d'une bouteille d'eau de vie»)⁴⁴⁵. Подобное «снаряжение» не может не вызвать недоумения у читателя, знакомого с регламентированным церковью рассказом о святом. Воссоздавая текст, рассказчик, безусловно, допустил некоторую отсебятину: сохраняя сюжетный каркас, он решил обогатить рассказ деталями, дополняющими историю восшествия святого.

Или, подробно пересказывая историю обращения Трдата в кабана и заточения Св. Григория в Хор-Вирапе (Puits de Saint Grégoire. Roy d'Arménie changé en cochon), он вновь переиначивает поведанную Агатангелосом историю: Св. Григория он выволакивает из ямы при помощи не веревок, а корзины, причем Святой требует сначала вынести ядовитых тварей, погрузив их в корзину, и затем, отпустив их на волю, в той же корзине поднять его самого⁴⁴⁶.

Что касается Нахичевана, то и здесь он не обходится без украшательства. В историко-географический контекст повествования вкраплен материал мифологического характера. Вместе с тем путешествие по Нахичеванской земле полно приключений. Без происшествий и злоключений не обходится ни один отрезок маршрута путешественника⁴⁴⁷. Они, как и введенный в текст легендарный материал, призваны сделать повествование более занимательным и захватывающим. Так, по дороге в Нахичеван угроза быть ограбленными, о которой их предупредил проводник, заставила путешественников свернуть с пути, пересечь долину, кишашую ящерицами-круглоголовками, укусы которых ядовитее укуса змеи, пройти

⁴⁴⁵ Там же, т. 2, с. 16.

⁴⁴⁶ Там же, с. 19.

⁴⁴⁷ Особенно впечатлял читателей рассказ о схватке отважного Поля Лука с разбойниками, с которыми он легко справился. Караван-баши, усекнув голову убитого Поля Лука разбойника и нанизав ее на копье, водрузил его у входа в шатер Поля Лука с криками: «Слава, слава избавителю каравана». Это приключившееся с отважным путешественником происшествие приводит в дальнейшем и Жак Виллот, который отмечает, что весть об этом «приключении распространилась по всей стране, и все восславили имя Поля Лука и его нацию», см.: Jacques Villotte, Voyages d'un missionnaire de la Compagnie de Jesus, en Turquie, en Perse, en Arménie, en Arabie, et en Barbarie, P., 1730, p. 33.

мимо очень отвесной скалы в форме головы сахара, о которой сказывают забавные байки – обо всём этом путешественник даёт подробные сведения, и лишь несколько строк посвящает городу Астапату, делая акцент на описании красоты астапатских женщин, которых поставляли для шахского гарема.

Итак, мы проследили за путешествием по Нахичеванскому краю, и, частично по Армении, трех путешественников: Жан-Батиста Тавернье, Жана Шардена и Поля Лука. Путешествующих объединял род деятельности – все они направились на Восток с торговыми целями, а также принадлежность к определенному сословию – все трое были выходцами из семей торговцев и ювелиров. Продвигаясь по проторенному караванному пути, посещая примерно те же города, села, церкви, переплывая вброд одни и те же реки, пересекая те же равнины и глубокие ущелья по соседству со святой горой Арарат и расположенной в центре гавара Ернджак священной горой Оцасар – символом Нахичевана, они воспринимали и описывали раскрывающуюся перед ними действительность и похоже, и одновременно не похоже друг на друга. Следуя в основном одним и тем же маршрутом, путешественники, помимо коммерческих интересов и в зависимости от своих личных пристрастий, ставили перед собой различные цели и задачи. Так, Тавернье уделял большое внимание описанию маршрута, исправно указывал названия всех пройденных местностей, Шарден делал акцент на реалиях историко-культурологического характера, Поль Лука в центр повествования ставил развлекательный материал мифологического характера, а также хронику приключений, произошедших с ним в пути. Однако подобный подход путешественников не исключал включения в повествование разнохарактерного материала. Путешественники, одни в большей степени, другие в меньшей, касались вопросов, связанных с историей, топографией, политической ситуацией, бытом, обычаями, культурой, религиозной ориентацией стран и народов. Выходя за границы своего мира, социума, привычной им культуры, они были нацелены на поиск нового, необычного. Переполненные потоком новой информации, они спешили зафиксировать и преподнести читателям различные стороны жизни народов Востока, включая армян. Здесь уместно говорить и о таком качестве личности, как любознательность. Все путешественники, безусловно, обладали тягой к путешествиям и переменам, с желанием ознакомиться с реалиями иного, не западного мира, однако от степени их любознательности зависел диапазон охвата информации.

Эта черта личности толкала странствователя на поиски новых маршрутов, она способствовала более детальному описанию увиденного, делала рассказ более насыщенным информацией и более красочным. Вспомним хотя бы довольно рискованный путь, проделанный Тавернье, чтобы увидеть монастырь первомученика Св. Степаноса (монастырь Дарашамба). Несмотря на труднодоступное расположение монастыря, этот неутомимый путешественник посетил его дважды и оставил нам детальное описание монастыря и хранившихся в нем реликвий.

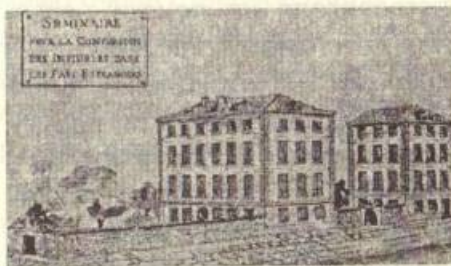
Большое значение имеет способность путешественника воспринимать новое, вживаться в среду, вникать в другую культуру. Так, Шарден настолько проникся персидской культурой, что Dirk van der Cruysse нарек его «Шарденом Персиянином» («Chardin le Persan»). Что касается Тавернье, то панорама Еревана настолько легла ему на сердце, что, как было отмечено, купив в 1670 году замок в Швейцарии, в Обоне, он говорил, что Обон по своему расположению напоминает ему Ереван, горы вокруг Еревана – Альпы, а сама Армения походит на Швейцарию – «страну долин».

«Благородное желание ездить по свету» («Le noble désir de courir le monde») – так озаглавил тот же Dirk van der Cruysse свою монографию, посвященную путешественникам XVII века. В чем заключалось это благородство? В заключении торговых сделок, в поставке предметов старины для Королевского Двора или же в деле развития ориентализма? Вопрос для нас остается открытым. Что касается благородной деятельности миссионеров в деле насаждения католичества, то и на этот вопрос нет однозначного ответа. Благородство подобной деятельности следовало бы рассматривать не только с позиции Запада, но и Востока.

О путешественниках – католических миссионерах речь пойдет в следующей подглаве.

НАХИЧЕВАН В ЗАПИСКАХ ЕВРОПЕЙСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ-МИССИОНЕРОВ 1650–1700 ГОДОВ

В XVII веке на Восток потянулись не только негоцианты, но и миссионеры. В 1658 году было организовано Парижское общество заграничных миссий, которое объединяло католических миссионеров (духовных лиц и мирян), желающих работать в странах Азии.

Париж. Семинария для подготовки миссионеров.

Париж. Здание Конгрегации «Пропаганды веры».

За век до образования этого общества – в 1534 году, Св. Игнатием Лойолой был основан и в 1540 году буллой Римского папы Павла III «Regimini militantis Ecclesiae» утвержден католический орден монашествующих регулярных (уставных) клириков – «Общество Иисуса».

Почти век спустя – 22 июня 1622-го года, буллой *Inscrutabili divinae providentiae* папы Григория XV была создана Конгрегация «Пропаганда веры» (*Sacra Congregatio de Propaganda Fide*), задача которой состояла в подготовке миссионеров и координации миссионерской деятельности. Фактически, создание Конгрегации пропаганды было призвано служить тем же целям, что и орден Иезуитов, и быть столь же жестко централизованной организацией, как и «Общество Иисуса». ставившего своей основной задачей защиту и расширение влияния Римско-католической церкви.

Мы остановимся на записках путешествий двух представителей ордена «Общество Иисуса»: «Путешествия и миссии Александра де Рода в Китай и другие страны Востока» («*Divers voyages et missions du P. Alexandre de Rhodes en la Chine et autres royaumes de l'Orient, avec son retour en Europe par la Perse et l'Arménie...*») и «Путешествие миссионера общества Иисуса в Турцию, Персию, Армению, Аравию и Берберию» («*Voyages d'un missionnaire de la Compagnie de Jesus, en Turquie, en Perse, en Arménie, en Arabie, et en Barbarie*») Жака Виллота. Обратимся также к миссионерской деятельности консула Алеппо Франсуа Пике, примкнувшего к конгрегации «Пропаганды веры», жизнеописание которого было написано на основе ряда документов, главным образом, его писем с Востока («*La vie de Messire François Picquet, consul de France et de Hollande a Alep*»), в частности, переписки с Лораном д'Арвиё («*Mémoires du chevalier d'Arvieux contenant ses voyages à Constanti-*

porle»), удостоенного папской грамоты «Великодушный попечитель Католической церкви Востока».

Александр де Род (1591 г. – 1660 г.)

В 1650-ом году на организацию миссионерского общества получил благословение от Климента X иезуит Александр де Род. В 1653-м году он вместе с Франсуа Паллю, Пьером Ламбером де Ла Моттом и Игнатием Котоленди основал Парижское общество заграничных миссий.

Будучи монахом-иезуитом, Александр де Род (Alexandre de Rhodes, 1591, Авиньон, Франция – 1660, Исфахан, Иран), вступил в 1612 году в мужской духовный орден Римско-католической церкви. Им была развернута широкая миссионерская деятельность в Индокитае, преимущественно во Вьетнаме. Вместе с тем он был одним из организаторов апостольских миссий на Восток и в Персию.

Следует отметить, что по убеждению членов «Общества Иисуса» наиболее удобным местом для осуществления католического проникновения в армянскую среду был город Исфахан и его предместье Новая Джульфа. С ними и с близлежащими местностями и связана в основном деятельность монаха- иезуита Александра де Рода.

В феврале 1648-го года он отправляется в Персию. Во время этого путешествия в сентябре 1648-го года он посещает Ереван, делится своими впечатлениями о горе Арарат. Касается он и значительного торгового центра на караванном пути между Востоком и Западом – города Джульфа. Остановимся подробнее на его маршруте по Армении, включая Нахичеван.

Из Сурата, расположенного на западе Индии, путешественники (Александра де Рода сопровождал до Смирны Преподобный отец Зенон и отец Торкуато Паризиано) направились в Персию. В Персии ими было принято решение «пересечь всю Персию, Мидию, Две Армении, Анатолию вплоть до Смирны»⁴⁴⁸. Путь его лежал че-

⁴⁴⁸ Alexandre de Rhodes, *Divers voyages et missions du P. Alexandre de Rhodes*

рез Ормуз, Шираз, где ему довелось встретиться с посетившим многие страны Востока, включая Армению, известным путешественником Франсуа де Ла Буле-Ле Гузом, с которым его связала крепкая дружба. Последний, объездивший Восток под именем Ибрагим-бек, под воздействием Александра де Рода предстал перед Людовиком XIV в персидском одеянии⁴⁴⁹.

13 апреля 1648-го они достигли «главного города Персии – Исфахана (*Aspaan*)». Наиболее примечательным местом города, по мнению Александра де Рода, была дорога, ведущая в Новую Джульфу, куда Шах-Аббасом были переселены армяне.

Как известно, в этом городе широко развернули деятельность католические миссионеры. Тем не менее Александр де Род сокрушается, что «в этом огромном сходбище народов со всего мира было мало католиков». Разве что три церкви католиков: монастырь Августинцев, построенный при содействии короля Португалии, церковь ордена босых кармелитов и церковь капуцинов, радовали глаз и грели душу. Он с удовлетворением отмечает, что в этом городе «монахи шести орденов беспрепятственно шествуют в своем католическом церковном облачении, свободно отправляют мессу, церковную службу и проповедуют, как [проповедовали] бы в городах Европы, где господствует католичество»⁴⁵⁰.

Что касается армян Персии, то среди них, отмечает путешественник, есть и схизматики, и еретики и евтихианцы⁴⁵¹. Де Род убежден, что их можно «смело избавить от заблуждений». И далее: «В Персии много [армян], их едва ли не столько, сколько самих персов, ибо Шах Персии Аббас (*Sciabus*), ведя войну с Великим султаном, из боязни, что армяне вступят с ним в заговор, и дабы предотвратить это, вывел [армян] из их земель, чтобы поселить их в своих областях»⁴⁵².

en la Chine et autres royaumes de l'Orient, avec son retour en Europe par la Perse et l'Arménie..., P., 1653, troisième partie, p. 51.

⁴⁴⁹ См. с. 137.

⁴⁵⁰ Alexandre de Rhodes, Divers voyages et missions..., troisième partie, p. 58.

⁴⁵¹ Евтихианец – приверженец учения Евтихия – константинопольского пресвитера и архимандрита, основателя ереси евтихианства. Его имя впервые упоминается на Эфесском соборе 431 года, где он выступал в качестве оппонента Нестория. Впоследствии стал основателем монофизитства.

⁴⁵² «On les peut faire quitter leur erreur, sans rien craindre, et toute la Perse en est si remplie, qu'on en voit quasi autant que de Persans mesmes, parce que le Roy de Perse Sciabus faisant la guerre contre le grand Seigneur, eut crainte que les Armeniens ne se missent de son party, et pour l'empescher cela, il les

Как видим, Александр де Род смотрит на события 1605 года несколько под другим углом зрения, отличным от общепризнанной трактовки произошедшего, иначе истолковывает движимые персидским шахом мотивы по депортации армян. Вместе с тем он пытается дать объективную картину бытия армянского населения после выдворения из своей исторической родины и поселения на персидских землях. С одной стороны, он констатирует, что Шах-Аббас предоставил армянам для проживания города Персии, отмечает существование Новой Джульфы, где обитает большое количество армян, которые имеют здесь прекрасно украшенные церкви и которым предоставлена полная свобода вероисповедания. С другой стороны, он замечает, что с ними плохо обращаются, наложенные на них подати разоряют их. В случае, если эти несчастные не в состоянии были их выплачивать, их «забивали до смерти палками, или заставляли отречься от веры во Христа, что, увы, происходило довольно часто»⁴⁵³.

В довершение всего, сокрушается Александр де Род, «эти бедные невольники терпели еще более невыносимым мучения»: наиболее красивых детей отрывали от родителей и держали в заточении в шахском дворце. Что касается веры, то они должны были исповедовать только магометанство и никакую другую религию⁴⁵⁴.

После пояснения особенностей вероисповедания армян и их суровых постов, которые поражали почти всех без исключения путешественников, Александр де Род возвращается к описанию своего маршрута из Исфахана через Мидию в Верхнюю Армению (*l'Armenie Superieure*).

Прождав три месяца в Исфахане каравана армян, без которых, по его убеждению, пересечение земель было бы сопряжено с опасностями, вдобавок – во избежание неприятных инцидентов со стороны турок по совету друзей перерядившись в армянский костюм, с караваном числом в сто пятьдесят человек двадцать вось-

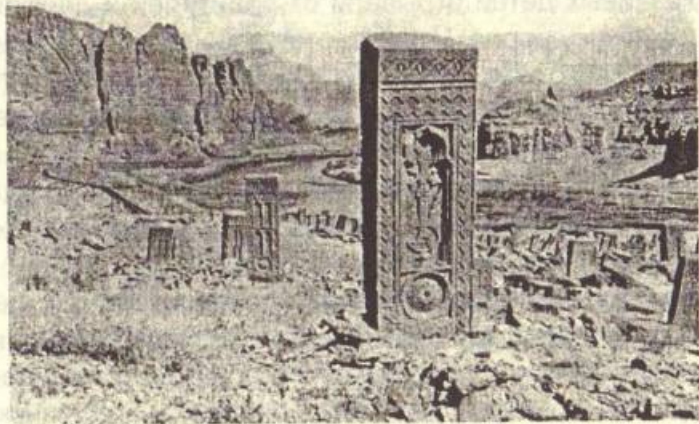
fit sortir de leur terre pour les loger dans ses Etats,...», см.: Alexandre de Rhodes, Divers voyages et missions..., troisième partie, p. 59.

⁴⁵³ «On les tourmente à coups de bastons, jusques à ce qu'ils rendent l'ame, ou quittent la Foy de Jesus-Christ: ce qu'ils ne font, hélas! que trop souvent», там же, с. 60.

⁴⁵⁴ «Ces miserables exercent une autre tyrannie bien insupportable envers ces pauvres esclaves; ils choisissent les plus beaux enfans qu'ils ayent, ils les enferment dans le Palais de leur Roy, sans qu'ils puissent jamais connoistre leur parens, ny faire proffession d'autre Religion, que de celle de Mahomet», там же.

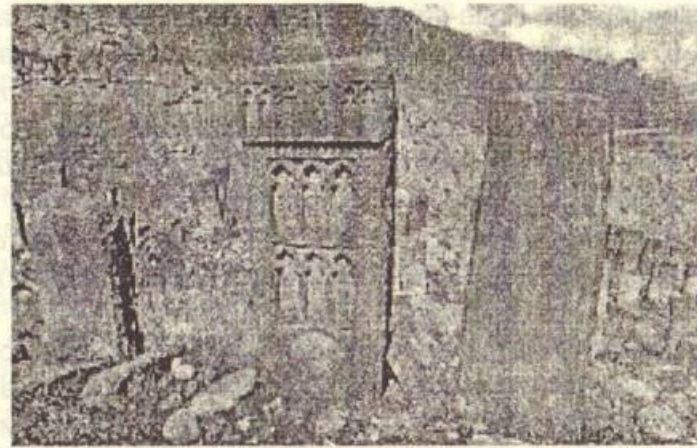
мого июня, в День святых апостолов Петра и Павла, он двинулся в путь и спустя месяц прибыл в «Тавриз, так называемую древнюю Экбатану, столицу Мидийского царства (ancienne Esbatana, la capitale du Royaume de Medie)»⁴⁵⁵. Покинули город в день праздника Успения Пресвятой Богородицы и через несколько дней достигли Верхней Армении, «главного города Армении – Старой Джульфы, опустошенного Шах-Аббасом»

«...Старая Джульфа – некогда столица Армении, была опустошена недавно (как я говорил) шахом Персии. За стенами этого, превращенного ныне в пустыню города я увидел удивительный памятник [свидетельствующий] о древнем благочестии армян. На просторном поле находились по крайней мере десять тысяч прекрасно сделанных могил из мрамора. Над каждой могилой возвышается камень белого мрамора в двенадцать футов высотой и восемь шириной, на котором вырезаны несколько прекрасных изображений, с большим крестом сверху. Такое большое количество мрамора представляло собой впечатляющее зрелище»⁴⁵⁶.

⁴⁵⁵ Шарден также считал, что Тавриз – это Древняя Экбатана.

⁴⁵⁶ «... Julfa-l'Ancienne, qui était la capitale de l'Arménie, depueplée depuis peu, comme je disais, par le roi de Perse. Hors des murailles de cette ville, qui maintenant n'est qu'un désert, je vis un bon monument de l'ancienne piété des Arméniens. C'est une campagne fort étendue, où il y pour le moins dix mille tombeaux de marbre, merveilleusement bien travaillés. Sur chacun on voit une grande pierre de marbre blanc de douze pieds de hauteur, et huit de large, gravée de plusieurs belles figures, et au-dessus une grande croix. Cette grande quantité de marbre est fort belle à voir», см.: Alexandre de Rhodes, Divers voyages et missions....., troisième partie, p. 63.

Хачкары. Кладбище Джуги.

В Старой Джульфе путешественник познакомился с неким армянским вардапетом⁴⁵⁷, построившим на близлежащей горе церковь, которую настоятельно предлагал Александру де Роду посетить. Он упрашивал его пожить у него пару месяцев и обещал сопроводить его в Рим. Однако, как пишет де Род, ему было безопаснее передвигаться со «своим караваном армян». Это решение помогло ему избежать участи вардапета. «Словно Бог взял меня под свое покровительство», – замечает путешественник, ибо турки на следующий день после его отъезда напали на дом священника, ограбили его и убили всех там находящихся людей.

Покинув Старую Джульфу, Александр де Род вместе с караваном в начале сентября 1648-го года прибыл в «главный город Армении под названием Ереван (Irvan), расположенный у подножья той самой горы, на которой опочил ковчег Ноя, сказывают что на вершине той горы остались остатки от ковчега,.... однако я с трудом в это верю, поскольку говорят, что никто не в состоянии к ней приблизиться». Его сомнение еще больше усугубляют слова некоей «важной особы» («grave personnage»), уверявшей, «что у подножья горы, где, как считают, Ной устроил жертвенник [Господу], имеется место, где можно увидеть деревья, на которых вместо плодов – кресты»^{458, 459}.

⁴⁵⁷ Вардапет (арм. Վարդապետ) – учёный монах, обладавший правом проповедовать и наставлять паству.

⁴⁵⁸ Г. Алишан в «Древних верованиях армян» приводит легенду о «Чудесном растении» («Срез этого растения имеет форму креста»), которое отдален-

Александра де Рода сопровождал крещенный в Макао⁴⁶⁰ юноша-китаец, в компании которого он намеревался направиться в Рим. Однако его друзья армяне (*quelques arméniens, mes amis*) посоветовали ему не продвигаться далее, ибо этого юношу турки могли принять за татарина и задержать. Тогда де Род пошел за советом к архиепископу-католику из ордена Св. Доминика «в город Нахичеван, расположенный на расстоянии четырех миль от Еревана, где, как говорят, было первое местожительство людей после потопа».

Было решено оставить китаец в доминиканском монастыре, и только по истечении шести месяцев сопроводить его в Рим. За это время китаец настолько хорошо овладел армянским языком, что при пересечении им турецких земель в сопровождении отцов доминиканцев у турок и в мыслях не было принять его за татарина. Спустя шесть месяцев, в начале тысяча шестьсот пятидесятого года, он, как было договорено, прибыл в Рим, где состоялась его встреча с Александром де Родом⁴⁶¹.

Воссоздавая маршрут своего путешествия, Александр де Род переходит к описанию «самого известного монастыря во всем царстве, расположенного на расстоянии трех лье от Еревана, куда идут на богомолье со всей страны».

Этот монастырь является резиденцией Патриарха Армении⁴⁶², который есть «Папа в их стране, он исповедует католичество⁴⁶³, хотя отвержен всем заблуждениям стран», он вел переговоры по присоединению к Римской католической церкви, «однако его отвергли от доброго намерения»⁴⁶⁴.

Александр де Род был потрясен, с каким благоговением народ относился к Патриарху. Он был свидетелем, как по возвращении из небольшого путешествия Патриарха торжественно, под колокольный звон, сопровождала толпа с горящими факелами, во главе с духовенством. Де Род отмечает, что это единственный монастырь

но напоминает описываемое Александром де Родом дерево (см.: А. Ганаланян, Армянские предания, с. 109).

⁴⁵⁹ Alexandre de Rhodes, Divers voyages et missions..., troisième partie, p. 64.

⁴⁶⁰ В Макао была развернута широкая миссионерская деятельность. Здесь находилась церковь Св. Павла, построенная в 1602-ом году.

⁴⁶¹ Alexandre de Rhodes, Divers voyages et missions..., troisième partie, p. 64–66.

⁴⁶² Речь идет об армянском католикосе Филиппосе I (1633–1655).

⁴⁶³ Александр де Род имеет в виду христианское вероисповедание.

⁴⁶⁴ Alexandre de Rhodes, Divers voyages et missions..., troisième partie, p. 68.

во всей стране, которому мусульманами было разрешено звонить в колокола.

Что касается взаимоотношений Патриарха и де Рода, то, как пишет последний: «[Патриарх] был так приветлив со мной, что я пытался неоднократно проводить с ним беседы о заблуждениях [армянской церкви], увы, все мои усилия были тщетны».

Александр де Род в связи с болезнью задержался в Ереване на три месяца. Пришлось дожидаться подходящей компании для дальнейшего путешествия, а оно обещало быть нелегким, ибо «нужно было пересечь Турцию, которая была наиболее трудной и опасной страной на всем моем пути».

Путешественники «покинули Верхнюю Армению (*L'Arménie Supérieure*), где персы неплохо обходились с путешественниками, чтобы вступить в области турецкие, где до такой степени отсутствует гостеприимство, что нас не впускали в города, так что мы вынуждены были спать в поле, прямо на снегу»⁴⁶⁵.

Через восемнадцать дней у путешественников появилась возможность увидеть «самый красивый и самый известный город Нижней Армении (*Basse Arménie*)»⁴⁶⁶ – Эрзерум (Arzurum).

11-го января 1649-го года, после пятнадцатидневного пребывания в Эрзеруме, Александр де Род и его спутники направились в Токат, куда прибыли 31-го января. Выйдя из Токата, они посетили село армян, которые в недавнем прошлом были христианами, однако ныне были обращены в мусульманство, и только трое, старик и две престарелые женщины, были крепки в своей вере.

Александр де Род сокрушается по поводу омусульманывания армян и объясняет это отходом от католицизма и неведением армянами латинских обрядовых традиций («эти несчастные армяне, среди которых, после того, как они отделились от Папы, господствует неведение относительно наших таинств, с легкостью отрекаются от Иисуса Христа, чтобы покориться Магомету»)⁴⁶⁷.

Далее путешественником приводятся данные по обращению армян в ислам: «Только в период царствования Шах-Аббаса около трех тысяч этих несчастных единожды отреклись от веры» («*qu'en une seule fois trois mille de ces misérables renoncèrent à leur Baptême, pendant le regne de Xabas Roy de Perse*»)⁴⁶⁸.

⁴⁶⁵ Там же, с. 71.

⁴⁶⁶ Там же.

⁴⁶⁷ Там же, с. 74.

⁴⁶⁸ К переходу в ислам склонял эдикт, изданный в 1629 году Шах-Аббасом I,

17-го марта 1649 года путешественник прибыл в Смирну, отсюда отплыл в Геную и далее направился в Рим. Таким образом завершилось путешествие, а вместе с ним и апостольская миссия на Восток и в Персию французского монаха-иезуита Александра де Рода.

Маршрут путешествия Александра де Рода проходил, как мы могли убедиться, и по Нахичевану. Он посетил и Джульфу. Еще до прибытия в этот город он был в курсе трагических событий, имевших место в период царствования Шах-Аббаса. К тому же его дли-

по которому новообращенные мусульмане получали исключительные права на наследство своих родственников вплоть до 7-го поколения (позже сократилось до 4-го). При Аббасе II (1642 – 1666) этот эдикт был повторно утвержден. Вследствие этого ко второй половине XVII в. около 50 тысяч христиан перешли в ислам, см.: R. Waterfield, *Christians in Persia: Assyrians, Armenians, Roman Catholics and Protestants*: NY: Routledge, 2011, p. 69–70.

И. П. Петрушевский отмечает «одну своеобразную повинность, от которой больше всего страдало крестьянство, так как знать, духовенство и города, получившие от шаха привилегию налогового иммунитета (му'афи), освобождались от этой повинности так же, как и города и земли хассэ. Время от времени особые шахские указы обязывали население из податного сословия поставлять определенное число здоровых и красивых юношей и девушек. Юношей набирали главным образом из христиан-армян и грузин, и, принудительно обратив их в ислам, зачисляли либо в регулярный конный корпус гулямов, реорганизованный шахом Аббасом I, либо в ряды дворцовых пажей».

Девушек, в основном армянок и грузинок, отправляли в шахский гарем или отдавали в жены военным и знатным людям, см.: И. П. Петрушевский, *Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI – начале XIX вв.*, Л., 1949, с. 150–151.

Путешественник Жак Виллот с горечью повествует о приказе шаха отдавать в жены туркам армянских девушек, а армянских юношей женить на турчанках, что привело бы к омусульманиванию их потомков. Вот почему армяне женили и выдавали замуж своих детей с раннего возраста. В продолжение сказанного Виллот отмечает, что лишь обращенные в ислам армянские девушки и юноши после смерти родителей должны были унаследовать все их имущество (Jacques Villotte, *Voyages d'un missionnaire de la Compagnie de Jesus, en Turquie, en Perse, en Armenie, en Arabie, et en Barbarie*, p. 147–148).

Тема омусульманивания армян требует специального исследования. Мы будем касаться ее лишь попутно, в связи с комментариями по этому вопросу различных путешественников. Эта тема освещена в статье Меружана Карапетяна «Армянская католическая епархия и этно-конфессиональные процессы в Нахичеване в XVII-XVIII вв.» (на арм. яз.), <http://armenianhouse.org/zulalyan/european-authors/3.html>

тельное пребывание в Исфахане и в его предместье – Новой Джульфе, как и тесные контакты с представителями католических орденов (*монахи шести орденов*) и армянскими духовными лицами содействовали получению более подлинной и разносторонней информации.

Что касается Джульфы, то он оставил нам описание Джульфинского кладбища 1648-го года. Это, пожалуй, одно из первых упоминаний европейцами этого кладбища, представляющего комплекс ценных памятников. Александр де Род упоминает число этих хачкаров – 10 000 «*каменной белого мрамора в двенадцать футов высотой и восемь шириной, на которых вырезаны несколько прекрасных изображений, с большим крестом сверху*».

Был он по своим делам и в Нахичеване – «*первом местожительстве людей после потопа*».

Однако не менее ценными были записи, касающиеся его знакомств с армянами. А знакомства эти были повсюду: и в караване «*своих армян*», которым он отдавал предпочтение всем другим сопровождающим, и в монастырской братии – с вардапетом, построившим церковь возле Джульфы и настоятельно просившим остаться у него погостить, и с армянами-католиками Нахичевана, взявшими под свою опеку его спутника-китайца, и с армянскими докторами богословия, навестившими его в Токате. По дороге в Эрзерум он встретил армянина, родом из Константинополя, которого в течение сорока дней безуспешно пытался обратить в католическую веру.

Особое место в повествовании занимает его встреча с Католикосом. Каждый раз, говоря об армянах, он отмечает приветливость, с которой они к нему относились (*il me fit tant de caresses; les Armeniens nous faisoient toutes les caresses qu'ils pouvoient*). Чисто по-человечески он им симпатизирует и сочувствует. Однако, как католический миссионер, сталкиваясь каждый раз с твердостью и непреклонностью армян в исповедании своей веры, он убеждается в тщетности попыток обращения их в лоно католической церкви. Отсюда, по его мнению, отчасти и все несчастья, павшие на долю армян.

Будучи монахом-иезуитом, Александр де Род обращался к вопросам, касающимся главным образом его миссионерской деятельности, смотрел на страну и людей под углом зрения их возможной католикизации. Однако миссию по "спасению" армян-схизматиков, судя по его рассказу, можно считать неудавшейся. Если осо-

бенность культуры Вьетнама, основанная на терпимости и готовности к восприятию всего нового, позволила Александру де Роду выработать эффективные методы по обращению населения в католичество, то подобная тактика обращения в католичество в Армении не срабатывала. Да и миссионер - европеец не особенно вдавался в изучение специфики армянской культуры и религии. Отсюда и разочарования путешественника относительно нереализованной так, как ему хотелось бы, миссии.

Умер Александр де Род 5 ноября 1660-го года в Исфахане и был похоронен на армянском кладбище. Могила его находится рядом с могилами католиков и так и не ставших католиками армян-схизматиков.

После его смерти управление миссией взял на себя отец Эме Шезо (Aimé Chezaud)⁴⁶⁹, который обосновался в Новой Джульфе, ставшей центром иезуитской миссии. Умер он в 1664-ом году, в Новой Джульфе и был похоронен, как и его соотечественник, Александр де Род, на армянском кладбище.

Жак Виллот (1656 г. – 1743 г.)

Жак Виллот – монах-иезуит, отправившийся в 1668-ом году на Ближний Восток, где провел почти двадцать лет, из них двенадцать – в предместье Исфахана, Новой Джульфе, где был настоятелем иезуитов. Долгие годы он вел активную миссионерскую деятельность в Эрзеруме. По всей Персии, включая Персидскую Армению, он прославился своим рвением и добрым нравом. Круг его интересов был велик. Он приобрел известность не только как автор путевых дневниковых записей «Путешествие миссионера общества Иисуса в Турцию, Персию, Армению, Аравию и

⁴⁶⁹ Aimé Chezaud известен также под именем *Le pere Abib. Abib (Habib)* на арабском означает *любимый=aimé*.

Берберию», но и как составитель объемного (772 страниц) «Нового латино - армянского словаря»⁴⁷⁰. Словарь этот представляет ценность и по сей день. Доказательством тому – его переиздания в 2011-ом, 2012-ом и 2015-ом годах. Следует отметить, что Виллот – не единственный миссионер, составивший армяно-латинский словарь. По инициативе и на средства, выделенные кардиналом Ришелье, иезуит отец Ривола в 1633-ом году составил армяно-латинский словарь⁴⁷¹.

Уроженец Калабрии, доминиканец Поль Пиромалли (Paul Piromalli), нареченный в 1655-ом году во епископы Нахичевана, также предпринял попытку составления подобного словаря⁴⁷².

Перу Жака Виллота принадлежат также «Комментарии к Евангелию» (*Commentarius in Evangelia = Meknič' Srboy Awetaranin*)⁴⁷³. Орден иезуитов считает его автором девяти работ, касающихся богословия, истории и лингвистики, включая справочники и трактаты, написанные на латинском, армянском и французском языках⁴⁷⁴.

Что касается описания его продолжительного путешествия, то оно было составлено в 1730-ом году одним из товарищей Виллота по ордену – Никола Фризоном (Nicolas Frizon), на основе рукописи, которую он частично подсократил и добавил свои собственные комментарии. Рассказ получился несколько сбивчивым и сумбурным как в плане преподносимой информации, так и маршрута путешествия. В повествование вкраплены отдельные сведения о быте, нравах, торговле стран, в которых побывал Жак Виллот, а также циркулирующие в регионах легенды и сказания.

В книге дается описание шестнадцати путешествий Жака Виллота на Восток в течение 1688–1709-ых годов. Повествование ведется в основном от третьего лица. Упоминания об Армении и армянах можно обнаружить на протяжении почти всех шестнадцати путешествий. Жак Виллот дает не только топографическое, но и историко-культурологическое описание армянского мира.

⁴⁷⁰ *Dictionarium novum latino-armenium ex praecipuis armeniae linguae ...*, P. Jacobo Villotte, Romæ, 1714.

⁴⁷¹ *Dictionnaire arménien-latin par Francisco Rivola, Ecclesæ, Orientalis, Lutetiæ Parisiorum*, 1633.

⁴⁷² *Nouveau dictionnaire hrstorique, ou Histoire abrégée de tous les hommes*, à Caen, 1786, tome VII, p. 95–96.

⁴⁷³ Jacques Villotte, *Commentarius in Evangelia = Meknič' Srboy Awetaranin*. Roma: Sacra Congregatio de Propaganda Fide, 1714.

⁴⁷⁴ Armenuhi Drost-Abgarjan – Bálint Kovács – Tibor Martí, *Catalogue of the Armenian Library in Elisabethopolis, Leipzig-Eger*, 2011, p. XXXI.

И конечно же, первенствующее место в его «Путешествии» занимает отображение религиозной ситуации, вопросов относительно заблуждений армян (перечисляет 12 заблуждений), а также воссоздание истории армянской церкви, ее патриархов (им приводится хронология правления армянских патриархов с I по XVIII век и их религиозная деятельность)⁴⁷⁵. Что касается миссионерства, то он дает исчерпывающие данные относительно центров деятельности миссионеров на Востоке⁴⁷⁶. Не обходит он вниманием и историю правления армянских царей (от рождества Христова до 1400-го года)⁴⁷⁷, подробно останавливаясь на периоде царствования каждого.

Особое место в повествовании занимает город Эрзерум⁴⁷⁸, который он посещал неоднократно, а также описание его миссии в этом городе, куда он прибыл в марте 1691-го года, заменив умершего настоятеля миссии отца Роша. В 1695-ом году, завершив в этом городе самоотверженную миссионерскую деятельность и «*попрощавшись со своей горячо любимой паствой, которую он наставлял на путь спасения в течение четырех лет*», он покинул город.

⁴⁷⁵ Список патриархов возглавляет Св. Фаддей, а включает Александр I.

⁴⁷⁶ «*В Исфахане* – отцы-августинцы из Португалии, отцы [ордена] босых кармелитов, отцы-капуцины из Франции. *В Джульфе*, предместье Исфахана, – отцы-доминиканцы, отцы-босые кармелиты, иезуиты. *В Тавризе* – отцы-капуцины из Франции. *В Шемахе* – отцы-иезуиты. *В Гяндже* – отцы-капуцины из Италии, отцы-иезуиты из Польши. *В Ереване* – отцы-иезуиты. *В Ширазе* – отцы [ордена] босых кармелитов. *В Бендер-Конге*, в Персидском заливе, – отцы-августинцы из Португалии. *В Абаранере* и в остальных шести селах области Нахичеван – отцы-доминиканцы. *В Эрзеруме* – отцы-доминиканцы. *В Грузии* – Тифлисе, Гори, Кутаиси, Хамадане – отцы-капуцины из Италии, миссионеры заграничных миссий», см.: Jacques Villotte, *Voyages d'un missionnaire de la compagnie de Jésus...*, p. 536 – 537.

⁴⁷⁷ Жак Виллот начинает отсчет с Хайка (Каусус) – «*правнука Ноя*», там же, с. 561–562.

⁴⁷⁸ Как было отмечено, он совершил шестнадцать путешествий, из которых десять так или иначе связаны с Эрзерумом: **первое** – «Путешествие из Марселя в Константинополь», **второе** – «Путешествие из Константинополя в Эрзерум», **третье** – «Путешествие из Эрзерума в Шемаху», **пятое** – «Путешествие из Исфахана в Эрзерум», **шестое** – «Путешествие из Эрзерума в Ереван», **седьмое** – «Путешествие из Еревана в Эрзерум», **восьмое** – «Путешествие из Эрзерума в Константинополь», **девятое** – «Путешествие из Константинополя в Эрзерум», **десятое** – «Путешествие из Эрзерума в Трапезунд», **одиннадцатое** – «Путешествие из Трапезунда в Эрзерум», **двенадцатое** – «Путешествие из Эрзерума в Ереван», **тринадцатое** – «Путешествие из Еревана в Эрзерум», **четырнадцатое** – «Путешествие из Эрзерума в Константинополь».

В своих непрерывных хождениях он посетил помимо Эрзерума множество армянских городов, сел, крепостей, включая Ереван, Эчмиадзин, Карс, Байбурт, Хасан-Кале, и оставил записи об их расположении, истории, населении, политической и религиозной ситуации. Имел он встречи и с армянами городов Шемаха, Гянджа, Трапезунд. Значительную ценность представляют его заметки по Исфахану и Новой Джульфе, в которой он прожил двенадцать лет (с 1696-го по 1708-ый год), работая в местной иезуитской миссии, что позволило достаточно глубоко изучить политическую, культурную, религиозную историю армянского народа, в том числе и современное состояние армянской церкви, которую он рассматривал «под формую заблуждения».

Широкая география его странствий по различным местностям Армении позволила проникнуть и во внутриэтническую специфику различных регионов, и соответственно выработать дифференцированный подход при общении с разными региональными группами, а также тактику проповедования и распространения католического вероисповедания посредством религиозно-просветительской деятельности. По его наблюдениям, «*армяне Эрзерума отличаются от всех остальных [представителей] наций кротким нравом и покорным духом*»⁴⁷⁹, вот почему, по его мнению, они легко отступают от схизмы. Сравнивая эрзерумских и джульфинских армян, он констатирует, что «*был приятно удивлен, обнаружив у молодых людей Персии более острый, гибкий, пронизательный и живой ум, нежели у детей Эрзерума*». Исходя из этого, он предложил новый подход в обучении джульфинских детей: внимание, по его убеждению, следует заострять не на письме, чтении и обучении молитве и принципам религии, как это обычно делалось в школах, а включить, как он и сделал, образовательные науки, как например, географию и астрономию, а также обучение грабару. В зависимости от предполагаемой карьеры одни желали включить в процесс обучения португальский, другие – итальянский. И, конечно же, поскольку они были нацией с предпринимательской жилкой, на благо коммерции детей следовало обучать арифметике, и т.д.⁴⁸⁰

Как видим, затронутый Виллотом круг вопросов, связанных с армянством, довольно обширен. Им можно посвятить не одно исследование. Однако нам следует обратиться к нашей непосред-

⁴⁷⁹ Jacques Villotte, *Voyages d'un missionnaire de la compagnie de Jésus...*, p. 50.

⁴⁸⁰ Там же, с. 424 – 426.

венной задаче – к пребыванию путешественника в Нахичеване и воссозданию его маршрута по этой области. Посетил он этот край во время своего пятого путешествия, когда направлялся из Исфахана в Эрзерум.

Пятого декабря 1690-го года Виллот с небольшим караваном отправился в Тавриз. По совету армянина он, во избежание нападения разбойников, примкнул к хорошо вооруженному эскорту грузинского князя Daout-Mirza. Дальнейший их путь лежал через Маранд (Maranda), жители которого «думают, что здесь умер и был погребен Патриарх Ной, они указывают место, где находится так называемая гробница»⁴⁸¹, Zonous, Аламдар (Halandar), Marazar (Մարազար)⁴⁸² – «село близ Аракса и Старой Джульфы – Ариаммен»⁴⁸³ древних (l'Arriamene des Anciens) – город, населенный наиболее богатыми армянами, где процветала крупная торговля».

Описанию Джульфы, как водится, сопутствует описание политики Шах-Аббаса в отношении джульфинцев. Джульфа предстает перед читателем до трансмиграции и разорения, и после. Виллот приводит также статистические данные относительно жителей Джульфы до их переселения в пределы Персии («в городе [было] три тысячи домов»).

Путешественники, перейдя Аракс, к ночи подошли к селу, «называемому турками Danouch-Peigamber»⁴⁸⁴, а армянами Stepanoïes Nahaughā, т.е. первомученик, именем которого и была названа церковь»⁴⁸⁵.

Сопровождавший Виллота грузинский князь остановился в «достаточно большом селе, населенном более тремястами армянскими семьями». Турецкое название села – Чалана⁴⁸⁶ (Dchalana),

⁴⁸¹ Там же, с. 185.

⁴⁸² Մարազար – село в Персармении, в Карадаге, на правом берегу Аракса.

⁴⁸³ Шарден также считает, что Старая Джульфа – это Ариаммен древних («que les Anciens appelloient Arriamene»), см.: Voyages du chevalier Chardin en Perse, et autres lieux de l'Orient, p. 303.

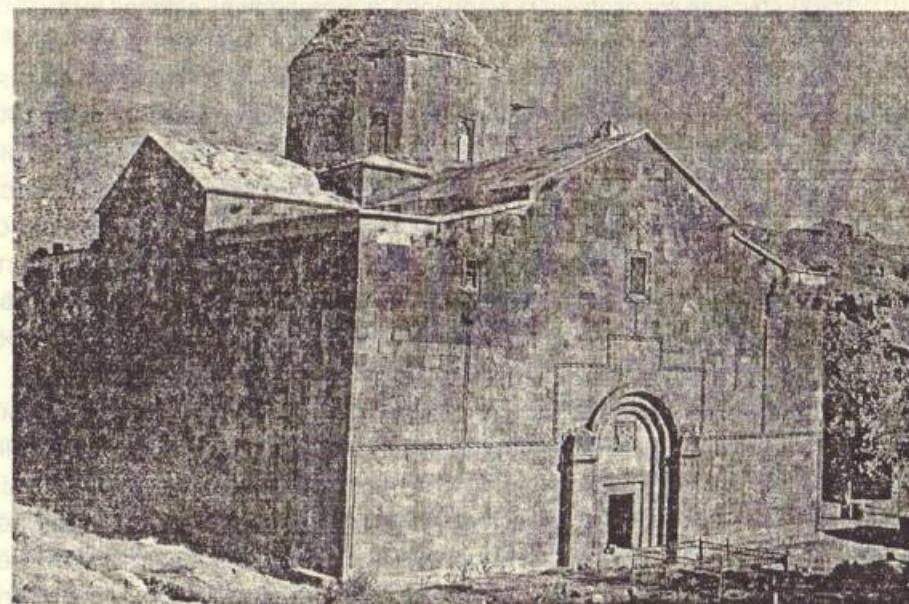
⁴⁸⁴ Danouch, видимо, является ласкательной формой имени Даниель, а Peigamber по-турецки означает «пророк».

⁴⁸⁵ «Village appelé par les Turcs Danouch - Peigamber, et par les Armeniens Stepanoïes - Nahaughā, c'est - à - dire premier martyr, en l'honneur duquel l'Eglise est dédiée», см.: Voyage d'un missionnaire de la compagnie de Jésus..., p. 188.

⁴⁸⁶ Цгна (Շղնա) фигурирует также под названиями Чалана (Ճալանի, Չալանի, Չանի). У Алишана значится как Չղնաշիր, см.: Гевонд Алишан, Сисакан, с. 341 (на арм. яз.).

армянское же – Цгна (Tsegna)⁴⁸⁷. Поскольку это село располагалось недалеко от местопребывания Виллота, последний направился туда, чтобы засвидетельствовать князю свое почтение, после чего он вернулся обратно в село Св. Степаноса («il retourna au village de Saint- Etienne»).

Перед выходом из села Чалана или Цгна, он увидел прекрасную церковь, в которой помимо прочих раритетов он обнаружил картину, на которой была изображена встреча в Риме Св. Сильвестра и Константина Великого со Св. Григорием Просветителем – первым патриархом Армении, и царем Армении Трдатом. «Этот кусок древности – достоверное свидетельство, доказывающее армянам-схизматикам, что они отошли от пути их первого патриарха и наисвятейшего царя, разрушив священный союз армянской церкви с римской, которому торжественно присягнули...»⁴⁸⁸, – досадует Жак Виллот.

Церковь Богородицы (XVI в.), село Цгна.

⁴⁸⁷ «Le prince Georgien... c'étoit arrêté à un village appelé par les Turcs Dchalana, et par les Armeniens Tsegna: c'est un fort gros village habité par plus de trois cens familles Armeniennes...», см.: Jacques Villotte, Voyages d'un missionnaire de la compagnie de Jésus..., p. 188.

⁴⁸⁸ Там же, с. 189.

Трехъярусная колокольня монастыря Св. Богородицы в селе Цгна.

Что касается церкви Цгна, то она обслуживалась десятью священниками, которые оказали Виллоту дружелюбный прием. Около Цгна были расположены церковь Св. Степаноса – на расстоянии одного километра от села, и монастырь Мцгуни Св. Степаноса (Մցղունի և Ստեփանոսի վանք) – на расстоянии трех-четырех километров к югу от села. Что касается церковей внутри Цгна, то известно, что в северо-восточной части села была расположена церковь Св. Богородицы, и в центре – церковь Св. Саркиса. Одна из этих церковей и была упомянута Виллотом.

4-го февраля Виллот покинул Цгна, и в сопровождении грузин из свиты князя направился в Абаранер, где был принят с большим радушием отцами-доминиканцами. И, естественно, по устоявшейся традиции он включает в свое повествование историю проникновения католических миссий в Нахичеван. По его данным, здесь некогда было десять обителей, в пору же посещения Виллотом этого края их число уменьшилось до семи. «Ими руководит архиепископ неизменно из доминиканского ордена, резиденция которого находится в Абаранере. Преподобные отцы отправляют службу Божью по Римскому обряду, но на армянском языке, с дозволения Папского Престола...»⁴⁸⁹

⁴⁸⁹ Там же, с.190.

Далее Виллот вводит читателя в курс проводимой католической церковью политики в отношении армянских детей, которых посылают учиться в Рим, после чего их принимают в свой орден и отсылают в Нахичеван. Знание родного языка способствует более плодотворной пропаганде католического вероучения среди своих соотечественников. Как видим, Виллот в деле пропаганды придавал большое значение знанию местного языка. Он сам, как и многие путешественники - миссионеры, исходя, видимо, из этих соображений, овладел языком и имел возможность общаться с паствой на её родном языке. Конечно же, желание освоить язык в случае с Виллотом было продиктовано особенностью его натуры, стремлением к совершенствованию и расширению своих знаний.

Виллот касается и вопроса налогов, взимаемых с армян-католиков: «Поскольку эти отцы в основном родом из этой страны, персы их рассматривают, как поданных Шаха, и соответственно требуют с них уплаты таких же налогов, как и со всех подвластных персам [народов]...»⁴⁹⁰.

Преподобные отцы обратились к Виллоту с просьбой написать отцу де Ла Шезу (de La Chaize)⁴⁹¹, личному исповеднику Людовика XIV, чтобы тот оказал материальную поддержку обители. Отец Виллот сделал со своей стороны все возможное, составил от своего имени письмо, предназначенное для пересылки во Францию.

Следующая остановка Виллота – город Нахичеван (Naktchivan), где их учтиво встретил управитель монетного двора, добрый католик, армянин по происхождению.

О городе Нахичеване Виллот оставил следующие записи: «Город Нахичеван, известный древним персам под названием *Нахиапа*, пришел с тех пор в упадок, лишился прежнего своего состояния, здесь было, если верить жителям страны, до сорока тысяч домов, сейчас же можно видеть одни руины. Жители страны склонны считать, что Патриарх Ной, спустившись после потопа с горы Арарат, наметил с помощью бечёвки план и немедля, после Еревана, построил [город] и назвал его *Naktchivan*, [слово] состоящее из двух армянских слов: *tchuan*⁴⁹², означающее веревка, и *пак*, означающее

⁴⁹⁰ Там же.

⁴⁹¹ Франсуа д'Экс, сеньор де Ла Шез (фр. *François d'Aix de La Chaise*) – французский иезуит, духовник Людовика XIV на протяжении 34 лет. Был более известен, как папаша Лашез (Пер-Лашез, *père Lachaise*), давший своё имя самому большому парижскому кладбищу.

⁴⁹² *tchuan* на армянском означает веревка (շիւն).

первый, и тем самым отметил, что после Еревана, это первый в мире возрожденный город»⁴⁹³.

Жак Виллот, вписывая Нахичеван в сакральное пространство, приводит также ряд местных преданий, связанных с местом высадки Ноя и с увиденными им землями: «Согласно традиции всех времен и всех народов (*«selon la tradition de tous les temps et de toutes les Nations»*), – читаем в «Путешествии» Виллота, – на этой знаменитой горе опочил Ковчег Ноя; это предание тем более достоверно, поскольку основывается на следующих словах Книги Бытия: Ковчег остановился в горах Армении: дело в том, что толкователи Писания расценивают гору Арарат, как наиболее высокую в Армении...»⁴⁹⁴.

И далее, «когда воды потопа стали спускаться, – пишет Виллот, – Ной заметил с вершины горы [Арарат] обширную и прелестную равнину, и это там, как принято считать, он построил город, которому дали название Ереван, что означает на армянском языке Видимый, для того, чтобы отметить, что это первая земля, появившаяся перед Патриархом, после того, как стали стекать воды [потопа]... Из всего того, что я сказал, следует, что Ереван может хвастаться тем, что он первый в мире город, а Армения – первая, населенная после потопа страна.... Выйдя из ковчега, Ной спустился на равнину и приблизился к месту, где сегодня можно увидеть Патриарший Собор Эчмиадзина и здесь возвел алтарь, на котором принёс жертву Богу, о чем говорится в Книге Бытия»⁴⁹⁵.

⁴⁹³ «Cette ville, connue aux anciens Perses sous le nom de Naxuana, étoit bien déchue de ce qu'elle avoit été autrefois; on y avoit compté, s'il l'on veut croire les gens du pays, jusqu'à quarante mille maisons, on n'y voioit presque plus alors que des ruines: les habitants tiennent que le Patriarche Noé, dès qu'il fût descendu du mont Ararat après le déluge, en désigna lui-même le plan avec le cordeau, et là bâtit incontinent après Erivan, ce qui lui fit donner le nom de Naktchivan, composé de deux mots Armenien de tchuan, qui veut dire corde, et de nak, qui signifie premier, pour marquer qu'après Erivan c'étoit la première ville du monde renouvelée», см.: Jacques Villotte, Voyages d'un missionnaire de la Compagnie de Jésus..., p. 192.

⁴⁹⁴ Там же, с. 81–82.

⁴⁹⁵ «Après avoir donné aux eaux le tems de s'écouler, (Noé) découvrit du sommet de la montagne cette vaste et charmante plaine..., et c'est là qu'on croit qu'il bâtit une ville qu'on appella Erivan, qui veut dire Apparent en Langue Armenienne, pour marquer que cet endroit étoit la première terre qui parût à ce Patriarche après l'écoulement des eaux... De tout ce que je viens de dire, il s'ensuit qu'Erivan peut se vanter d'être la première ville du monde, et l'Arménie le premier pays qui fut habité après le déluge... A la sortie de l'Arche il descendit dans la plaine, où s'étant avancé jusqu'au lieu où l'on voit aujourd'hui

Из Нахичевана Виллот направился в Ереван. Однако на этом посещение им Нахичеванской области не заканчивается. Посетил он этот край и во время шестого путешествия («Шестое путешествие из Эрзерума в Ереван»). Из Еревана путники направились к достопочтенным отцам-доминиканцам в Абаранер, расположенный на расстоянии тридцати лье от Еревана. «Земля *Abraner*, – пишет Виллот, – наиболее плодоносная и привлекательная во всей Армении; она сплошь покрыта виноградниками, садами и множеством деревьев с отборными плодами; особенно хороши абрикосы, латинское название которых *malum Armeniacum* [армянский плод]. Нигде, кроме Армении, нет абрикосов в таком количестве и такого вкуса»⁴⁹⁶.

Превосходные вкусовые качества абрикосов настолько его покорили, что он отвлекся от своих первостепенных миссионерских задач и углубился в местную технологию приготовления сухофруктов: «Их сушат на солнце в течение двух-трех дней на решетках», и таким образом их сохраняют в течение всей зимы, и даже нескольких лет.

На этом его кулинарное путешествие не заканчивается: он переходит к описанию способа изготовления из них варенья без добавления сахара и меда. От абрикосов он переходит к не менее вкусным («зеленым, круглым, сочным и тающим во рту») грушам сорта бергамот. Кулинарные изыскания миссионера сменяются лингвистическими, и он пускается в объяснение слова бергамот, которое состоит из двух слов: *beg* – по-турецки означающий принц и *armoud* – груша, именно поэтому следует говорить *begarmoud*, а не *bergamot*, что значит «груша принца» («poire de prince») или «принцесса груш» («la princesse des poires»)»⁴⁹⁷.

26-го числа Виллот в компании иезуитов вновь прибыл в Абаранер (*Abraner*), который незадолго до этого посетил отец Боуалье (*le Pere Bauvoillier*), направляющийся в качестве посла к персидскому шаху. Ему был оказан ханом Тавриза торжественный

l'Eglise Patriarchale d'Edchmiadzin, et il dressa un autel, sur lequel il offrit à Dieu ce sacrifice, dont il est parlé dans la Genese...», см.: Jacques Villotte, Voyages d'un missionnaire de la Compagnie de de Jésus ..., p. 82–83.

⁴⁹⁶ Еще Плиний Старший отмечал, что армянские абрикосы «единственные, отличающиеся ароматом», см.: Гай Плиний Секунд Старший, Естественная история, гл. XII, с. 41, http://annales.info/ant_lit/plinius/index.htm

⁴⁹⁷ Jacques Villotte, Voyages d'un missionnaire de la compagnie de Jésus..., p. 248.

прием и было дано обещание не взимать до сбора урожая с доминиканцев и с христиан области податей. Однако хан не сдержал обещания, как и его сын Мирза, отправивший к отцам-доминиканцам людей с требованием выплатить сумму, в противном случае обитель, как и селение, грозили осадить. Монахи заперлись в монастыре, однако солдаты Мирзы ворвались в монастырь и независимо от того, кто подворачивался под руку, «*франк или армянин, иезуит или доминиканец*», схватили всех и сковали им ноги. Ситуация накалилась до предела, когда в монастырь ворвались вооруженные камнями и палками женщины, дабы взять под свою защиту отцов-доминиканцев. Люди хана грозились открыть огонь. Женщины схватили двух солдат, повалили наземь и надели на них оковы, в которые ранее были заключены отцы-доминиканцы. Описавший эти события путешественник величает этих женщин, которые, несомненно, были армянками, не иначе, как амазонками⁴⁹⁸.

В сопровождении отца Малдана и брата Медсена Жак Виллот направился из Абаранера в Абракунис – село франкских католиков, где также находился монастырь доминиканцев. Однако на сердце было неспокойно: они боялись попасть в руки солдат Мирзы, которые их считали виновниками инцидента в Абаранере.

Следующее село, которое посетил Виллот – село «*Джаук (Dchaouk) – одно из тех семи сел, где находится обитель отцов-доминиканцев, и при обители прекрасная церковь, построенная благодаря щедрым [пожертвованиям] короля Испании*»⁴⁹⁹.

Джаук, руины церкви (XIX в.).

(Взято из статьи М. Карапетян, Армянская католическая епархия и этноконфессиональные процессы в Нахичеване в XVII-XVIII вв. (на арм. яз.) <http://armenianhouse.org/zulalyan/european-authors/3.html>

⁴⁹⁸ Там же, с. 249–254.

⁴⁹⁹ Там же, с. 255.

После Джаука путешественники направились в село под названием «*Каракуш (Karakouch), которое входило в область, где присутствовала миссия монахов ордена Святого Доминика*». Из Каракуша Виллот проследовал в Ереван.

Мы попытались воссоздать посещенные Виллотом города и села Нахичевана. Следует отметить, что нахичеванская тема далеко не центральная в «Путешествии» французского иезуита. География его перемещения по армянской территории обширна. Не счесть количества километров, которые он исходил по стране. Годы, которые он прожил на Востоке, переваливают за два десятка. Все это позволило путешественнику-миссионеру глубоко познать национальные, культурные, географические, религиозные особенности страны. Независимо от целей посещения той или иной местности, в центре внимания всегда оставались люди. Армяне, их история и судьба занимают особое место в его путевых записках. Воздавая хвалу душевным качествам армян, Виллот приводит цитату из «Моралий на Иову» Григория Двоеслова (Кн. первая. Стих 1. «*Он был назван добрым среди злых, что является великой честью*»): «*.... он удостоился похвалы за то, что был добрым среди праведников, как быть добрым среди нечестивых*»⁵⁰⁰. «*Армяне, – продолжает Виллот, – несмотря на огорчения, гонения, потери, темницы и оковы, всегда были тверды в христианской и даже в католической вере. Кровь многочисленных мучеников, пролитая по всей Армении за преданность и любовь к Иисусу Христу, требовала отмщения и наделила этот народ непоколебимой убежденностью в истинности веры своих отцов*»⁵⁰¹.

Несмотря на то, что иезуит Виллот является носителем католической веры, он не может не признать «*непоколебимую убежденность [армян] в вере своих отцов*». Симпатия к армянам, желание приобщиться к их культуре и истории, постигнуть все тонкости армянского языка, включая древнеармянский – грабар, прослеживается на протяжении всего его путешествия. Закономерно, что в списке арменоведов, составленном Виктором Ланглуа, он упоминается четвертым после Варфоломея Болонского, Франсуа Ривола, Клементя Галануса⁵⁰². Да и заключительные строки путевых за-

⁵⁰⁰ Там же, с. 533.

⁵⁰¹ Там же.

⁵⁰² Notice sur le couvent arménien de l'île de S. Lazare de Venise, par Victor Langlois, Venise, 1863, p. 77.

писей как нельзя точно передают его симпатии и научные пристрастия: «Наш миссионер после непродолжительного отдыха в Провансе, отправился в Рим, чтобы напечатать разные труды на пользу и на благо своих дорогих армян (*en faveur et à l'usage de ses chers Arméniens*)»⁵⁰³.

Франсуа Пике (1626 г. –1685 г.)

С целью направить так называемых схизматиков и еретиков на путь спасения и вернуть их в лоно Римской Церкви в 1652-ом году на Восток отправился Франсуа Пике – будущий епископ Багдада и консул Франции в Алеппо. Рассказ о его жизни и деятельности был составлен, на основе ряда источников, епископом города Грасса Шарль-Леонсом Антелми (Charles-Léonce Anthelmy). Это в первую очередь письма (в основном адресованные Лорану д'Арвиё), мемуары, анналы босых кармелитов, ар-

хивные материалы Колледжа «Пропаганды веры», воспоминания сирийского епископа Сафара, служившего переводчиком при Франсуа Пике, который помимо писем, предоставил также дневник путешествия этого миссионера из Диарбекира в Хамадан, «История мученичества Святого Давида Алеппского», исповедовавшего Православие и принявшего за Христа мученическую кончину в годы пребывания Франсуа Пике в Алеппо в качестве консула, и ряд других источников. В результате получился довольно пространственный и обстоятельный рассказ, в котором автор свел воедино священную и мирскую истории.

Напрашивается вопрос, в качестве кого был послан на Восток Франсуа Пике и какова была его миссия? Лучшим ответом на этот вопрос является само заглавие книги «Житие мессира Франсуа Пике, консула Франции и Голландии в Алеппо, Епископа Кесаро-

поля, Вавилона, апостольского викария в Персии. В звании посла короля к шаху Персии».

«Житие мессира Франсуа Пике...» состоит из трех книг. Первая охватывает период жизни Пике от рождения до завершения его консульской миссии в Алеппо⁵⁰⁴. Вторая повествует о его возвращении и пребывании в Европе, до отъезда в Левант. Третья содержит рассказ о его посольской и проповеднической деятельности в Турции, Армении и Персии, а также о его кончине.

Остановимся на периоде жизни Франсуа Пике, связанном с его пребыванием и деятельностью в Нахичеванском крае представленном в третьей книге.

В качестве чрезвычайного посла при дворе персидского шаха Сефи II Пике покинул Алеппо и направился в Армению. Дело в том, что годами раньше, когда он, согласно папской грамоте, был назначен апостольским викарием архиепископства Нахичевана, армяне сообщили ему о своем бедственном положении, о постоянных притеснениях со стороны местных правителей, эффективное воздействие на которых могло оказать, как им казалось, назначение Пике на должность чрезвычайного посла.

И вот, в 1681-ом году, последовав их совету и получив высокий пост, он уже в новом качестве отправляется в Нахичеван и близлежащие села и местности. Путь его лежал через Диарбекир, где его с почестями встретили армянские епископы. В армянской церкви он присутствовал на литургии, после которой в его честь был дан ужин⁵⁰⁵. Покинул он город в сопровождении переводчика, сирийского католического священника Сафара, владевшего армянским, арабским, персидским и турецким языками и предоставившего впоследствии свой путевой дневник составителю «Жития мессира Франсуа Пике».

⁵⁰⁴ В Алеппо, в пору пребывания здесь Франсуа Пике, в его консульстве нашел убежище бежавший из Турции известный дипломат Петрос Петик (Պետրոս Ալեքսանդր), воспитанник Папского университета "Урбанианум", автор сочинения «Cehil Sutun Persarum», написанного им после посещения двора Солеймана Сефи, см.: *Estat de la Perse en 1660 par le P. Raphaël du Mans, publié avec notes et appendice par Ch. Schefer, Paris, 1890, p. LXXXV.*

⁵⁰⁵ Charles-Léonce Anthelmy, *La vie de messire François Picquet, consul de France et de Hollande à Alep. Ensuite Evêque de Cesarople, puis de Babylone, vicaire Apostolique en Perse. Avec titre d'Ambassadeur du Roy auprès du Roy de Perse, P., 1732, p. 357–358.*

⁵⁰³ Jacques Villotte, *Voyages d'un missionnaire de la Compagnie de Jesus...*, p. 640.

Вначале решено было идти через Битлис⁵⁰⁶, однако опасность подвергнуться нападению разбойников побудила изменить маршрут передвижения, а именно – направиться в Эрзерум, а оттуда – в Ереван.

В Эрзерум прибыли через семнадцать дней. Пике имел встречи как с армянами - католиками, так и с представителями армянской апостольской церкви. Дом, в котором он остановился, стал своего рода церковью, куда стекались христиане, чтобы послушать обедню и принять причастие. В ожидании каравана он посетил армянский монастырь, находившийся в двух днях ходьбы от Эрзерума. Здесь он встретился с епископом Варданом, некогда посещавшим колледж «Пропаганды Веры» в Риме.

Вскоре пришла весть о том, что караван достиг крепости Хасан-Кале, Пике и его спутник поспешили к нему присоединиться.

Дальнейший маршрут пролегал через местность, где находились монастырь и церковь Св. Иоанна Баптиста («*церковь в форме квадрата, с мощными пилонами, придающими ей величественный вид*»)⁵⁰⁷. Его приветливо встретил армянский архиепископ Исаак (Isaac), сопровождаемый группой монахов. Архиепископ поведал историю о том, как эта церковь триста лет назад была частично разрушена Тамерланом, однако ныне восстановлена. Архиепископ Исаак обратил внимание Пике «*на достаточно любопытную*» надпись на стене церкви на древнеармянском языке, гласившую, что она «*была сооружена в V веке епископом (par un Evêque)*⁵⁰⁸ по имени Israëï, и что Св. Григорий Просветитель в пору правления Трдата

⁵⁰⁶ В письме к Лорану д' Арвиё от 5-го июня 1681-го года Франсуа Пике, епископ Кесарополя пишет, что сириец по имени Намэ сопровождал его до Вана. Таким образом путь Пике лежал и через Ван, см.: Quatrième Lettre de M. de Cesarople, – in: Memoires du chevalier d'Arvieux, envoyé extraordinaire du Roy à la Porte, consul d'Alep, d'Alger, de Tripoli et autres Échelles du Levant, P., 1735, p. 102.

⁵⁰⁷ Там же, с. 374.

⁵⁰⁸ Под словом епископ (un evêque) следует понимать вардапет, в смысле мастер, зодчий. Начиная с 30-ых годов VII века вардапетами и вардпетами назывались архитекторы, см.: И. Орбели, Багаванская надпись 639 г., – в кн: И. А. Орбели, Избранные труды, Ереван, 1963, с. 371–387; С. Г. Бархударян, Средневековые армянские зодчие, «Историко-филологический журнал», 1959, N 1, с. 106 (на арм. яз.); М. М. Асратян, Зодчие раннесредневековой Армении, «Историко-филологический журнал», 1985, № 2, с. 122 (на арм. яз.).

в этом месте реки [Восточный Евфрат]⁵⁰⁹ обратил в христианство 12 тысяч душ»⁵¹⁰. Речь идет о Соборе Св. Ованнеса или Св. Иоанна Крестителя (упоминается и как храм Св. Григория) – Багаванском соборе, построенном в VII веке архитектором Исразлом Горахчеци (Կրիշիշի Գորախճեցի)⁵¹¹.

Пике считал этот собор наикрасивейшим в Армении. В окрестностях монастыря располагалась «*знаменитая ярмарка*», на которую стекались купцы с разных мест. «*Что удивительно, – читаем в «Житии мессира Франсуа Пике», – они не опасались воров и оставляли лавки на всю ночь открытыми*».

Архиепископ Исаак имел с Пике долгие беседы и настоятельно просил его задержаться в монастыре на неделю. Однако караван двинулся в путь, и Пике был вынужден присоединиться к нему. Через два дня дошли до крепости Аїа -Kala, принадлежащей вассалу султана – принцу Баязету. Автор записок, по-видимому, руководствуется текстом де Ла Булле - Ле Гуза, который в 31-ой главе своего «Путешествия», описывая путь, проделанный из Hassan-Kala в Uch Kilisa, упоминает небольшую крепость Aja-Kala.

Пике с караваном через два дня также прибыли в городок под названием Vuché-Kilissa – Три церкви⁵¹².

⁵⁰⁹ Франсуа Пике локализует церковь Св. Иоанна Баптиста не на притоке Евфрата – реки Арацани, а на реке Тигр.

⁵¹⁰ «*il avoit été bâti dans le cinquième siècle, par un Evêque nommé Israëï, et que saint Gregoire l'illuminateur avoit baptisé douze mille personnes en cet endroit du Fleuve, sous le regne de Tardate*», см.: Charles-Léonce Anthelmy, La vie de messire François Picquet, p. 375.

⁵¹¹ Строительство храма Св. Ованнеса под руководством архитектора Исразла Горахчеци было начато в 631-ом и закончено в 639-ом году при католикосе Езре.

⁵¹² Три церкви – первопрестольный Эчмиадзинский монастырь, названный по числу входивших в монастырский комплекс церквей, которые были построены в память святых Рипсимэ, Гаянэ и Шогакат На каталонской карте под «Ноевым ковчегом» значитесь местность под названием «III Ecessie» (Три церкви), которая идентифицируется с Эчмиадзином. Её не следует путать с расположенной неподалеку от Баязета станцией «The three Churches» (les Trois Eglises, Drei Kirchen) торгового пути Эрзерум – Тавриз, отмеченной на таблице Бальдуччи Пеголотти, которая, по мнению Г. Юла, соответствует Uchkilisi. Последняя, согласно Я. Манандяну, тождественна древнеармянскому Багавану (см.: H. Yule, Cathay and the Way Thither, London, 1866, vol. II, p. 301; L' Extrême Orient dans la littérature et la cartographie de l'occident des XIIIe, XIVe, et XVe siècles, étude sur l'histoire de la

«В этом городке, — пишет автор, — имеется монастырь ордена Св. Василия (*l'Ordre de S. Basile*), посвященный Св. Григорию Провосветителю»⁵¹³. У Булле-Ле Гуза монастырь значится как «монастырь ордена монахов Св. Григория (*un Couvent de Religieux de l'Ordre de S. Gregoire*)»⁵¹⁴.

Как видим, автор «Жития мессира Франсуа Пике» решил ввести коррективу в текст Булле-Ле Гуза, дополнив название монастыря словом «S. Basile». Таким образом, то ли из-за его неведения, то ли по его желанию монастырь Св. Григория стал Базилианским. Может быть, на мысль сделать его базилианским навел храм Св. Григория Армянского в Неаполе, построенный на месте монастыря монахинь-базилианок, последовательниц Св. Патриции, почитавших Св. Григория и оберегавших его мощи.

Автор отмечает, что монастырь этот — обычное местопребывание патриарха, отсутствовавшего во время посещения монастыря Пике. Тем не менее, Пике пробыл в монастыре три дня, после чего посетил Ереван, откуда 14 августа 1681 года направился в Нахичеван⁵¹⁵.

После пятидневного пути путешественники достигли Нахичевана — «первого города, построенного после потопа; был он некогда значительным, однако его полностью разрушил Шах-Аббас, шах Персии, названный Завоевателем, когда изгнал оттуда османов»⁵¹⁶.

В тот же день они направились в Абаранер — «наиболее значимый город в этой области, где [живут] армяне-католики, обычная резиденция архиепископа Нахичевана». Узнав о прибытии Пике, народ вышел ему навстречу и сопровождал его до армянского монастыря.

Далее автор переходит к пространному изложению четырехсотлетней истории распространения католичества в этой области.

géographie, par Ivar Hallberg, Göteborg, 1907, p. 194; Я. Манандян, О торговле и городах..., с. 294).

⁵¹³ Charles-Léonce Anthelmy, La vie de messire François Picquet, p. 380.

⁵¹⁴ Les voyages et observations du Sieur de La Boullaye Le Gouz..., p. 79.

⁵¹⁵ Эта дата указана в письме сопровождавшего Пике в его путешествии Касмона, (Casmont), адресованном шевалье д'Арвиё (Абаранер, 18 января 1682 г.), см.: Lettre de M. Casmont au Chevalier d'Arvieux, — in: Memoires du chevalier d'Arvieux, envoyé extraordinaire du Roy à la Porte, consul d'Alep, d'Alger, de Tripoli et autres Échelles du Levant, Paris, 1735, p. 136.

⁵¹⁶ Там же, с. 381.

Что касается посещения Франсуа Пике Нахичевана, то прибыл он в этот край по распоряжению папы Иннокентия XI и, следуя каноническому порядку, приступил к выборам архиепископа Нахичевана⁵¹⁷. Несмотря на то, что восемь настоятелей монастырей, монахи ордена доминиканцев и восемь человек от народа единогласно выбрали его архиепископом⁵¹⁸, Пике настоял на кандидатуре доминиканца Себастьяна Кнаба, проявившего гибкость в деле обращения в католичество армян Ливорно, и провел вторичные выборы в его пользу.

В ожидании прибытия прелата Пике решил посетить города и села края, в которых в окружении «*неверных и схизматиков [пробывала] небольшая паства, численностью около пятнадцати - двадцати тысяч католиков. Они были рассеяны по десяти деревням, где были расположены их церкви, и где вот уже четыре века богослужение проводилось так же свободно, как и в странах Европы, исповедующих католицизм*»⁵¹⁹.

Прежде всего он посетил могилу Варфоломея Болонского, которая находилась в селе Кырна, в полу-лье от Абаранера, после чего объехал всю область.

Первым селением на его пути было село Ciaguch⁵²⁰. Народ и духовенство сопровождали его в церковь. После поклонения святым Тайнам Христовым народ принял от него благословение, затем приложился к его деснице.

Автор «Жития мессира Франсуа Пике» описывает также конфессиональный состав населения сел: «*В селе [Ciaguch] сто пятьдесят семей католиков, остальные схизматики и мусульмане*».

Таких же почестей Пике удостоился в селе *Sciah-Bunis* (Шахапоник, Шахапонк), в котором «*насчитывалось восемьдесят семей католиков; в Karacuccie* (Карагуш, Карашуш) — *двадцать [семей] ка-*

⁵¹⁷ По словам автора «Жития Мессира Франсуа Пике» «*последний архиепископ Нахичевана по имени Mathieu (речь идет о Матевосе Аванисенце) умер восемь лет назад*», оставив паству без пастыря, см.: Charles-Léonce Anthelmy, La vie de messire François Picquet, p. 389.

⁵¹⁸ «*Место архиепископа Нахичевана оставалось вакантным, нужно было избрать архиепископа; было созвано собрание, на котором единогласно был избран наш достойный прелат*», см.: Lettre de M. Casmont au Chevalier d'Arvieux, — in: Memoires du chevalier d'Arvieux, p. 136.

⁵¹⁹ Там же, с. 388.

⁵²⁰ На карте Гийома Делиля 1723 года это село значится под названием *Ciahuc*, т. е. Джаук.

толиков и десять[семей] схизматиков; в *Saltach-e* (Салитах, Սալտախ) – всего четыре семьи католиков; в *Coscasin-e* (Хошкашен, Կոշկաշեն) – семьдесят католиков и двадцать мусульман; в *Абракунисе* – пятьдесят католиков, двадцать схизматиков и столько же мусульман. Здесь пребывали епископ схизматиков и несколько монахов. В этом месте находилась резиденция правителя нескольких городов по имени *Melich*. Будучи мусульманином, он очень любил христиан, поскольку прежде его предки исповедовали христианство»⁵²¹.

Пике вернулся в Абаранер, в котором пробыл достаточно долгое время. Он был свидетелем бесчеловечного обращения с христианами, которые не в состоянии были платить подать из-за града, опустошившего поля. Не раз Пике сам расплачивался за них, предоставляя из собственных средств три тысячи ливров для выплаты налогов. Он вызволил из тюрьмы христиан *Sciah-Bunis-a*, послав своего переводчика Сафара к даруге⁵²² с личной просьбой. Эта весть распространилась по всей округе.

Однако особое беспокойство вызывали у него законы, подталкивающие христиан к вероотступничеству. Так, жители Нахичевана ополчились против притеснений неправедных судей, которые, угрожая католикам лишением имущества, пытались их исламизировать⁵²³.

В письме, написанном из Абаранера и цитируемом автором «Жития мессира Франсуа Пике», читаем: «Самый основной и жестокий гнет, который испытывают христиане в этой стране, – это [последствие] злополучного закона Персии в пользу тех, которые настолько нечестивы, что могут отречься от Иисуса Христа, дабы стать наследниками и хозяевами имущества и земель их близких и дальних родственников (*Джафара ас-Садик* шестой имам ввел этот

⁵²¹ Charles-Léonce Anthelmy, La vie de messire François Picquet, p. 392–393.

⁵²² Даруга – судья у персов, а также надзиратель над налогами.

⁵²³ В приложении к книге Рафаэля дю Мана «Состояние Персии», изданной Шарлем Шефером, приведено письмо Франсуа Пике, написанное из Исфахана 20-го января 1683 года королю Франции в связи с аудиенцией у шаха. В письме затрагивается также тема участия армянских католиков области Нахичеван. Этому письму предшествовала переписка французского короля с шахом Персии относительно положения католиков на персидской земле, см.: *Estat de la Perse en 1660 par Raphaël du Mans, publié avec notes et appendice par Ch. Schefer, Paris, 1890, p. 339–340.*

скверный закон⁵²⁴)»⁵²⁵.

Речь идет о законе джадид-ул-ислам от 1621–1622 гг. об особых привилегиях, которые давались мусульманским наследникам. В связи с этим законом (документом) в том же письме Пике отмечает следующее: «Какое странное искушение для слабых душ, связанных к плоти, наполненных любовью к себе! Лишиться в одночасье имущества, всю оставшуюся жизнь провести в бедности, быть выдворенным из своего дома и со своей земли, быть избитым и изуродованным, в случае попыток оказать сопротивление быть брошенным в темницу, избиением палкой пытаться дознаться у бедняги того, чего у него не было, говоря, что он спрятал свое имущество; иногда в суде предъявлялось ложное свидетельство о браке и родстве, подкрепленное лжесвидетелями; судья и правители попустительствуют им, дабы иметь свою долю.

Не было другого средства избавиться от этого зла, как принять магометанство... Я объездил многие села и города, которые некогда были христианскими, где не осталось ни одного [христианина], наряду с этим в других местах отрадно было видеть праведных, которые, благословляя Господа, говорили: «это поле, этот дом принадлежали мне или моему отцу; магометане их у меня отобрали; я беден, но благодаря Иисусу Христу, Господу нашему, я сохранил веру, которая ценнее всех богатств земных»⁵²⁶.

Жители Абаранера слезно умоляли его остаться у них перезимовать. Он не смог отказать им в просьбе. Зима в этих краях была суровой. Пришлось приспособливаться к местным условиям, обогреваться с помощью тондыра⁵²⁷.

Согласно тексту Сафара, Пике каждый день совершал священное жертвоприношение мессы. Во время Великого Четверга он освятил мирро. После празднования пасхи Пике, он же M. de Cesa-gorle, получив письмо короля к шаху Солейману Сефи, решил отправиться в Персию, в Исфахан.

⁵²⁴ «*Jafer-el- Skadek, sixième Iman a introduit cette détestable Loy.*»

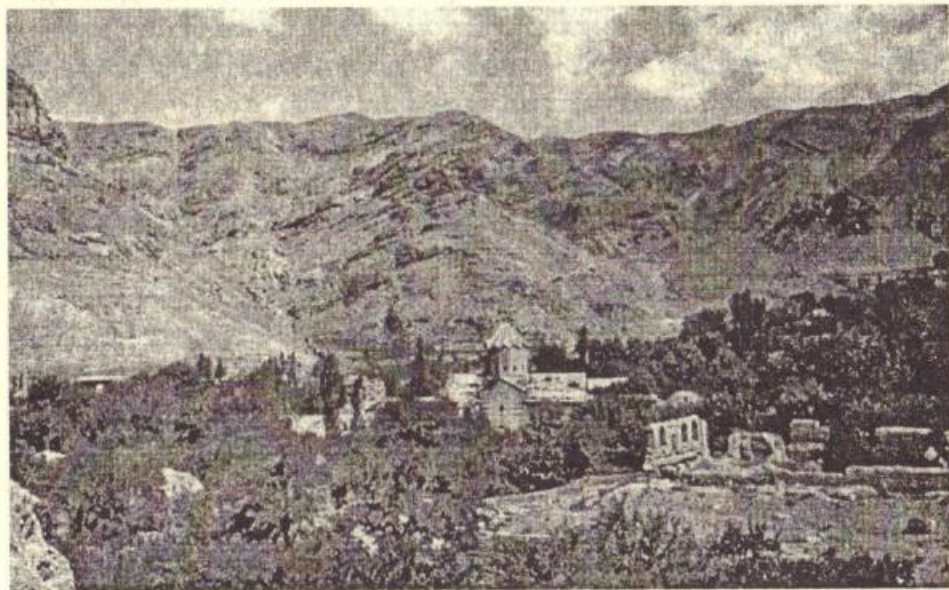
⁵²⁵ Charles-Léonce Anthelmy, La vie de messire François Picquet, p. 399.

⁵²⁶ Там же, с. 398–400.

⁵²⁷ Тондыр (թոնդիր) – традиционная армянская печь для выпечки лаваша и лепешек. Тондыр устанавливается в земле, ниже уровня пола. В старину он использовался не только для выпечки хлеба, но и для согревания дома.

Нижний Акулис.

Монастырь Святого Апостола Товмы (Фомы), IV в.

Монастырь Святого Апостола Товмы (Фомы), IV в.

Однако отъезд пришлось отложить, поскольку к нему прибыли священники и знать Акулиса с просьбой почтить их город своим визитом. Он не смог им отказать и в сопровождении прибывших, а также двух доминиканцев, вместе с главой ордена монастырей Нахичевана и настоятелем монастыря Абаранера, направился в Акулис. На третий день дошли до Гандзака (Gantzagh)⁵²⁸, в котором жили лишь две семьи католиков; здесь навстречу им вышли жители Акулиса во главе со священнослужителями и высшим сословием. Все вместе устремились «к церкви главного монастыря, носящего имя Св. Фомы (S. Thomas)⁵²⁹, в котором хранится десница⁵³⁰ этого апостола»⁵³¹.

⁵²⁸ Гандзак (Գանձազ) – село ашхара Васпуракан, гавара Гохтн. Ныне Гандза в Ордубадском районе.

⁵²⁹ По преданию монастырь был основан апостолом Варфоломеем, а в 305-ом году был реконструирован Григорием Просветителем, см.: Г. Алишан, Сисакан, с. 326 (на арм. яз.).

⁵³⁰ В энциклопедии «Христианская Армения» («Քրիստոնեայի Հայաստանի», Հանրագիտարան, Երևան, 2002) написано (автор статьи Мурад Асратян), что десница Св. Фомы была дана в дар церкви при Католикосе Ефреме I Дзорагехци, в 1821-ом году. Однако в пору посещения Франсуа Пике этого

Далее автор переходит к описанию Акулиса⁵³²: «Акулис – самый большой город области⁵³³, имеющий удобное расположение: армяне имеют здесь епископа и много церквей; жители города приятны в обращении, они все христиане, в случае если кто-нибудь, не приведе господи, отрекается от веры, они его изгоняют из города...»⁵³⁴.

В этом городе ему предстояло отпраздновать пасху, «выпавшую на 19 апреля по старому стилю, которого придерживается армянская церковь, как и все христианские народы Востока».

В этот день Франсуа Пике сопровождали в соборную церковь, в которой по обряду армянской церкви состоялась Святая Месса. После чего он прочитал проповедь на итальянском языке, которую глава ордена монастырей Нахичевана истолковал на армянском, затем был совершен обряд Причастия. По окончании церемонии его повели в епископское подворье, где состоялась трапеза.

В Акулисе он задержался еще на два дня, чтобы посетить все церкви, а также монастырь, расположенный за чертой города. Затем он отправился в Tuscit⁵³⁵, а оттуда – в Старую Джульфу, посетив по дороге городок под названием Вананд (Vanand)⁵³⁶, в котором жили многочисленные католические семьи. Жители городка обратились к нему с просьбой остаться там на какое-то время, и даже разгорелся спор в связи с тем, кому выпадет честь предоставить ему

монастыря, в 1681-ом году, там уже, согласно «Житию», хранилась эта реликвия.

⁵³¹ Charles-Léonce Anthelmy, La vie de messire François Picquet, p. 406.

⁵³² Согласно армянскому преданию, в городе одну ночь провел апостол Фаддей, который проснулся со словами «Акн и луйс» («Вот и рассвет», букв. – «Оку свет»), и позднее село начали называть Агулис, см.: Арам Ганаланян, Армянские предания, с. 131. Согласно Алишану, название «Агулис» происходит от слов «Աղտոր լիք» – «город, наполненный садами», см.: Г. Алишан, Сисакан, с. 324 (на арм. яз.). Мовсес Хоренаци именует этот город «Оскиолой» («Ոսկիոլոյ»), см.: Мовсес Хоренаци, История Армении, с. 45.

⁵³³ Акулис (Агулис) – город в гаваре Гохтн, области Сюник Великой Армении, ныне в Ордубадском районе.

⁵³⁴ «Agulis est la plus grande ville de la Province et assez bien située: les Arméniens y ont un Evêque et plusieurs Monasteres; les habitants sont fort commodes et tous Chrétiens, et si quelqu'un d'eux renonce malheureusement à la Foy, ils le chassent de leur Ville...», см.: Charles-Léonce Anthelmy, La vie de messire François Picquet, p. 406.

⁵³⁵ Возможно, автором употребляется искаженная форма села Бист (Բիստ), прежде Буст (Բուստ) гавара Гохтн.

⁵³⁶ Вананд – село, расположенное в гаваре Гохтн, области Васпуракан Великой Армении, ныне в Ордубадском районе.

жилье. На следующий день в сопровождении армян Абаранера он направился из Вананда в Джульфу. Из Джульфы Пике отправился в Тавриз, куда он прибыл двадцать восьмого апреля, и далее, пройдя ряд местностей, 12 июля 1682-го года достиг Исфахана и его пригорода Новой Джульфы (Tzulfa или Giulfa).

В 1683 году Пике должен был занять вакантное место скончавшегося епископа Багдада⁵³⁷. Он решил посетить свою епархию, и направившись в Багдад, остановился в Хамадане⁵³⁸, чтобы дожидаться разрешения турецких властей на въезд. Здесь он продолжал осуществлять апостольскую миссию среди жителей Хамадана, в основном среди армян. Служению им он и посвятил последние годы своей жизни. Однако здоровье его становилось все хуже и хуже. В своем завещании⁵³⁹ он просил похоронить его на армянском кладбище Хамадана. По его воле заупокойная месса должна была быть отслужена армянскими священниками Хамадана, на что им было выделено четыре томана⁵⁴⁰. Умер он 26 августа 1685 года. Днем раньше Пике готовился к божественной литургии и велел миссионеру обратиться с проповеднической речью к армянам, вошедшим в лоно его церкви.

28-го августа, во время панихиды по Пике, в основанной им церкви и во дворе собралось великое множество армян. Отец Пиду⁵⁴¹ произнес надгробное слово на армянском языке. Было реше-

⁵³⁷ В 1638 г. Багдад был присоединён к Османской империи, в составе которой находился вплоть до 1917 года.

⁵³⁸ Хамадан – город в Иране, столица провинции (остана) Хамадан.

⁵³⁹ Charles-Léonce Anthelmy, La vie de messire François Picquet, p. 507–518.

⁵⁴⁰ Томан (туман) – официальная денежная единица Персии с XVII века до 1932 года. Один туман равнялся 10 тысячам динаров.

⁵⁴¹ Луи-Мари Пиду де Сент-Олон (1637–1717) – знаток армянского языка, автор перевода армянской литургии на латинский язык (перевод литургии выявлен ученым литургистом Лебрюном благодаря надписи на переводе, гласящей *C'est Pidou (Это Пиду)*, сделанной доктором Сорбонны, теантинцем Пиком). Пиду был послан (вместе с Клементом Галаносом) «Пропагандой веры» в Польшу с апостольской миссией. Проведенные в Польше годы он описал в двух отчетах: «Краткая реляция о состоянии, начале и развитии апостольской миссии к армянам Польши и Валахии и соседних стран» (1669 г.) и «Сжатая реляция об объединении армяно-польского народа со святой римской церковью» (1676 г.). Пиду занимался активной миссионерской деятельностью также в Персии. Скончался в 1717 г. в сане епископа Вавилонского. В своем «Путешествии в Левант» Турнефор писал о нем: «Отец Пиду Парижский (*Pidou Parisien*), монах-театинец, апостольский миссионер, так усердно заботится о душах польских армян, и особенно о душе их архиепископа, что наставил их в 1666 году на истинный

но похоронить Пике, согласно его завещанию, в армянской церкви. Гроб несли, сменяя друг друга, знатные армяне, пастырский жезл нес переводчик. Над телом усопшего был произнесен «Панегирик Св. Григорию Просветителю их первому апостолу» («le Panégyrique de Saint Grégoire l'Illuminateur leur premier Apôtre»)⁵⁴².

В конце рассказа о жизни и деятельности Франсуа Пике, в соответствии с канонами житийного жанра, говорится о чудесах, которые имели место после смерти этого святого человека.

Так закончилась история жизни и апостольской миссии Франсуа Пике. Невольно вспоминается девиз монаха-бенедиктинца, историографа первого крестового похода, Гвиберта Ножанского «Gesta Dei per Francos» («Деяния Бога через франков»). Этот девиз нашел воплощение во всей миссионерской деятельности Пике, для которого слова "франк" и "христианин" были синонимичными понятиями. Для успешного претворения в жизнь этого девиза и укрепления латинской церкви на Востоке нужно было по возможности расширить сферу католического влияния и вовлечь Христианский Восток в католицизм. Рассеянные по территории Ближнего Востока и Азии армяне, находящиеся под гнетом мусульманских правителей, являлись легкой «добычей» для западных миссионеров. Принявшие католицизм армяне назывались франками⁵⁴³, они призваны были служить Римской церкви и вместе с западными (салическими) франками следовать девизу «Gesta Dei per Francos».

В отношении армян позиция француза Пике была неоднозначной. Он, безусловно, сочувствовал всем армянам, притесняемым неверными, и был одержим идеей направить их на путь спасения, вернуть «апостольских армян» – схизматиков в лоно католической церкви. Пике недоумевал по поводу их непоколебимой убежденности в истинности веры своих отцов, что было чревато конфронтацией и отчуждением от них. Что же касается армян - католиков, то

путь и привел их в святую мать – Римско-католическую церковь», см.:

Joseph Pitton de Tournefort, Relation d'un voyage du Levant, p. 266.

⁵⁴² Автором «Панегирика Св. Григорию Просветителю» является Иоанн Златоуст.

⁵⁴³ Первоначально слово *франк* ассоциировалось с крестоносцами, путь которых лежал через земли Киликийского армянского государства, позднее оно соотносилось с католическими миссионерами; с принятием же некоторой частью армян католической веры это слово стало означать армян-католиков. Со временем слово *франк* (*франг*) из экзонима, т. е. наименования народа, данного ему другими народами, превратилось в эндозоним – самоназвание.

поскольку они составляли часть единого римско-католического братства, то Пике благоволил к ним и не жалел сил, чтобы облегчить их страдания. В ходе религиозных прений и столкновений между армянами - григорианцами и армянами-католиками он яростно защищал права последних. Так, во время недоразумения, возникшего между патриархом Эчмиадзина Егиазаром (1681–1691) и исповедующим католичество епископом Варданом («оклеветанным схизматиками»), он принял активное участие в реабилитации последнего. Пике написал патриарху письмо, в котором заступился за Вардана, брошенного в темницу и обритого наголо. Вардан не только был помилован, но и стал секретарем патриарха⁵⁴⁴.

Пике принимал активное участие в судьбе армянских католиков. Доказательством тому служат письма, адресованные Людовику XIV относительно участи армянского населения Нахичеванской области, что послужило неким импульсом к началу переписки двух монархов.

Предметом его особого беспокойства была проблема омульманывания армян, что стало следствием претворенного в жизнь закона *джадид-ул-ислам* от 1621–1622 гг. о привилегиях в отношении мусульманских наследников.

В плане нашего исследования большой интерес представляет рассказ об армянских городах и селах, в которых Пике пришлось побывать. Помимо посещения расположенных в Нахичеване церквей и монастырей, он, живя в армянских семьях (в Акулисе Пике пробыл целый месяц), имел возможность ближе ознакомиться с бытом и традициями армянского народа.

Наряду с этим, не менее интересна представленная им картина этноконфессионального состава населения армянских сел Нахичеванского края, в частности, гаваров Гохтн и Ернджак, в 80-ых годах XVII века.

Заключительная часть «Жития мессира Франсуа Пике» – это его завещание и церемония отпевания и погребения, которые были завершены чтением «Панегирика Св. Григорию Просветителю». Франсуа Пике был похоронен на армянском кладбище, хоронили его в основном армяне, отпевали на армянском, и это было последним желанием человека, полюбившего армян и любимого ими, по крайней мере, об этом гласит нам «Житие».

⁵⁴⁴ Charles-Léonce Anthelmy, La vie de messire François Picquet, p. 462–464.

РАЗВИТИЕ ОБРАЗА НАХИЧЕВАНА В ЗАПИСКАХ ЕВРОПЕЙСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ XIII–XVII ВЕКОВ

С целью исследования структуры и динамики образа Нахичевана мы обратились непосредственно к запискам европейских путешественников XIII–XVII веков, содержащим богатый историко-литературный материал по стране и народу, и являющимися важным источником сведений об Армении. Репрезентация образа Нахичевана в текстах путешественников позволяет осмыслить некоторые реалии Нахичеванского мира сквозь призму европейского взгляда.

Образ Нахичевана и области, культивируемый европейскими путешественниками, складывается из достаточно разнородных элементов, составляющих его структуру: помимо культурной составляющей, он включает в себя также географический, исторический и этнический компоненты. Нельзя не согласиться с И. В. Сидорской в том, что «понятие страны имеет более емкое культурно-историческое, социально-экономическое содержание, нежели политическое, в связи с чем включает в себя элементы, определяющие особенности местного национального сообщества (менталитет, обычаи, язык и т.д.). Поэтому понятие «государство» обозначает в первую очередь политическую систему власти, установленную на определенной территории, в то время как понятие «страна» скорее относится к культурным, общегеографическим (общность территории) и другим факторам»⁵⁴⁵.

Иными словами, термин «государство», как правило, употребляется в значении «власть». В понятие же страны входит целый комплекс составных характеристик: исторической, географической, этнической, культурной, конфессиональной, хозяйственно-экономической.

При изучении записок путешественников следует разграничить восприятие страны автохтонным населением (в пределах страны – *intra*), и её восприятие извне (за ее пределами – *extra*). Образы, созданные в разных культурах, нельзя свести к общему знаменателю. Одна культура манифестировала свое видение, свой

собственный миф, другая – продуцировала и воспроизводила свою образную картину страны. Тем не менее можно обозначить одни и те же мифы, присутствующие в разных культурах. Если представить мифы, культивируемые внутри страны и вовне, в виде кругов, наложенных друг на друга, то место пересечения этих кругов и есть общие тождественные образы пространства.

Образ страны глазами чужестранца, с одной стороны, формируется на основе информации, извлеченной из среды, в которую погружается путешественник – соответственно, на основе локальных образов, источником которых является местная культурная традиция, с другой стороны – на основе личных наблюдений и впечатлений, сложившихся по ходу путешествия. Вместе с тем значительную роль в создании образа играют так называемые пред-образы путешествия, которые складываются на основе предшествующей литературы. Европейец направляется на Восток со своим «багажом», с уже сложившейся образной базой. Отправляясь в путешествие по Нахичеванскому краю, путешественник имел определенное представление о стране и народе, сформировавшееся на основе различных источников. Это записки путешественников, побывавших в армянских землях, труды историков и географов, к которым он постоянно апеллирует в своей реляции. Эти интертекстуальные вкрапления, в одном случае с прямым указанием на источник, в другом – без упоминания автора текста, – излюбленный прием многих авторов записок путешествий. Они будто ведут диалог с предшественниками и современниками, полемизируют с ними, соглашаясь или опровергая преподносимые ими данные. Собственный опыт наблюдения и общения дает возможность верифицировать материал, предоставленный предшественниками.

Как отметил Д. Н. Замятин, «путевой образ территории может быть насыщен социокультурными реалиями эпохи; в то же время он может включать память об образах территорий, где родился, жил путешественник, зачастую далеких от района путешествия»⁵⁴⁶. Естественно, что путешественник постоянно сверяет увиденное с ожидаемым, пытается найти между ними соответствие. Находясь на границе двух миров, он словно проверяет существующие образы на прочность. Наслаивание этих пред-образов приводит к созданию совокупности обкатанных временем представлений – коллективных

⁵⁴⁵ И. В. Сидорская, Образ или имидж страны, Псковский государственный университет, 2015, с. 4–5.

⁵⁴⁶ Д. Н. Замятин, Образы путешествий: социальное освоение пространства, Социологические исследования, 2002, № 2, с. 15.

гетеростереотипов, которые, в отличие от автостереотипов – собственного образа, складываемого у народа (этноса) более гомогенны.

Однако земли, по которым путешественнику предстоит пройти, неоднородны по этническому и конфессиональному составу. Соответственно и мифы, распространенные в изучаемом путешественником ареале, многоуровневые. На первом уровне существует объективная реальность – реальность фактов, на втором уровне существуют два мифа – миф о реальности, созданный автохтонным населением, и миф о реальности, созданный пришлым населением. Последние стремились маркировать завоеванную территорию как свою, и с помощью этого маркирования легитимировать свое присутствие на этом пространстве. Они не только переименовывали название областей, городов, рек и гор, не только возводили мечети, разрушая церкви, или превращая их в склады и хлевы, но и конструировали мифы, которые зачастую подстраивались под определенный национальный контекст. Мифы помогали адаптироваться к существующей действительности, ощутить оправданную принадлежность к данному миру. В ходе их целенаправленной «редактуры» складывалась официальная государственная интерпретация истории.

Нахичеванский край предстал перед европейскими путешественниками XIII–XVII вв. как средоточие разных культурных традиций. Этот край имел уходящую в глубь веков историю, живыми свидетелями которой являлись памятники культуры разных эпох. Эти разные цивилизации соседствовали и сосуществовали. Церковь уживалась с мечетью. Что касается армянского мира, то он охватывал как прошлое, так и настоящее. Армянское население, являясь автохтонным, продолжало жить и сохранять традиции на своей этнической территории вопреки гонениям. Церкви возводились в прошлом, строились и реставрировались в настоящем – в пору посещения путешественниками Нахичеванского края. Легенды и предания, существование которых измеряется столетиями и даже тысячелетиями, передаваясь из поколения в поколение, не только не исчезали, но и пополнялись новыми сюжетами на традиционной основе. Вместе с тем они были поставщиками материала для других культур. Поскольку в каждую эпоху наряду с существующим набором сюжетов по нахичеванской теме рождались новые образы, легенды и поверья, соответственно и цикл этих легенд представлял собой не «законченный замкнутый продукт, а как идущее на наших

глазах производство, «подключенное» к другим текстам, другим кодам»⁵⁴⁷.

Эти циркулирующие в регионе разновременные легенды исправно регистрировались путешественниками, что позволило не только сохранить, но и пополнить фонд легенд и преданий по Нахичевану.

*«Разнообразие исторических свидетельств почти бесконечно. Все, что человек говорит или пишет, все, что он изготавливает, все к чему он прикасается, может и должно давать о нем сведения»*⁵⁴⁸.

Печать армянства была повсюду: начиная от армянских сел Нахичеванского края, жилых построек, церквей, монастырей, мостов, кладбищ, хачкаров, кончая характерной для армян хозяйственно-экономической деятельностью. И конечно же, маркерами этнического пространства были язык, религия, традиции, обряды, а также фольклор, ставший своеобразным, увековечивающим историческую память вместилищем. В отличие от других маркеров этничности, он был неискореним. Если церкви можно разрушить, превратить их в мечети, а по нынешним временам и взорвать, если народ – носителя языка и традиций, можно насильственным образом согнать с исконных земель, а потом и сравнять с землей его кладбища, то легенды и предания, закрепленные в письменных памятниках, невозможно уничтожить.

Что касается представленного путешественниками материала по Нахичевану, то он в основном поставлялся информаторами, и, безусловно, зависел от их интерпретации. Устная информация, письменно зарегистрированная европейцами и таким образом сохраненная на века, заключала в себе социальную и историческую память народа. Информация иностранцев о Нахичеване и населявших его армянах существенно дополняла заключенный в армянских письменных и устных источниках фактический материал по политической, экономической, демографической, культурной, религиозной ситуации Нахичеванской области на протяжении пяти столетий. Она поступала или устным путем, "из первых рук" – со слов местных жителей, через переводчиков, или же была заимствована из предшествующих записок путешественников, которые также записывали ее по слуху. Следует отметить, что поступающий материал частично видоизменялся, преподносился в несколько ином прочте-

⁵⁴⁷ Р. Барт, Избранные работы. Семиотика: Поэтика, пер. с фр., сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова, М., «Прогресс», 1989, с. 424.

⁵⁴⁸ Марк Блок, Апология истории, М., 1986, с. 39.

нии – в так называемой «европейской редакции». При всем этом предоставленные ими тексты дают возможность воссоздать целостную историко-географическую и фольклорно-мифологическую картину армянского мира Нахичевана.

Однако путешественник обладал не только способностью слышать, но и видеть. Помимо словесного приема информации, последняя могла поступать посредством визуального наблюдения (передаваемая устным путем информация хотя и бесценна, но легко оспариваема). Сохраненная в памяти и зафиксированная письменно зрительная информация (визуализированный образ территории) максимально приближена к действительности. Будучи очевидцем и наблюдателем армянских религиозных церемоний и обрядов, путешественник подробно воссоздавал в своем травелоге порядок их проведения. В поле зрения путешественника находились города и села, церкви и монастыри и хранящиеся здесь священные реликвии христианства, текстовое описание которых стало неременным компонентом его нарратива. Не осталась незамеченной и хозяйственно-экономическая деятельность народа, а также материальная и духовная культура этноса. Зачастую путешественник увековечивал увиденное собственноручным рисунком.

Темы, затронутые европейскими путешественниками по Нахичеванскому краю, крайне разнообразны. Образ территории Нахичевана в их травелогах множественен. Пространство ислама соседствует с пространством христианства. Наряду с этническим пространством очерчивается пространство социальное. С географическим пространством уживается пространство сакральное. Вместе с тем в изображаемом ими пространстве постоянно присутствуют и сосуществуют прошлое и настоящее, история и мифология разных культур и цивилизаций. Представления о Нахичеване и армянском этносе складываются в определенные географические, политические, религиозные, исторические и мифологические образы.

Эти образы разнообразны и разнородны. Можно говорить о полифонии образов. Если рассматривать образ Нахичеванского края в восприятии европейцев в хронологическом порядке, то каждая эпоха, наряду с ключевыми символами историко-географического и мифологического характера продуцировала свои определенные геокультурные образы: неприступная крепость Ернджак; завоеванные территории и города Нахичеванской области периода правления Шах-Аббаса; участь выдворенного армянского населения; Джульфа – прошлое и настоящее; джюльфинское кладбище; Аста-

пат, Акулис и др. Эти образы, создающие в совокупности геокультурное пространство, были отражением интерпретации европейцами Нахичеванского армянского мира в разные эпохи, продуктом его осмысления и конструирования.

Однако наряду с ними в разные исторические периоды циркулировали повторяющиеся устойчивые мотивы и образы, которые складывались на основе уже существующего архетипа и заключали в себе текст с множеством накопленных культурных смыслов.

Своеобразной первичной матрицей-основой формирования образа Нахичевана является толкование топонима *Нахчаван*, как «первое поселение» или «место первой высадки», которое восходит к информации, представляемой фольклорной традицией. Реконструкция первоначального, исходного текста – предтекста, почти невыполнима. Наиболее авторитетным источником является информация, введенная в научный обиход Иосифом Флавием (37 г. от Рождества Христова – 100 г. от Рождества Христова). «*Это место, – пишет он, – армяне называют «местом высадки»* [«Апобатеион» (греч. Αποβατήριον)], *и до сих пор еще туземцы показывают там остатки, сохранившиеся от ковчега»*⁵⁴⁹.

Однако трудно установить, насколько воспроизведенная еврейским историком информация отдалена от предтекста исторической дистанцией. Тем не менее этот текст из прошлого, вкпе с рассказами, зафиксированными европейцами со слов местных жителей, а также в результате дублирования текстов других путешественников, становится обязательным, константным сюжетным звеном рассказа о Нахичеване. Данный образ, выступая в травелогах европейских путешественников как основополагающий, стержневой, генерирует дополнительные, придаточные образы, ибо «всякий раз, как стержневой образ выбран, он предполагает определенное «ветвление» и продуцирование вторичных и «поддерживающих» образов»⁵⁵⁰.

Вокруг библейского Ноя выстраивается образный ряд, в основе которого – предания, связанные с городом Нахичеваном – местом «первой высадки» («нах иджеванел») и основания Ноем города, местами захоронения Ноя, его жены Ноемзар и сестры, могилы святых, сакральные места, связанные с событиями из жизни

⁵⁴⁹ Иосиф Флавий, Полное собрание сочинений в одном томе, Иудейские древности, кн. 1, гл. 3, М., 2008, с. 14.

⁵⁵⁰ Д. Н. Замятин, Образ страны: структура и динамика, Общественные науки и современность, 2000, № 1, с. 107.

пророков, апостолов, христианских мучеников, церкви, возведенные в их честь, реликвии, чудодейственные родники и источники, священные деревья. Выступая в качестве компонентов базового образа, эти образы-символы сыграли непосредственную роль в формировании этно-географического образа страны.

Возвышающаяся в Срединной стране (Миджнашхаре) двуглавая гора Арарат усиливала священный статус «достопочтенного города Ноя... колыбели нашей истории, а возможно, и нашей цивилизации»⁵⁵¹.

По словам русского писателя-путешественника Евгения Маркова, «Арарат представляется каким-то царственным владыкою всей местности, далеко охватывающей его со всех сторон, его двухголовая пирамида... кажется тем громаднее и величественнее, что не заслоняется от нас ни малейшим пригорком, а видна прямо за широкою, гладкою низиною долины Аракса, вся на наших глазах от пяты до макушки»⁵⁵².

Сакральное начало, исходящее от Арарата, передавалось и расположенной вокруг него территории, тем самым происходило расширение границ сакрального пространства, центр которого фиксировался библейской горой, наблюдалось нарастание сакральной отмеченности местности: территории, прилегающие к центру сакрального пространства (горе Арарат) – подпространства (термин принадлежит В. Н. Топорову), были включены в структуру сакрального поля. Сакрально были отмечены как сама гора, так и простираемые вокруг Арарата сакральные объекты, которые стали служить своего рода топографическими ориентирами, что было связано с их сакральной значимостью. Эта, выражаясь словами В. Топорова, «всесакральность» составляла «одну из наиболее характерных черт мифопоэтической модели мира». Нельзя не отметить, что Арарат, как и Эчмиадзин – Три церкви, отражающие этнокультурные коды армянской модели сакрального мира, в записках путешественников выступают как «бинарное соединение», и не только по причине их сопредельного местоположения, а, скорее ввиду их отнесенности к единому сакральному пространству («Место, на котором построена Эчмиадзинская церковь, есть то самое, на кото-

⁵⁵¹ «Vénérable ville de Noé... Berceau de notre histoire et peut-être de notre civilisation» (Frédéric Dubois de Montpéroux, Voyage autour du Caucase, P., 1840, t. IV, p. 9).

⁵⁵² Евгений Марков, Русская Армения, Зимнее путешествие по горам Кавказа, «Вестник Европы», № 6, 1901, с. 493.

ром Ной, сошел с ковчега, приносил первую жертву Богу»⁵⁵³). В этом плане показателен ответ, данный на аудиенции у Папы Римского Симеоном Лехаца и сопровождающим его вардапетом Закарием Ванеци⁵⁵⁴: «Папа спросил, откуда [мы] прибыли и каково армянам под рукой неверных. А он (вардапет) ответил: «Я приехал из святого Эчмиадзина, от горы Арарат»⁵⁵⁵.

Сакральное пространство, основы которого закладывались исстари, было представлено множеством сакральных мест. Границы этого пространства не были неизменными. Будучи нерасторжима с более древним пластом представлений, когда были положены основы сакрального локуса, священная территория, представляющая мифологический комплекс (выражение Леви-Брюля), вбирала в себя все новые освященные объекты – почитаемые места и культовые постройки, которые встраиваясь в структуру сакральной топографии, становились ее нерасторжимой частью.

Таким образом, концепция сакрального пространства подвергалась значительным изменениям в духе времени, сообразно и картина сакральной географии менялась в соответствии с циклическими периодами развития данной традиции: сакральная значимость одних объектов – микропространств ослабевала, других, наоборот, усиливалась, пространство наполнялось новыми почитаемыми объектами.

Так, город Нахичеван, являясь знаком-символом территории, связанной с именем Ноя, в последующем репрезентируется и как духовный центр армянского католичества (*архиепископский город Нахичеван*).

Представление о городе Нахичеване, как сакральном пространстве – месте основания Ноем города, дополнилось новым маркером сакральности – местом последнего упокоения Ноя. Гробница Ноя, «к которой нет ни дня, чтобы не приходили паломники разных национальностей: русские, армяне, евреи и т. д., чтобы почтить нашего общего родоначальника», стало одним из наиболее почитаемых мест во всем крае. Над склепом была возведена ча-

⁵⁵³ Федор Корф, Воспоминания о Персии (1834–1835) барона Федора Корфа, СПб., 1838, с. 60.

⁵⁵⁴ Закария Ванакан был нвираком – уполномоченным представителем эчмиадзинского католикаса Мелкиседа, см.: Симеон Лехаца, Путевые заметки, перевод с армянского, предисловие и комментарии М. О. Дарбинян, М., 1965, ком.1 к гл. 5, с. 279.

⁵⁵⁵ Симеон Лехаца, Путевые заметки, с. 90.

совня, а вокруг простиралось армянское кладбище. Могила Ноя приобрела статус сакральности, стала местом паломничества «как мусульман, так и христиан», убежденных, что если приложенный ими к стене камень прилипнет к ней, то их желания сбудутся⁵⁵⁶.

Сакральный ландшафт включал как культурную составляющую (монастырь, церковь, часовня, крест, места погребений), так и природную (озеро, ручей, источник, роща, дерево, камень).

Среди особо почитаемых сакральных локусов в границах Нахичеванского края были армянские церкви и монастыри, среди них «Магарда ванк» – Монастырь первомученика Св. Степаноса или монастырь Дарашамба. Тавернье объясняет выбор места для постройки монастыря тем, «что по преданию, это то место, в котором укрывались от преследований Св. Матфей и Св. Варфоломей..., в этом месте найдены принесенные Св. Варфоломеем и Св. Матфеем многочисленные реликвии, к которым были добавлены и другие». Далее Тавернье приписывает сотворение чуда Св. Матфеем (вместо Варфоломея): «Он ударил жезлом о землю, и оттуда забил родник»⁵⁵⁷.

Согласно рассказам путешественников, Нахичеванский край изобилует множеством священных родников, в их числе – расположенный близ Карабаклара (Агарака) «источник, струящийся из углубления в скале, высеченного Симом, сыном Ноя»⁵⁵⁸.

Что касается Ноя, то путешественники нет-нет, да и отмечают следы его пребывания в Нахичеванской области. Так, Шарль Беланже приводит занятное местное предание, согласно которому, Ной, упившись вином, приготовленным им из винограда сорта циссус (cissus)⁵⁵⁹, проклял виноградную лозу, которая перестала плодоносить⁵⁶⁰.

Особое внимание путешественников привлекала расположенная в центральной части гавара Ернджак гора в форме головы сахара, которая, подобно горе Ноя – Арарату, также была наделена ореолом святости. Речь идет о символе края – Змеиной горе (Օճշիւր, Հիշիւր), которую можно было лицезреть из гаваров

⁵⁵⁶ Madame Ida Pfeiffer, A Woman's Journey Round the World, Publisher, Echo Library, 2006, Length, p. 310.

⁵⁵⁷ Les six voyages de Jean-Baptiste Tavernier..., vol. 1, p. 58 – 59.

⁵⁵⁸ Там же, p. 52.

⁵⁵⁹ Циссус – комнатный виноград, виноградный плющ.

⁵⁶⁰ Charles Belanger, Voyage aux Indes-Orientales pendant les années 1825 à 1829..., P., 1838, p. 269.

Ернджак, Нахичеван, Шарур и Гохтн. Гора эта с раздвоенной вершиной напоминала по своей форме Арарат–Азат–Масис и подобно ей была священной горой для армян с дохристианских времен. Эти две наделенные статусом сакральности горы были как бы молчаливыми свидетелями происходящих на протяжении многих столетий событий. В глубь веков уходят и связанные с ними легенды.

Оцасар позиционировалась как священная гора в народных преданиях во все времена. Так, согласно зафиксированному А. К. Никитиным преданию, «...Ноев ковчег, плывя, наткнулся ночью на эту гору. Удар оказался таким сильным, что гора разошлась на две части... Ной рассердился и проклял гору, заселив ее вишапами и змеями. Поэтому она и называется Оцасар (Змеиная гора)»⁵⁶¹.

По Августу фон Гакстгаузену, «Искандер [Александр Македонский] поселил на этой горе своих жен, и заколдованные змеи стерегут их»⁵⁶².

Жан-Батист Тавернье, Дюбуа де Монперё, Поль Лука пересказывают легенду о месте ежегодного сходбища змей у подножья Змеиной горы и об источниках, способных излечивать укушенных змей и смертельных для змей.

Джеймс Морьер и Шарль Беланже приводят легенду о змеиных боях возле Змеиной горы, а Уильям Гор Оусли как бы вносит уточнение в сюжет легенды, отмечая, что, змеи сражаются в обличии мужчин («Кух-э-Мар или «гора змей», где властвует огромное количество этих рептилий, которые, как говорят, собираются там в определенные сезоны и сражаются в обличии мужчин»⁵⁶³), что вызывает ассоциации с драконородными Хоренаци.

Легенды о Змеиной горе и территории вокруг передавались из поколения в поколение и являлись носителями и хранителями коллективной исторической памяти народа. Каждая эпоха, вписывала что-то свое в «копилку» историй, связанных со Змеиной горой. Имело место сохранение и пересечение языческой и христианской культурной традиций. Тем не менее, независимо от эпохи создания легенд, эта гора и окружающая ее территория всегда были наполнены сакральным смыслом.

В масштабах Нахичеванского края сосуществовали различные

⁵⁶¹ Арам Ганалаян, Армянские предания, с. 57.

⁵⁶² Август фон Гакстгаузен, Закавказский край, ч.1–2, СПб., 1857, с. 119, – в кн.: А. Ганалаян, Армянские предания, с. 58.

⁵⁶³ William Oustley, Travels in Various Countries of the East, vol. 3, p. 429.

сакральные пространства. Историко-географическая карта области была маркирована несколькими сакральными территориями, которые являлись носителями и хранителями исторической памяти народа. Народы же, населяющие область, были неоднородны по этническому и конфессиональному составу, следовательно, и историческая память у них была разная. Каждый народ конструировал свое священное пространство, наполняя его новыми символами и смыслами. Однако территория Нахичевана сакрализировалась не только его местным населением, но и прибывшими сюда европейцами, в частности, католическими миссионерами, для которых особенной сакральной территорией были села армянских католиков. В них были расположены церкви их ордена, где служба проводилась по римскому обряду. При церквях, на армянских кладбищах были похоронены католические проповедники; в Нахичеване доминиканцами было создано архиепископство (диоцез), перенесенное впоследствии в Абаранер.

Села и церкви армянских католиков Нахичеванского края были своеобразным форпостом пропаганды и распространения католичества в регионе. Эти села вызвали интерес европейских путешественников: они не преминули их посетить и поделиться своими впечатлениями.

В центре их внимания деятельность Варфоломея Болонского, епископа города Марага, архиепископа Султании, находившегося в непосредственной близости от армянских провинций Сюник и Васпуракан. В 1330 году из Мараги он переселился в Кырнайский монастырь, основанный Ованнесом Крнеци.

Варфоломей Болонский, этот «человек-апостол», как величают его путешественники, сыграл немаловажную роль в распространении католического вероучения в Нахичеванской области (согласно тексту «Путешествия на Восток преподобного отца Филиппа», «Варфоломей Болонский основал епархию в Нахичеване, и с той поры, как ему вверили заботу об этой области схизматиков, он пошел туда и с такой неусыпной и упоением ходатайствовал за спасение душ, что в течение малого времени вся эта область, под названием Ернджак (Alinja), была обращена в католичество, и дабы сохранилась наша вера в чистоте, он основал монастыри своего ордена»⁵⁶⁴).

⁵⁶⁴ Voyage d'Orient du R. Père Philippe de la Très Sainte Trinité carme deschausé, chapitre 8, p. 91.

Де Сильва Фигероа восполняет пробелы в информации данными о преобразовании армянских апостольских церквей в католические («Он наряду с другими западными монахами ордена основал небольшую монашескую общину, их стараниями три-четыре небольшие [армянские апостольские] церкви были преобразованы [в католические]»)⁵⁶⁵.

Путешественники единодушно связывали с именем Варфоломея Болонского историю проникновения папской курии в область. Не осталась незамеченной и проделанная им значительная научная, литературно-просветительская и переводческая работа⁵⁶⁶ («он не только подчинил многие города и села Римской церкви, – пишет Антонио де Гувеа, – но и утвердил и обучил их всем обрядам латинян, основывая во многих местностях монастыри своего ордена... Он перевел с латыни на армянский много книг, среди них сочинения нашего Отца Св. Августина, а также труды Фомы Аквинского...»).

Словом, для европейских путешественников Варфоломей Болонский был фигурой культовой. Особенно для миссионеров, хотя и купцы, и дипломаты, и просто любители странствий, путешествуя по Нахичевану, встраивали в свой рассказ историю его миссионерской деятельности. Многие из них считали своим долгом, побывав в Нахичеванской области, посетить его могилу в Кырне, которая стала почитаемым святым местом.

Прошли годы и даже столетия со времен апостольской миссии Варфоломея Болонского. Картина края с тех пор достаточно изменилась. Научная, литературная и переводческая деятельность униторских кругов пошла не спад. Поредели села армянских католиков. Да и число армян-католиков значительно сократилось, что не могло не беспокоить путешественников.

⁵⁶⁵ García de Silva y Figueroa, L'Ambassade de D. Garcias de Silva Figueroa en Perse, p. 195.

⁵⁶⁶ За три года, проведенных в Кырнайском монастыре (монастырь Св. Богородицы), он и его сподвижники успели перевести множество сочинений. «В Кырне Варфоломей, Петр Арагонский, Ованнес и Акоп Кырнеци, – пишет Сен Аревшатын, – написали, перевели с латыни и ввели в обиход целый ряд новых для армянской средневековой философской и богословской литературы весьма интересных и ценных произведений, внесли разнообразие в научную мысль своего времени и оживили контакты с Западной Европой», см.: С. С. Аревшатын, К истории философских школ средневековой Армении (XIVв.), Ереван, изд-во АН АрмССР, 1880, гл. 1.

Данные об этих изменениях были зафиксированы в травелогах европейцев на протяжении пяти столетий (XIII – XVII вв.). Согласно И. Шопену, который основывается на информации Шардена, в XIV веке около двадцати селений, признавших папу, составляли здешнюю епархию. В записках путешественников в последующие века число селений варьировалось от семи до двенадцати. Так, в «Путешествии купца в Персию» (1511–1520 гг) их было двенадцать; Жан-Батист Тавернье регистрирует десять (ориентировочно – 1632 г.); Анри Долье Десландес упоминает «восемь или десять» селений (1664–1666 гг.); Де ла Круа отмечает «семь деревень» (1670–1679 гг.). Автор «Путешествия миссионера общества Иисуса» Жак Виллот, пишет, что некогда было десять обитателей, в пору же посещения им этого края их число уменьшилось до семи (около 1696 г.).

Наряду с этим некоторые путешественники передали картину конфессионального состава населения сел. Вся эта информация представляет значительную ценность в изучении этно-конфессиональной структуры населения не только католического региона, но и всей Нахичеванской области.

Что касается отношения путешественников к вероисповеданию армян, то в этом вопросе их позиция неоднозначна. С одной стороны, европейцы включают Армению в христианский мир, с другой – противопоставляют «свой христианский римско-католический мир» миру «христианскому не католическому». Таким образом, традиционная для жанра путешествий антитеза «свой – чужой», получает новое усложнение, которая сводится к формуле «свой – другой – чужой», где другими являются так называемые армяне-схизматики, а чужими – представители другой веры, магометане. Армяно-католиков – «франкских армян», они воспринимают как своих, принадлежащих к приоритетным религиозным идентификаторам. «Армяне упомянутой области [Ернджак] другими армянами зовутся франками, что равнозначно европейским подданным»⁵⁶⁷, – пишет Отец Филипп. Амбродро Контарини нарекает их Франкскими армянами (*Armeni franchi*), а Венценцо Александри называет их «латинянами, которых персияне именуют франками». Спустя два столетия Иван Шопен отметил, что Абаранер называли в народе *Гех Франкоц* (село Франков).

Относительно богослужения путешественники единогласно

⁵⁶⁷ Voyage d'Orient du R. Père Philippe de la Très Sainte Trinité carme deschaus-sé, p. 91.

регистрировали, что служба у армян - католиков, всецело последователей Римской церкви, велась на армянском («они отправляют службу и молятся на армянском языке, однако обряды у них латинские» (Антонио де Гувеа); «они придерживаются устава [ордена] святого Бенедикта... совершают мессу по нашему обряду, на своем языке» (Иосафат Барбаро); «Епископ их, армянской национальности, приверженец того же ордена, ему не позволено вступать в брак, он служит литургию, читает те же молитвы, что обычно читают в Европе представители этого же ордена» (Гарсиа де Сильва Фигероа); «Они подчиняются папе и ими руководят доминиканские монахи их национальности... время от времени в Рим отправляют детей, годных к обучению; они там изучают латынь и итальянский, а также необходимые для их профессии науки. В этой стороне насчитывается около шести тысяч душ – всецело последователей Римской церкви, церковная же служба и месса ведется на армянском... Архиепископ после избрания отправляется в Рим, где его утверждает Папа» (Жан-Батист Тавернье); «Преподобные отцы отправляют службу Божью по Римскому обряду, но на армянском языке, с дозволения папского Престола» (Жак Виллот); «Они следуют обрядам католической церкви, за исключением литургии и обедни, которые поются на армянском, дабы было понятно народу. Эта небольшая паства живет праведно, она достаточно образована, и нет на всем Востоке лучше христиан, чем они» (Жозеф Питтон де Турнефор).

«Эта небольшая паства», согласно рассказам путешественников, была достаточно трудолюбива: она обеспечивала свое существование собственным трудом. Так, описывая селения армянских католиков, анонимный автор отмечает, что «они производят также в большом количестве краситель *cremesis*»⁵⁶⁸ («Viaggio d'un Mercante»). В «Путешествии в Левант» Отец Филипп сообщает, что армяне «занимаются не только просвещением душ истинной верой, но вынуждены заниматься и ручным трудом, чтобы прокормить себя и выплачивать подать, наложенную шахом Персии, так что отправив обедню, они идут работать в поле»⁵⁶⁹.

Особое место в своих травелогах путешественники уделяли описанию положения христиан, которые, по словам де Гувеа, «пре-

⁵⁶⁸ Viaggio d'un Mercante, – in: Secondo volume delle navigationi et viagginella, p. 87.

⁵⁶⁹ Voyage d'Orient du R. Père Philippe de la Très Sainte Trinité carme deschaus-sé, p. 91.

терпевали и претерпевают вечные страдания, как под владычеством турок, так и персов Обреченные на вечные страдания, число этих армян, которых называют франками, уменьшилось настолько, что мне кажется, их не более тысячи».

Некоторые путешественники приводили факты убиения армян, не пожелавших принять ислам. Так, Сансон описывает казнь армянина, который на предложение шаха сделать выбор между смертью и принятием ислама, ответил, что «ничто его не заставит отречься от Иисуса Христа, который есть сама истина, чтобы последовать за лжепророком»⁵⁷⁰. Его обрели на мученическую смерть путём обезглавливания, тело бросили на съедение собакам. Усилиями Сансона, который был исповедником этого мученика, его похоронили на французском кладбище. И подобных задокументированных путешественниками злоключений было множество.

Крайне тревожила путешественников политика омусульманивания армянского населения, чему в значительной степени способствовал закон джадид-ул-ислам, от 1621–1622 гг., подталкивающий христиан к вероотступничеству.

Так, Франсуа Пике в своем письме из Абаранера по поводу притеснений со стороны неправедных судей, которые, под угрозой лишить христиан имущества, пытались обратить их в мусульманство, писал: «Самый основной и жестокий гнет, который испытывают христиане в этой стране – это [последствие] злополучного закона Персии в пользу тех, которые настолько нечестивы, что могут отречься от Иисуса Христа, дабы стать наследниками и хозяевами имущества и земель их близких и дальних родственников (Джафара ас-Садик шестой имам, ввел этот скверный закон)».

«Злополучный закон Персии» наряду с жесткими податями, наложенными местными властями, привел к сокращению числа последователей не только римской церкви, но и армянской апостольской.

Тавернье с горечью пишет, что «когда старцы ушли из жизни, молодые постепенно сделались мусульманами, и сегодня едва можно встретить двух армян христиан во всех этих прекрасных равнинах, куда для возделывания [земли] были высланы их отцы»⁵⁷¹.

⁵⁷⁰ Sanson, Voyage ou relation de l'etat present du royaume de Perse, P., 1695, p. 187.

⁵⁷¹ Les six voyages de Jean-Baptiste Tavernier..., p. 54.

Согласно путевым записям Жана Шардена, армян-католиков, гонимых со стороны местных правителей, пыталась взять под свое попечительство римская церковь. С этой целью в 1664 году в Персию прибыл посланник папы с письмами от европейских государей, и в результате было достигнуто соглашение, по которому в селах католиков причитающиеся с них подати и платежи они должны были сами непосредственно посылать в царское казначейство. Правителю же Мидии и Нахичевана был дан приказ признать эти селения неподвластными их ведомству и не производить впредь сборов в этих селениях. К сожалению, этот приказ не имел силы в последующем. После смерти Аббаса их стали притеснять с еще большей силой, «сбирая три или четыре раза те подати, которые, согласно приведенному выше постановлению, жители должны были сами непосредственно внести в царское казначейство»⁵⁷².

По мнению путешественников, армян-католиков взяли под свою защиту не только Римский Папа и государи Европы, но и сам Бог. Так, де Гувеа убежден, что жители местностей, в которых исповедовали католическую веру, несмотря на «притеснения и разбой со стороны персов, остались в своих домах и в своей стране, и не были принуждены сменить место жительства в отличие от большинства [христиан] схизматиков», ибо сам Бог «охраняет эту духовную паству в течение столь длительного времени от таких многочисленных врагов веры [католической], как турки и остальные армяне-схизматики».

Как бы в продолжение рассуждений де Гувеа, Де ла Круа пишет, что число католиков армян было бы значительно больше, если бы не гонения на них со стороны «патриарха схизматика».

Обращение армян в мусульманство Александр де Род связывает с их отходом от католицизма и неведением армянами латинских обрядовых традиций («эти несчастные армяне, среди которых, после того, как они отделились от Папы, господствует неведение относительно наших таинств, с легкостью отрекаются от Иисуса Христа, чтобы покориться Магомету»).

Наряду с констатацией факта насильственного обращения армян в ислам, многие путешественники отмечают, что армяне, вопреки гонениям со стороны магометан, всегда остаются непреклонными в отстаивании своей веры. Тавернье в своем «Путешествии»

⁵⁷² Путешествие кавалера Шардена по Закавказью в 1672–1678 гг., «Кавказский вестник», № 9, 1901, с. 298–299.

посвящает этому вопросу целую главу («Exemples de la fermeté des Arméniens à soutenir leur Religion contre les persecutions des Mahométans») ⁵⁷³.

Жак Виллот воздает хвалу твердости армян в сохранении своей веры. «Армяне, – утверждает Виллот, – несмотря на огорчения, гонения, потери, темницы и оковы, всегда были тверды в христианской и даже в католической вере. Кровь многочисленных мучеников, пролитая по всей Армении за преданность и любовь к Иисусу Христу, требовала отщепенства и наделила этот народ непоколебимой убежденностью в истинности веры своих отцов» ⁵⁷⁴.

«Отрадно было видеть праведных, – читаем в «Житии Франсуа Пике», – которые, благословляя Господа, говорили: «Это поле, этот дом принадлежали мне или моему отцу; магометане их у меня отобрали; я беден, но благодаря нашему Господу Иисусу Христу я сохранил веру, которая ценнее всех богатств мира» ⁵⁷⁵.

В этом же «Житии...» заключена небезыңтересная информация относительно жителей Акулиса: «...в случае, если кто-нибудь, не приведя Господи, отрекался от веры, его изгоняли из города...» ⁵⁷⁶.

Если рассматривать географический образ, как совокупность символов и архетипов, репрезентированных через литературу путешествий, то, пожалуй, константной и вместе с тем доминантной имиджевой ипостасью Нахичевана и области является образ разрушения и обновления края, при этом зачастую город Нахичеван выступал в качестве образа всей области. Этот образ укреплялся столетиями и не мог не быть обозначенным путешественниками. Дихотомия «Нахичеван сейчас (в пору пребывания в нем путешественника) – Нахичеван в прошлом» – такова парадигма образа. Разрушения были перманентными. Захват территории сопровождался разорением и искоренением исторически сформировавшегося культурного слоя.

Гийом Рубрук, посетивший Нахичеван после разгрома его монголами, пишет, что он «прежде был столицей некоего великого царства и величайшим и красивейшим городом; но Татары обра-

⁵⁷³ Les six voyages de Jean-Baptiste Tavernier..., P., 1676, livre IV, ch. XIV, p. 457.

⁵⁷⁴ Jacques Villotte, Voyage d'un missionnaire de la compagnie de Jésus ..., p. 533.

⁵⁷⁵ Charles-Léonce Anthelmy, La vie de messire François Picquet, p. 398–400.

⁵⁷⁶ Там же, с. 406.

тили его почти в пустыню. Прежде в нем было восемьсот армянских церквей (octigente ecclesie Hermenorum), а теперь только две маленьких, а остальные разрушили Саррацины».

Вслед за ним Роджер Бэкон, дублируя рубрукowskiй текст, отмечает, что Нахичеван «некогда был большим [городом], до того, как Татары его разрушили. И было в нем восемьдесят армянских церквей; когда же брат Гильом здесь проходил, тут остались лишь две многострадальные... он некогда был столицей царства».

В 1339 – 1340 годах иранский историк Хамдаллах Казвини застал город ещё довольно процветающим («Это прекрасное место, именуемое «Картиной мира» (Накш-и джахан). Большая часть его зданий построена из жженого кирпича...») ⁵⁷⁷.

Эвлия Челеби (1611–1682 (?)), воссоздавая историю завоеваний области Нахичеван, пишет, что «монгольское племя, соблазнившись, прибыло сюда с многочисленным войском, уничтожило красоту этого города, украшения вселенной, разрушило и разгромило его крепость, сровняв ее с землей. Далее, при Мехмед-хане III, когда этот город находился в руках османов, беспутный шах (Шах-Аббас - Г.К.) направил сюда Зульфикар-хана, который и захватил его. Позднее войска Мурад-хана IV во главе с Мехмед-пашой завоевали эту местность...» ⁵⁷⁸.

Нахичеван – «столица царства», «отличный город» (Ньюбери), «город, почти весь населенный армянами» (Антонио де Гувеа) «старейший город мира» (Джемелли Карери), особо пострадал в пору шах-аббасовских завоеваний. «Главные города – Ереван, Нахичеван, Шарур и Акулис (Glis), – пишет Антонио де Гувеа, – были разграблены и опустошены,.... Шах сокрушил города Нахичеван и Джульфа, а жителей погнал в Исфахан». Судя по тексту «Жития мессира Франсуа Пике», Нахичеван «был некогда значительным, однако его полностью разрушил Шах-Аббас». Отец Филипп отмечает, что «город Нахичеван почти полностью разрушен; вот почему архиепископ ныне пребывает в Abraner-e».

В пору пребывания Шардена в Нахичеване это был «большой разрушенный город; его скорее можно назвать грудой развалин, постепенно восстанавливаемых и заселяемых».

Согласно записям Жака Виллота, «город Нахичеван известен древним персам под названием Нахуана, пришел с тех пор в

⁵⁷⁷ Хамдаллах Казвини, Услада сердец, Нузхат-ал-кулуб, Баку, 1983, с. 51.

⁵⁷⁸ Эвлия Челеби, Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века, с. 114.

упадок, здесь было, если верить жителям страны, до сорока тысяч домов, сейчас же можно видеть одни руины».

Таким видится Нахичеван на протяжении нескольких веков европейскими путешественниками.

По прошествии времени В. Потто, оглядываясь на прошлое и оценивая настоящее Нахичевана с высоты прошедших лет, заключает: «со II-го века город переходит уже из рук в руки и принадлежит то армянам, то персиянам, то туркам. Сколько раз он был разрушен и жители его истребляемы поголовно. Но город возникал из развалин с прежним блеском, и население его не уменьшалось»⁵⁷⁹.

Среди городов Нахичеванской области особого внимания путешественников удостоилась Старая Джуга (Джульфа). Начиная с XVII века почти все без исключения путешественники касались трагической судьбы этого некогда процветающего города, ставшего жертвой политики Шах-Аббаса, который «разрушил Джульфу со всеми ее фортами и укреплениями...» (Шарден), «превратил город в пустыню» (Александр де Род), по тому, что осталось от него, «трудно догадаться о его бывшей красоте: камни беспорядочно навалены друг на друга, строения скорее напоминали погребца, чем дома» (Тавернье), вокруг же Джульфы «разбросаны наполовину разрушенные, наполовину закопанные в землю, наполовину смытые дождями, наполовину унесенные потоком жилища. Из живых существ остался лишь ужасный джульфинский черный скорпион» (Дюбуа де Монперё).

Обо всем сказанном свидетельствует «расположенный на вершине горы большой четырехугольный столп из белого камня, с надписью, гласящей, что это великий Шах-Аббас разрушил город и вывел оттуда всех жителей» (Поль Лука).

Под разрушением Нахичевана и области подразумевались как захват и разгром городов, сел, караванных путей, мостов, так и уничтожение культурно-исторического наследия страны, являющегося свидетельством эпох и цивилизаций, подлинным носителем информации по истории развития культуры. Уничтожались не только объекты культурного наследия христианского народа, но и народов, исповедовавших различные течения мусульманской религии. Так, Тавернье, описывая Нахичеван, отмечал, что он «полностью разрушен армией султана Амурата. Здесь можно увидеть

развалины великолепных мечетей, разрушенных турками, поскольку последователи Магомета не желают входить в мечети последователей Али... Турки и персы разрушали их попеременно, в зависимости от исхода войн»⁵⁸⁰.

Европейских путешественников, как последователей христианства, в первую очередь беспокоило состояние христианских исторических памятников. Нахичеванская область была страной церквей. Церкви, как и край, уничтожались и отстраивались заново. Путешественники были живыми свидетелями имевших место на протяжении нескольких столетий бедствий и злодеяний. Рубрук, описывая Нахичеван первой половины XIII века, отметил, что из восьмидесяти церквей остались лишь две, которые Роджер Бекон охарактеризовал не иначе, как «многострадальные».

Судьба области не могла не отразиться на судьбе «многострадальных» церквей и монастырей, которые по обыкновению перестраивались в мечети. Так, по сообщению Григорьева, одна из мечетей Ордубада «переделана из Армянской церкви», и что «теперь весьма немногие из них [церквей и монастырей], только в селениях старожилых армян, остаются целыми; другие большей частью обвалились или служили у татар зимовниками для их скота»⁵⁸¹. Повсеместно церкви «осквернялись и превращались в конюшни, а иконы истреблялись и предавались огню» (Антонио де Гувейя).

Порой здания церквей разбирались и использовались как строительный материал для дворцов и мечетей. Согласно тексту «Путешествия в Персию» Джеймса Морьера, купол бани дворца Шехель Сотун Аббаса II в Исфахане поддерживали колонны из армянских церквей Джульфы.

Для строительства новых сооружений использовали даже надгробные камни. При возведении крепости Аббас-Абад «эскарп и контр-эскарп были выложены почти одними надгробными камнями, взятыми с находившегося близ древнего кладбища»⁵⁸².

Видели они также разрушенные кладбища армян с поваленными надгробьями. Достоверность этой информации нельзя поставить под сомнение. Сознательное искажение или умалчивание этих сведений есть не что иное, как дезинформация, как ложь, а

⁵⁸⁰ Les six voyages de Jean-Baptiste Tavernier..., vol. 1, p. 53.

⁵⁸¹ В. Н. Григорьев, Статистическое описание Нахичеванской провинции, с. 84, 194.

⁵⁸² Там же, с. 72.

⁵⁷⁹ В. Потто, Кавказская война, С.-Петербург, т. 3, 1888, с. 341.

«прямая ложь, как таковая, – как метко заметил Марк Блок, – тоже своего рода свидетельство»⁵⁸³.

Прошли столетия. Область продолжала переживать взлеты и падения. Но то, что произошло в XX и XXI столетиях, не могло при-
сниться путешественникам XIII–XVII веков даже в страшном сне. Могли ли они предположить, что будет искоренено не только армянское население области и его культурное наследие, но и могилы многих миссионеров и их «апостола» Варфоломея Болонского.

Говоря об израильском народе, Ян Ассман заметил, что «Израиль создал и сохранял себя как народ под императивом «Храни и помни»⁵⁸⁴. К сожалению армянскому народу не позволили сохранить свое культурное наследие на земле своих предков. Однако никто не отменял память. Только у того народа есть будущее, который может хранить память о прошлом. Прошлое же Нахичеванской области увековечено в какой-то мере также благодаря травелогам европейских путешественников.

Османский историк и путешественник Эвлия Челеби, говоря об истории перманентных войн и завоеваний Нахичеванской области, заключает: «В сущности, все [везде] разрушается, и это действительно так, потому что согласно извечному порядку, «все сущее смертно»⁵⁸⁵. Так что, исходя из мудрого умозаключения историка, история Нахичевана не заканчивается сегодняшним днем.

P.S. «В июне нынешнего 1875 года в татарском селе Гелчу, расположенном вблизи Нахичевана, соха пахаря извлекла из-под земли армянский крест с надписью «Крест дарован в память Еваза и сына Карапета церкви Св. Григора в году 1080 (1631)»⁵⁸⁶.

⁵⁸³ Марк Блок, Апология истории, с. 54.

⁵⁸⁴ Ян Ассман, Культурная память..., М., 2004, с. 30.

⁵⁸⁵ Эвлия Челеби, Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века, с. 114.

⁵⁸⁶ «Խաչս յիշատակ է Էվազին և որդոյն Կարապետին ի դուռն Սուրբ Գրիգորին թուականին ՌՁ(1080,1631)», см.: Каджберуни (Габриель Тер-Ованнисян), Путевые заметки, с. 55 (на арм. яз.).

Դարերի ընթացքում Նախիջևանը ծանր փորձությունների է ենթարկվել: Մի նվաճողին փոխարինում էր մյուսը, իշխանություններ էին փոխվում, ոմանք հեռանում էին պատմության ասպարեզից, ուրիշները գալիս: Յուրաքանչյուր նոր իշխանություն վարում էր ոչ միայն քաղաքական-տնտեսական գավթողական քաղաքականություն, այլև մշակութային, որը հանգեցնում էր անդրենածին բնակչության ազգային ու մշակութային արժեքները վերացնելուն և դուրս մղելուն՝ հպատակեցված ժողովրդի և պարտադրելով օտար կրոն, ավանդույթներ, նորմեր և սովորույթներ: Ամենից առաջ տարվում էր բնակչության էթնիկ և քրիստոնեական տարրը ճնշելու, դուրս մղելու քաղաքականություն: Ոմանք, իրավիճակից ելնելով, ստիպված էին լքել հայրենի եզերքը, ոմանց էլ բռնությամբ էին վտարում՝ հրդեհելով նրանց տները, ունեզրկելով: Սակայն Նախիջևանը, անընդմեջ ամայանալով, վերստին բնակեցվում էր հայերով: Դա ոչ այլ ինչ էր, եթե ոչ նախնյաց աշխարհի հողի կանչ, ինչպես նաև հիշողության ավիշներով սեփական արմատներին ու ավանդույթներին կառչած մշտաբնակ ժողովրդի հոգեբանություն: Վերադառնալով նախահայրենիք՝ հայերը փորձում էին վերստեղծել բնավեր օրրանը. Վերականգնում էին եկեղեցիները, կառուցում տներ, զբաղվում հողագործությամբ ու առևտրական գործունեությամբ: Փորձելով ինչ-որ կերպ դիմադրել իսլամացմանը (որին զգալիորեն նպաստում էր 1621-1622 թթ. ջաղիղ-ուլ-իսլամի օրենքը)՝ հայերի մի հատված հարեց կաթոլիկ եկեղեցուն՝ ի դեմս Հռոմի եկեղեցու պաշտպան ձեռք բերելու համար: Հայ կաթոլիկների ջանքերով ստեղծվեցին հոգևոր, ուսումնական ու գիտական կենտրոններ, որոնք գիտական-գրական և թարգմանչական գործունեություն էին ծավալում: Այդ ամենը, նաև շատ այլ բաներ չվրիպեցին եվրոպացի ճանապարհորդների աչքից: Նրանց ուղեգրությունները, վերածվելով Հայաստանի վերաբերյալ տեղեկությունների կարևոր աղբյուրի, պարունակում են պատմական-գրական հարուստ նյութ երկրի և ժողովրդի մասին:

Նախիջևան երկրի կերպարի զարգացումը և կառուցվածքը ուսումնասիրելու նպատակով մենք դիմել ենք XIII-XVII դարերի եվրոպական ճանապարհորդական գրականությանը՝ աշխատանքը բաժանելով երեք զուխներին:

Առաջին գլուխը՝ «Նախիջևանը XIII-XV դդ. եվրոպացի ճանապարհորդների գրառումներում», ընդգրկում է Գիյոմ դը Ռուբրուկի, Ռոջեր Բեկոնի, Յոհան Շիլտբերգերի, Ռուի Գոնսալես դե Կլավիխոյի, Յոհան Գալունիֆոնտիբուսի, Ժուրդեն դը Սևերակի, Կատերինո Ջենոյի, Յուսաֆաթ Բարբարոյի, Ամբրոջիո Կոնտարինիի ճամփորդական նոթերը:

Երկրորդ՝ «Նախիջևանը XVI դարի եվրոպացի ճանապարհորդների գրառումներում» գլխում ներառված են տեղեկություններ Նախիջևանի երկրամասի մասին՝ Պարսից Դոն Ժուանի, Էնթոնի Ջենկինսոնի, Էնթոնի Շիրլիի, Ռոբերտ Շիրլիի գեկույցների հիման վրա:

Երրորդ գլուխը՝ «Նախիջևանը XVII դարի եվրոպացի ճանապարհորդների գրառումներում», բաղկացած է հետևյալ չորս ենթագլուխներից.

1. «Նախիջևանը եվրոպացի ճանապարհորդների 1600-1630 թվականների գրառումներում» (Ջոն Նյուբերի, Ջոն Քարթաջ, Գեորգ Թեքթանդեր, Ստեֆան Կակաշ, Անտոնիո դը Գուվեա, Պիետրո դելլա Վալե, Գարսիա դը Սիլվա Ֆիգերոա, Գաբրիել դը Շինոն, Անրի դը Ֆեյնես)։

2. «Նախիջևանը եվրոպացի ճանապարհորդների 1630-1650 թթ. գրառումներում» (Հայր Ֆիլիպ Բոկոտոն Կարմելիտների միաբանությունից, Ադամ Օլեարիուս)։

3. «Նախիջևանը եվրոպացի ճանապարհորդների XVII դարի երկրորդ կեսի գրառումներում» (Ժան-Բատիստ Տավերնիե, Ժան Շարդեն, Պոլ Լուկա, Ֆրանսուա դը Լա Բուլե-Լը Գուզ)։

4. «Նախիջևանը եվրոպացի ճանապարհորդ-միսիոներների 1650-1700 թվականների գրառումներում» (Ալեքսանդր դե Ռոդ, Ժակ Վիլոտ, Ֆրանսուա Պիկե)։

Չորրորդ գլուխը՝ «Նախիջևանի կերպարի զարգացումը XIII-XVII դարերի եվրոպացի ճանապարհորդների գրառումներում»:

Նախիջևանի վերաբերյալ եվրոպացի ճանապարհորդների արձարձած թեմաները խիստ բազմազան են: Այդ ուղեգրություններում մեծաթիվ են Նախիջևանի երկրամասի ուշագրավ նկարագրությունները: Իսլամական և քրիստոնեական տարածքները գտնվում էին կողք կողքի: Էթնիկական տարածքի կողքին միաժամանակ ուրվագծվում է սոցիալականը: Աշխարհագրական տարածքի հետ խաղաղ գոյակցում է հոգևորը պաշտամունքայինը: Նկարագրված տարածքում մշտապես ներկա են և համագոյակցում են անցյալն ու ներկան, տարբեր մշակույթների և քաղաքակրթությունների պատմությունն ու առասպելաբանությունը: Նախիջևանի և այնտեղ ապրող հայկական էթնոսի մասին պատկերացումները

ծևավորվում են աշխարհագրական, քաղաքական, կրոնական, պատմական և առասպելաբանական որոշակի կերպարների հիման վրա:

Եթե Նախիջևանի մարզի կերպարը, ըստ եվրոպացիների ընկալումների, քննենք ժամանակագրական կարգով, ապա յուրաքանչյուր դարաշրջան, պատմաաշխարհագրական և առասպելաբանական բնույթի կարևոր խորհրդանիշների հետ միաժամանակ, ստեղծում էր որոշակի երկրամշակութային կերպարները՝ Երնջակ անառիկ ամրոցը, Շահ-Աբասի կառավարման շրջանում Նախիջևանի նվաճված տարածքները և քաղաքները, վտարված հայ բնակչության ճակատագիրը, Ջուղան՝ իր անցյալով ու ներկայով, Ջուղայի գերեզմանոցը, Աստապատը և այլն: Այդ կերպարները, ստեղծելով աշխարհամշակութային տարածություն, տարբեր դարաշրջաններում եվրոպացիների մեկնաբանությունների անդրադարձն էին Նախիջևանի հայկական աշխարհի վերաբերյալ, դրա իմաստավորման ու կազմավորման արգասիքը: Սակայն դրա հետ մեկտեղ պատմական տարբեր փուլերում շրջանառվում էին նաև կրկնվող կայուն մոտիվներ և կերպարներ, որոնք կազմավորվում էին արդեն գոյություն ունեցող նախատիպի հիման վրա՝ ամփոփելով ամբարված բազում մշակութային իմաստներ. Նախիջևանը՝ որպես «առաջին բնակավայր», Նախիջևանի մարզի հայ կաթոլիկների գյուղերը և եկեղեցիները, երկրամասի ավերումը և վերականգնումը և այլն: Նախիջևանի կերպարի ծևավորման ինքնատիպ մատրիցա-հիմքն է բանահյուսական ակունքներից սկիզբ առնող՝ Նախիջևան տեղանվան՝ որպես «առաջին բնակավայրի» կամ «առաջին ափ ելնելու վայրի» մեկնաբանությունը: Ելակետային տեքստի նախօրինակի վերականգնումը գրեթե անիրագործելի է: Առավել հեղինակավոր աղբյուրն այն տեղեկությունն է, որը գիտական կյանքի կոչեց Հովսեփ Փլավիոսը տեղի բնակիչների խոսքերի հիման վրա՝ «Այդ վայրը հայերը անվանում են «իջևանավայր» [«Ανοβατεριον» (հուն. Ανοβατήριον), «և մինչև այժմ տեղացիները այնտեղ դեռևս ցույց են տալիս մնացորդները, որոնք պահպանվել են տապանից»: Սակայն դժվար է հաստատել, թե հրեա պատմիչի ընդօրինակած այդ տեղեկությունը պատմական տարածության մեջ որքան է հեռացել նախօրինակից: Անցյալի այդ բնօրինակը, եվրոպացիների արձանագրած պատմությունների հետ մեկտեղ, ինչպես նաև այլ ճանապարհորդների կողմից բնագրերը կրկնօրինակելու արդյունքում, դառնում է Նախիջևանի մասին պատմության պարտադիր, անփոփոխ սյուժետային օղակը: Այս կերպարը, ուղեգրություններում հանդես գալով որպես հիմք, ծնում է լրացուցիչ կերպարներ: Աստվածաշնչային Նոյի շուրջ կերպա-

րային շարք է կերտվում, որի հիմքում են նրա կողմից կառուցված Նախիջևան քաղաքի վերաբերյալ առասպելները՝ կապված իջեցման վայրի, Նոյի, նրա կնոջ՝ Նոյեմզարի, և քրոջ թաղման վայրերի, սրբերի շիրիմների, սրբազան տարածքների, մարգարեների, առաքյալների, քրիստոնյա նահատակների կյանքի իրադարձությունների, նրանց պատվին կառուցված եկեղեցիների, սուրբ մասունքների, հրաշագործ աղբյուրների և սուրբ ծառերի հետ:

Ճանապարհորդների հատուկ ուշադրությունը գրավում էր Երնջակ գավառի կենտրոնական մասում գտնվող, գլուխ շաքարի նմանվող՝ երկատված գագաթով սարը: Խոսքը երկրամասի խորհրդանիշ Օծասարի մասին է, որը, ինչպես Նոյի սարը՝ Արարատը, օժտված էր սրբության լուսապսակով: Դարերի խորքից են նաև նրանց հետ առնչվող լեգենդները, որոնք արձանագրել են ճանապարհորդները:

Մարզի պատմաաշխարհագրական քարտեզում նշված էին ժողովրդի պատմական հիշողության պահպաններ դարձած մի քանի սրբազան տարածքներ: Իսկ երկրում բնակվող ժողովուրդները էթնիկական ու կրոնադավանական կազմով միատարր չէին, հետևաբար տարբեր էր նրանց պատմական հիշողությունը: Յուրաքանչյուր ժողովուրդ կառուցում էր իր սրբազան տարածքը՝ այն համալրելով նոր խորհրդանիշներով: Սակայն Նախիջևանի տարածքը սրբազնացվում էր ոչ միայն տեղաբնիկների, այլև եկվոր եվրոպացիների, մասնավորապես կաթոլիկ միսիոներների կողմից, որոնց համար հատուկ սրբազան տարածքներ էին հայ կաթոլիկների գյուղերը: Եկեղեցիներին առընթեր հայկական գերեզմանոցներում թաղված էին կաթոլիկ քարոզիչներ. Նախիջևանում դոմինիկյանները հիմնել էին արքեպիսկոպոսություն (դիոցեզ), որը հետագայում տեղափոխվեց Աբարաներ: Միսիոներների ուշադրության կենտրոնում էր Բարդուղիմեոս Բոլոնիացու, իրենց իսկ խոսքով ասած՝ այդ մարդ-առաքյալի գործունեությունը, որը փոքր դեր չէր ունեցել մարզում կաթոլիկ դավանությունը տարածելու հարցում:

Սրբազան տարածքի հայեցակարգը, որի հիմքերը դրվել էին վաղուց ի վեր, և որը ներկայացված էր բազմաթիվ սրբազան վայրերով, ժամանակի ոգուն համահունչ ենթարկվել է նշանակալի փոփոխությունների: Համապատասխանաբար նաև սրբազան աշխարհագրության պատկերը փոխվում էր տվյալ ավանդույթի զարգացման շրջափուլերին համապատասխան. որոշ օբյեկտների սրբազնության կարևորությունը թուլանում էր, մյուսներինը՝ ընդհակառակը՝ ուժեղանում. տարածքը լցվում էր պաշտամունքի նոր խորհրդանիշներով ու իմաստներով: Այսպես, Նախի-

ջևանը, լինելով տարածքի նշան-խորհրդանիշ՝ կապված Նոյի անվան հետ, հետագայում ներկայանում է որպես կաթոլիկության հոգևոր կենտրոն (արքեպիսկոպոսության քաղաք Նախիջևան):

Նախիջևանի մասին եվրոպացու հայացքը թույլ է տալիս ոչ միայն համալրել հայ և արևելյան պատմաաշխարհագրական գրականության մեջ անփոփված տեղեկությունները, այլև նորովի իմաստավորել Նախիջևան աշխարհի որոշ իրողություններ:

Հ.Գ. Անցան հարյուրամյակներ: Մարզը շարունակում էր վերապրել վերելքներ ու անկումներ: Սակայն այն, ինչ տեղի ունեցավ XX և XXI դարերում, XIII-XVII դարերի ճանապարհորդները չէին կարող երևակայել անգամ ամենասարսափելի երազներում:

Կարո՞ղ էին նրանք ենթադրել, որ մարզի ոչ միայն հայ բնակչությունը և նրա մշակութային ժառանգությունը արմատախիլ կարվեն, այլև շատ միսիոներների և նրանց «առաքյալ» Բարդուղիմեոս Բոլոնիացու շիրիմները կաղծվեն:

Summary

Over the centuries, Nakhichevan suffered severe trials. Some conquerors were replaced by others, one power forced out the other; some left the historical arena, others came. Besides the political, economic and ethnic expansion, each newly arrived government carried out cultural expansion, which led to the dissolving and ousting of national and cultural values of the autochthonous population and imposing their faith, traditions, norms and customs on the conquered people. First of all, a policy was carried out to Muslimize the population and squeeze out the Christian element. Under the circumstances, some were forced to leave their homelands, others were driven away from their homes by force, burning their houses and robbing their property. However, Nakhichevan was continuously devastated and was again inhabited by the Armenians. This was nothing more than the call of the earth, the psychology of a settled people, attached to the land of their ancestors, and, accordingly, to their roots and traditions, laid down in man at the genetic level. Returning to the ancestral home of their fathers, the Armenians tried to recreate the ruined world: they restored churches, built houses, were engaged in agricultural and commercial activities. Trying to somehow oppose the Muslims (which was largely facilitated by the law of Jadid-Ul-Islam, from 1621-1622), some of them joined the bosom of the Catholic Church, finding, as it seemed to them, a defender in the Roman Church. Through the efforts of the Armenian Catholics, spiritual, educational and scientific centres were established, which conducted scholarly-literary and translation activities. All this and many other occurrences did not go unnoticed by European travellers. Their travelogues contain rich historical and literary material on the country and people and are an important source of information on Armenia.

In order to study the dynamics and structure of the image of the country – Nakhichevan, we turned directly to the European travel literature of the 13th-17th centuries, breaking the work into four chapters.

The first chapter – “Nakhichevan in the Notes of European Travellers of the 13th-15th centuries” – covers travel notes of William Rubruck, Roger Bacon, Johannes Schiltberger, Ruy Gonzalez de Clavijo, Iohannes de Galonifontibus, Jordan of Severac, Caterino Zeno, Giosafat Barbaro and Ambrogio Contarini.

The second chapter – “Nakhichevan in the Notes of European Travellers of the 16th century” – contains information on the Nakhchivan

region in the journey accounts of Don Juan of Persia, Anthony Jenkinson, Anthony Sherley and Robert Sherley.

The third chapter – “Nakhichevan in the Notes of European Travellers of the 17th century” – consists of four subheadings:

1. “Nakhichevan in the Notes of European Travellers of 1600-1630” (John Newberry, John Cartwright, Georg Tectander, Stephan Kakasch, Antonio de Guvea, Pietro della Valle, Garcias de Silva Figueroa, Gabriel de Chinon and Henri de Feynes);

2. “Nakhichevan in the Notes of European Travellers of 1630-1650” (Father Philip of the Blessed Trinity and Adam Olearius);

3. “Nakhichevan in the Notes of European Travellers of the Second Half of the 17th century” (Jean-Baptiste Tavernier, John Chardin, Paul Lucas, François de La Boullaye-Le Gouz);

4. “Nakhichevan in the Notes of European Missionary Travelers of the years 1650-1700” (Alexandre de Rhodes, Jacques Villotte and François Picquet).

The fourth chapter is “The Development of the image of Nakhichevan in the Notes of European Travellers of the 13th-17th.”

The topics, raised by European travellers on Nakhichevan, are extremely diverse. The image of the Nakhichevan region in their travelogues is revealed in numerous ways. The space of Islam is adjacent to the space of Christianity. Along with ethnic space, social space is outlined as well. Sacred space coexists with geographical space. At the same time, the past and present, the history and mythology of different cultures and civilizations are constantly present and coexist in the space they represent. Perceptions on Nakhichevan and the Armenian ethnos living there form certain geographical, political, religious, historical and mythological images.

If the image of the Nakhichevan region is examined as perceived by the Europeans in the chronological order, it can be stated that each epoch, along with the key symbols of historical, geographical and mythological nature, produced its specific geo-cultural images: the impregnable fortress Yernjak; the conquered territories and cities of the Nakhichevan region under Shah Abbas; the fate of the expelled Armenian population; Julfa – the past and the present; the Julfa cemetery; Astapat and others. These images, which on the whole create a geo-cultural space, reflected the interpretations of the Europeans in different epochs of the Nakhichevan Armenian world and were a product of its understanding and constructing. However, along with them, in different historical periods, recurring motifs and images circulated, which incor-

porated a lot of accumulated cultural meanings of the text: *Nakhichevan*, as the "first settlement", villages and churches of the Armenian Catholics of the Nakhchivan region, destruction and renewal of the region, etc.

A peculiar matrix-basis for the formation of the image of Nakhichevan is the interpretation of the toponym *Nakhchavan* as "the first settlement" or "place of the first landing", which goes back to the information, presented by the folk tradition. Reconstruction of the source text - the pretext, is almost impossible. The most authoritative source is the information, introduced into scientific circulation by Joseph Flavius, from the words of local residents (*"This place, as the Armenians call the "landing place" ["Apobaterion" (Greek Αποβατήριον)], and until now the natives show the remains, preserved there from the ark"*).

However, it is difficult to establish the historical distance of the information, reproduced by the Jewish historian between the source and the previous text. This text from the past, coupled with stories recorded by the Europeans, also resulted due to the duplication of the texts by other travellers, becomes an indispensable, constant link in the story about Nakhichevan. This image, appearing in travelogues as fundamental, generates additional images. Around the biblical Noah, there forms up a line of images, which are based on the traditions, associated with the city Nakhichevan built by him – the place of the first landing, with the burial places of Noah, his wife Noemzar, sister, graves of saints, sacred places associated with the events from the life of prophets, apostles, Christian martyrs, churches built in their honour, relics, miraculous springs and sources, and sacred trees.

Travellers paid special attention to a mount in the form of a sugar head, with a forked top, located in the central part of the province of Yernjak. We are talking about the symbol of the region – Serpent Mountain, which, like Mount Noah – Ararat, was also endowed with a halo of holiness. The legends associated with them, which were registered by travellers, also go back deep into the centuries.

The historical and geographical map of the region was marked with several sacred territories, which were the guardians of the historical memory of the people. The peoples inhabiting the region were heterogeneous in their ethnic and confessional compositions, and therefore, their historical memory was different. Each nation designed its sacred space, filling it with new symbols. However, the territory of Nakhichevan was sacralized not only by its local population, but also by the Europeans who arrived there, in particular, Catholic missionaries, for whom the villages of Armenian Catholics were a special sacred territory.

Catholic preachers were buried in the Armenian cemeteries near the churches in Nakhichevan; the Dominicans set up an archbishopric (diocese) in Nakhichevan and later transferred it to Abaraner. The missionaries' attention focused on the activities of Bartholomew of Bologna, who, in their words, was a man-apostle, who played an important role in spreading the Catholic doctrine in the region.

The concept of sacred space, the foundation of which was laid from ancient times and which was represented by many sacred places, underwent significant changes in the spirit of the times, respectively, and the picture of sacred geography changed in accordance with the cyclical periods in the development of this tradition: the sacred significance of some objects weakened, others, on the contrary, intensified, the space was filled with new revered objects and meanings. So, the city of Nakhichevan, being a symbol of the territory associated with the name of Noah, is subsequently represented as the spiritual centre of Armenian Catholicism (the archbishopric city of Nakhichevan).

The European view of Nakhichevan allows not only to supplement the information, found in the Armenian and Eastern historical-geographical literature, but also to perceive some realities of the Nakhchivan world in a new way.

P.S. Centuries passed. The region continued to experience ups and downs. But what happened in the 20th and 21st centuries could not be imagined by the travellers of the 13th-17th centuries even in a terrible dream. Could they have supposed that not only the Armenian population of the region and its cultural heritage would be eradicated, but also the graves of many missionaries and their "apostle" Bartholomew of Bologna would be annihilated in the village of Kyrna.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ИСПОЛЬЗОВАННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

- Արգարյան Գ., Հայերը Շիլտերգերի ուղեգրություններում, «Բանբեր Երևանի համալսարանի», № 2, 1997, էջ 103–112 (Абгарян Г., Армяне в путевых заметках Шильтбергера, «Вестник Ереванского университета», № 2, 1997, с. 103–112).
- Աբեղյան Մ., Երկեր, հտ. ա, Երևան, ՀՍՍՀ ԳԱ, 1966 (Абегян М., Сочинения, т. 1, Ереван, изд-во АН АрмССР, 1966).
- Աբեղյան Մ., Երկեր, հտ. է, Երևան, ՀՍՍՀ ԳԱ, 1975 (Абегян М., Сочинения, т. 7, Ереван, изд-во АН АрмССР, 1975).
- Ազաթանգեղոս, Հայոց պատմություն, Երևան, 1983 (Агатангелос, История Армении, Ереван, 1983).
- Ալիշան Ղեւոնդ, Այրարատ, Վենետիկ, Սբ. Ղազար, 1890 (Алишан Гевонд, Айрарат, Венеция, Св. Лазарь, 1890).
- Ալիշան, Ղեւոնդ, Հայ-Վենետ կամ յարբնչութիւնք հայոց եւ վենետաց ի ժԳ-Դ եւ ի ժԵ-Ձ դարս, Վենետիկ - Սբ. Ղազար, 1896 (Алишан, Гевонд, Армено-Венеция, или Отношения между Арменией и Венецией в XIII–XIV и XV–XVI вв., Венеция, Св. Лазарь, 1896).
- Ալիշան, Ղեւոնդ, Սիսական. Տեղագրութիւն Սիւնեաց աշխարհի: Վենետիկ, 1893 (Алишан, Гевонд, Сисакан, Описание ашхара Сюник, Венеция, 1893).
- Աշխարհացոյց Վարդանայ վարդապետի, քննական հրատարակութիւն Հայկ Պէրպլերեանի, Փարիզ, 1960 (Ашхарацуйц Вардана вардапета, критическое издание Г. Берберяна, Париж, 1960).
- Ամբրոսիո Կոնտարինի. Վենետիկցի ճանապարհորդներ (1473–1477), Հով. Հակոբյան, Ուղեգրություններ, հ. ա, Երևան, 1932, էջ 215–254 (Контарини, Амброджо, Венецианские путешественники, см.: Ов. Акобян, Путевые заметки, т. 1, Ереван, 1932, с. 215–254).
- Այվազյան, Արգամ, Նախիջևանի ԻԽԱՀ հայկական հուշարձանները (համահավաք ցուցակ), Եր., 1986 (Айвазян Аргам, Армянские памятники Нахичеванской АССР, Ер., 1986).
- Այվազյան, Արգամ, Ազուլիս, Եր., 1984 (Айвазян Аргам, Азулис, Ер., 1984).
- Այվազյան, Արգամ, Ջուղա, Եր., 1984 (Айвазян Аргам, Джуга, Ер., 1984).
- Այվազյան, Արգամ, Նախիջևանի կրթողային հուշարձաններն ու պատկերաբանդակները, Եր., 1987 (Аргам Айвазян, Мемориальные памятники и барельефы Нахичевана, Ер., 1987).
- Այվազյան, Արգամ, Նախիջևանի խաչքարերը, Եր., 1996 (Аргам Айвазян, Хачкары Нахичевана, Ер., 1996).
- Այվազյան, Արգամ, Ջուղայի խաչքարերը, Եր., 1993 (Аргам Айвазян, Хачкары Джуги, Ер., 1993).

- Այվազյան, Արգամ, Նախիջևանի վիճագրական ժառանգությունը, հատոր Ա, Ջուղա, Եր., 2004 (Аргам Айвазян. Лапидарное наследие Нахичевана, том I, Джуга, Ер., 2004).
- Այվազյան, Արգամ, Նախիջևանի վիճագրական ժառանգությունը, հատոր Բ, Ազուլիս, 2005 (Аргам Айвазян, Лапидарное наследие Нахичевана, том II, Азулис, 2005).
- Երեմյան Ս. Տ., Հայաստանը ըստ «Աշխարհացոյց»-ի», Երևան, 1963 (Еремян С., Армения по «Ашхарацуйцу», Ереван, 1963).
- Թովմա Արծրունի, Պատմութիւն տանն Արծրունեաց, Թիֆլիս, 1917 (Товма Арцруни, История дома Арцруни, Тифлис, 1917).
- Իգումնով, Վ. Ա., Վարազդայան, Հ. Հ., Հմայակյան, Ս. Գ., Օծասարի սեպագիր արձանագրությունը, «Պատմա-բանասիրական հանդես», № 1, 1997, էջ 193–202 (Игумнов В. А., Карагезян О. О., Амаякян С. Г., Клинообразная надпись Одзасара, «Историко-филологический журнал», № 1, 1997, с. 193–202).
- Ինճիճյան Ղ., Աշխարհագրութիւն չորից մասանց աշխարհի, Վենետիկ, 1806 (Инджиджян Г., География четырех стран света, Венеция, 1806).
- Վարապետեան, Մերուժան, Հայ կաթողիկէ թեմը եվ էթնոգրական գործընթացները Նախիջևանում XVII–XVIII դարերում (Կարապետյան, Меружан, Армянская католическая епархия и этно-конфессиональные процессы в Нахичеване в XVII–XVIII вв.), <http://armenianhouse.org/zulalyan/european-authors/3.html>
- Հակոբյան Հով., Ուղեգրություններ, ժԳ–ժՁ դարեր (1253–1582 թթ.), հ. ա, Երևան, 1932 (Акобян Ов., Путевые заметки, XIII–XVI вв. (1253–1582 гг.), т. I, Ереван, 1932).
- Հակոբյան Հով., Ուղեգրություններ, ժԹ դար (1800–1820 թթ.), հ. գ, Երևան, 1934 (Акобян Ов., Путевые заметки XIX в. (1800–1820 гг.), т. 6, Ереван, 1934).
- Հայաստանի եւ հարակից շրջանների տեղանունների բառարան, Թ. Խ. Հակոբյան, Ստ. Տ. Մելիք-Բախշյան, Հ. Խ. Բարսեղյան, Երևանի Համալսարանի Հրատարակչություն, հ. 1–5, Երևան, 1986–2001 (Словарь топонимов Армении и прилегающих областей, Т. Х. Акопян, Ст. Т. Мелик-Бахшян, О. Х. Барсегян, т. 1–5, Ереван, 1986–2001).
- Հասրաթյան, Մ. Մ, Վաղ միջնադարյան Հայաստանի ճարտարապետները, «Պատմա-բանասիրական հանդես», № 2, 1985, էջ 118–125 (Асратян М. М., Зодчие раннесредневековой Армении, «Историко-филологический журнал», № 2, 1985, с. 118–125).
- Հովհաննիսյան Ա., Դրվագներ հայ ազատագրական մտքի պատմության, գիրք առաջին, Երևան, 1957 (Иоаннисян Ашот, Очерки истории армянской освободительной мысли, кн. 1, Ереван, 1957).
- Ղանալանյան Ա., Ավանդապատում, Երևան, ՀՍՍՀ ԳԱ հրատ., 1969 (Ганалалян А., Армянские предания, Ереван, 1969).
- Չանչեանց, Միքայել, Պատմութիւն Հայոց: Ի սկզբանէ աշխարհի մինչև ցամ Տեառն 1784: Հտ. Ա, Վենետիկ, 1784 (Чамчян, Микаэл, История

- Армении с начала мироздания до года Господня 1784, т. 1, Венеция, 1784).
- Սմբատյանց, Մեսրոպ, Նկարագիր Սուրբ Կարապետի վանքից Երնջա-
լաց եւ շրջակայից նորա, Թիֆլիս, 1904 (Смбатянц, Месроп, Описа-
ние монастыря Св. Карапета в Ернджаке, Тифлис, 1904).
- Ստեփանոս Օրբելյան, Պատմութիւն նահանգին Սիսական, Թիֆլիս, 1910
(Степанос Орбелян, История области Сисакан, Тифлис, 1910).
- Ստեփանոս Օրբելյան, Սյունիքի պատմություն, Երևան, 1986 (Степанос
Орбелян, История Сюника, Ереван, 1986).
- Տէր-Աւետիքեան Ն., Տեղագրական նամականի, Տիֆլիս, 1888 (Тер-Аве-
тикан Н., Топографические письма, Тифлис, 1888).
- Վարդան Արևելցի, Աշխարհացոյց Վարդանայ վարդապետի, քննական
հրատարակութիւն Հայկ Պէրպէրեանի, Փարիզ, 1960 (Вардан Аре-
велци, Ашхарацуйц, критич. изд. Айка Берберяна, Париж, 1960).
- Վարդանյան, Արտակ, «Նախիջեվան» տեղանվան ստուգաբանության
շուրջ, գիտական հոդվածների ժողովածու, Երևան, 2017, էջ 367–374
(Варданян, Артак, Вокруг этимологии топонима «Нахиджеван», – в
кн.: Сборник научных статей, Ереван, 2017, с. 367–374).
- Ուղեգրություն Սորից ֆոն Կոցերուի, Հով. Հակոբյան, Ուղեգրություններ,
հ. 2, Երևան, 1934, էջ 499–612 (Путевые заметки Морица фон Ко-
цебу, см.: Ов. Акобян, Путевые заметки, т. 6, Ереван, 1934, с. 499–
612).
- Ուղեգրություն Զոն Նիուրերիի (1578 – 1582), Հով. Հակոբյան, Ուղեգրու-
թյուններ, հ. ա , Երևան, 1934, էջ 448–499 (Путевые заметки Джона
Ньюбери, см.: Ов. Акобян, Путевые заметки, т. 1, Ереван, 1932, с.
448–499).
- Ուղեգրություն սրբ Ուիլիլմ Աուզլեյի, Հով. Հակոբյան. Ուղեգրություններ,
հ. 2, Երևան, 1934, էջ 430–497 (Путевые заметки Уильям Аузли,
см.: Ов. Акобян, Путевые заметки, т. 6, Ереван, 1934, с. 430–497).
- Փափազյան Հ. Դ., Օտար տիրապետությունը Արարատյան երկրում (ԺԵ
դ.), ՀՍՍՌ ԳԱ «Տեղեկագիր», Հասարակական գիտություններ, № 7–
8, 1960, էջ 22 – 40 (Папазян А. Д., Иноземное господство в Ара-
ратской области (XV в.), «Известия» АН АрмССР, Общественные
науки, № 7–8, 1960, с. 22–40).
- Փափազյան Հ. Դ., Օտար տիրապետությունը Արարատյան երկրում (ԺԶ
դ.), ՀՍՍՀ ԳԱ «Տեղեկագիր», Հասարակական գիտություններ, № 6,
1973, էջ 23–34 (Папазян А. Д., Иноземное господство в Араратской
области (XVI в.), «Известия» АН АрмССР, № 6, 1973, с. 23–34).
- Քաջբերունի (Չարրիել Տեր-Հովհաննիսյան), Ճանապարհորդական նկա-
տողություններ, Երևան, 2002 (Каджберуни (Габриель Тер-Ован-
нисян), Путевые заметки, Ереван, 2002).
- Քրիստոնյա Հայաստան, Հանրագիտարան, Երևան, 2002 (Энциклопедия
«Христианская Армения», Ереван, 2002).
- Օրմանեան Մաղաքիա, Հայոց եկեղեցին եւ իր պատմութիւնը, վարդապե-
տութիւնը, վարչութիւնը, բարեկարգութիւնը, արտողութիւնը, գրակա-
նութիւն, ու ներկայ կացութիւնը, Կ.Պոլիս, 1911: (Орманян, Магакия,

Армянская церковь: Ее история, учение, управление, внутренний
строй, литургия, литература, ее настоящее, Константинополь,
1911).

- Абегян М., История древнеармянской литературы, Ереван, 1975.
- Абибулаев О., Энеолит и бронза на территории Нахичеванской АССР,
Баку, 1982.
- Агатангелос, История Армении, перев. с древнеармянск., вступит.
статья и комментарии К. С. Тер-Давтян и С. С. Аревшатына, Ере-
ван, 2004.
- Айвазян А., Памятники Армянской архитектуры Нахичеванской АССР,
Ер., 1981.
- Алексеев М. П., Сибирь в известиях западноевропейских путешест-
венников и писателей, Иркутск, 1932.
- Алиев В., Археологические исследования на территории Нахичеван-
ской АССР. Материалы к сессии, посвященной итогам археологи-
ческих и этнографических исследований в СССР, Тезисы доклад-
дов археологов Аз. ССР, Баку, 1972, с. 14–15.
- Алипранди, Эмануэле, История Нахиджевана, Рим, 2016.
- Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке,
пер. Ю. В. Готье, М., 1937.
- Аракел Даврижеци, «Книга историй (о происшествиях в Армении, в
гаваре Араратском и в части Гохтанского гавара, начиная с 1051
по 1111 год армянского летосчисления (1602–1662)», перевод с
армянского, предисловие и комментарий Л. А. Ханларян, «Наука»,
М., 1973.
- Аревшатын С. С., К истории философских школ средневековой Арме-
нии (XIV в.), Ереван, 1980.
- Армянская География VII века по Р. Х. (Приписывавшаяся Моисею Хо-
ренскому), пер. с др.- арм. и коммент. К. П. Патканова, СПб., 1877.
- Ассман, Ян, Культурная память: Письмо, память о прошлом и поли-
тическая идентичность в высоких культурах древности, М., 2004.
- Барбаро и Контарини в России, М., «Наука», 1971.
- Барт Р., Избранные работы. Семиотика: Поэтика, пер. с фр., сост.,
общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова, М., «Прогресс», 1989.
- Бартольд В. В., История изучения Востока в Европе и России, изд. 2-е,
Л., 1925, VIII.
- Библиотека иностранных писателей о России, т. 1, СПб., 1836.
- Блок, Марк, Апология истории, М., 1986.
- Варданян, Артак, Зов Вишапасара, Ереван, 2010.
- Вергилий, Публий Марон, Энеида, М., «Лабиринт», 2001.
- Веселовский Ю. Е., Очерки армянской литературы, истории и куль-
туры, Ереван, 1972.

- Волков И. В., Путешествие Иосафата Барбаро в Персию в 1473–1478 гг. (текст, перевод, комментарии), – в кн.: Генуэзская Газария и Золотая Орда, Казань – Симферополь – Кишинев, 2015.
- Гакстгаузен, Август фон, Закавказский край, ч. 1–2, СПб., 1857.
- Гакстгаузен, Август фон, Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, Тифлис, 1880.
- Галчян, Рубен, Азербайджанские историко-географические фальсификации, М., 2013.
- Ганалаян, Арам, Армянские предания, Ереван, изд-во АН АрмССР, 1979.
- Гильом де Рубрук, Путешествие в восточные страны, – в кн.: Джованни дель Плано Карпини, История Монгалов. Гильом де Рубрук, Путешествие в восточные страны, под ред. Н. П. Шастиной, пер. А. И. Малеина, М., 1957.
- Григорьев В. Н., Статистическое описание Нахичеванской провинции, СПб., 1833.
- Григорян Г. М., Очерки истории Сюника IX–XV вв., Ереван, изд-во АН АрмССР, 1990.
- Деврикан, Вардан, Армянское предание о гробнице Ноя, «Голос Армении», Общественно-политическая газета. Thursday, 15 February, 2007.
- Джихан-Нюма и «Фезлеке» Кятиба Челеби, как источник по истории Армении (XVII в.), пер. и ред. А. А. Папазяна, Ереван, 1973.
- Журден де Северак, Чудеса, описанные братом Журденом из ордена проповедников, уроженцем Северака и епископом города Колумба, что в Индии Наибольшей, – в кн.: После Марко Поло, пер., введ. и примеч. Я. М. Света, М., «Наука», 1968.
- Закарий Акулиссский, Дневник Закария Акулиссского, Ереван, 1939.
- Закарий Канакерци, Хроника, пер. М. О. Дарбинян-Меликян («Памятники письменности Востока», вып. 24), М., «Наука», 1969.
- Замятин Д. Н., Образ страны: структура и динамика, Общественные науки и современность, № 1, 2000.
- Замятин Д. Н., Образы путешествий: социальное освоение пространства, «Социологические исследования», № 2, 2002.
- Известия англичан о России XVI в., Чтения в императорском обществе истории и древностей российских, кн. 4, М., 1884.
- Иоанн де Галонифонтибус, Книга познания мира, текст воспроизведен по изданию: Сведения о народах Кавказа, З. М. Бунятов, Баку, 1979.
- Иосиф Флавий, Полное собрание сочинений в одном томе, Иудейские древности, кн. 1, М., 2008.
- История народов Северного Кавказа с древнейших времён до конца XVIII в., М., «Наука», 1988.
- История халифов вардапета Гевонда, писателя VIII века, СПб., 1862.

- Какаш и Текандер, Путешествие в Персию через Московию 1602–1603 гг., Императорское общество истории и древностей Российских, М., 1896.
- Карагезян А., Некоторые вопросы истории Нахчавана и Гохтна, «Историко-филологический журнал», № 3, 2001, с. 227–242.
- Карагезян Г. Л., Арарат – сакральная территория. По запискам европейских путешественников, Ереван, «Гитутюн» НАН РА, 2015.
- Карагезян Г. Л., Армения и армяне во французской литературе XI–XIV веков, Ереван, изд-во АН АрмССР, 1988.
- Карагезян Г. Л., Армянский мир в «Путешествии в Левант» Турнефора, Ереван, «Гитутюн», 2017.
- Карагезян Г. Л., Роль армян в трансмиссии культур. Памятники французской средневековой литературы в контексте культурного обмена «Восток–Запад», Ереван, 2010.
- Киракос Гандзакечи, История Армении, М., 1976.
- Клавихо, Луи Гонсалес де, Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403–1406), М., 1990.
- Книга Марко Поло, пер. И. П. Минаева, под ред. И. П. Магидовича, М., 1956.
- Корф, Федор, Воспоминания о Персии (1834–1835) барона Федора Корфа, СПб., 1838.
- Лехацци, Симеон, Путевые заметки, перевод с армянского, предисловие и комментарии М. О. Дарбинян, М., 1965.
- Мананадян Я. О., О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних веков, Ереван, изд-во Ереванск. ун-та, 1954.
- Марков, Евгений, Русская Армения, Зимнее путешествие по горам Кавказа, «Вестник Европы», 1901, № 6.
- Мароцци, Джастин, Тамерлан, завоеватель мира, М., 2010.
- Мартirosян А., Армения по карте Пейтингера (IV в.), «Историко-филологический журнал», № 2, 2002.
- Мещанинов И. И., Краткие сведения о работе археологических экспедиций в Нагорный Карабах и Нахиджеванский край, Сообщения государственной академии истории материальной культуры, Ленинград, 1926.
- Микаелян Г. Г., История Киликийского армянского государства, Ереван, 1952.
- Миллер А., Археологические исследования в Нахичеванской республике летом 1926г., Сообщения государственной академии истории материальной культуры 1, Ленинград, 1926, с. 314–316.
- Мовсес Хоренаци, История Армении, пер. с древнеарм., примечания Г. Саркисяна, Ереван, «Айастан», 1990.
- Монтескье, Шарль-Луи де, О Духе законов, М., «Мысль», 1999.
- Монтескье, Шарль-Луи де, Персидские письма, пер. с французского под редакцией Е. А. Гунста, М., 1993.
- Муравьев А. Н., Грузия и Армения, СПб., 1848.

- Никитин К. А., Народные предания въ Нахичеванскомъ уезде, Эриванской губернии, – в кн.: Сборникъ материаловъ для описания местностей и племень Кавказа, Тифлис, 1862.
- Олеарий, Адам, Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московію и Персію в 1633, 1636 и 1637 годах, книга пятая, № 3, М., 1869.
- Олеарий, Адам, Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московію и Персію в 1633, 1636 и 1637 годах, составленное секретарем посольства Адамом Олеарием // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских, № 4, М., 1869.
- Олеарий, Адам, Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московію и Персію в 1633, 1636 и 1637 годах, составленное секретарем посольства Адамом Олеарием // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских, № 2, кн. 6, М., 1870.
- Орманян М., Армянская церковь, пер. Б. Рунта, М., 1913.
- Папазян А. А., «Джихан-Нюма» и «Фезлеке» Кятиба Челеби, как источник по истории Армении (XVII в.), Ереван, 1973.
- Папазян А. Д., Арабская надпись на гробнице туркменских эмиров в селе Аргаванд, «Ближний и Средний Восток», Сб. статей памяти Б. И. Заходера, М., 1961, с. 68–75.
- Папазян А. Д., Иноземное господство в Араратской области (XV в.), «Известия общественных наук» АН АрмССР, Общественные науки, № 7–8, 1960.
- Петрушевский И. П., Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI– начале XIX вв., Ленинград, 1949.
- Печеви, Ибрахим Эфенди, История (Извлечения по истории Азербайджана и сопредельных стран и областей периода 1520–1640), Баку, 1988.
- Плутарх, Сравнительное жизнеописание, М., «Наука», т. I, 1994.
- После Марко Поло, перевод, введение и примечание Я. М. Света, Москва, «Наука», 1968.
- Потто В. А., Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях, т. 3, Персидская война 1826–1828 г., выпуск III, (2-е изд.), СПб., 1888.
- Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Гильома Рубрука, перевод А. И. Малеина, М., 1957.
- Путешествие Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке, с 1394 года по 1427 год, Записки императорского Новороссийского университета, т. 1, 1867.
- Путешествие Иосафата Барбаро в Персію в 1473–1478 гг. (текст, перевод, комментарий И. В. Волкова), – в кн.: Генуэзская Газария и Золотая Орда, 2015.
- Путешествие кавалера Шардена по Закавказью в 1672–1678 гг., «Кавказский вестник», № 9, 1901.

- Путешествие Шардена по Закавказью в 1672 – 1673 гг., пер. Е. В. Бахутовой и Д. П. Носовича, Тифлис, 1902.
- Риза Шабани, Краткая история Ирана, Санкт-Петербург, 2008.
- Рифтин Б. Л., Типология и взаимосвязи средневековых литератур, – в кн.: Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада, М., «Наука», 1974.
- Россия и Европа глазами Орудж-бека Баята - Дон Хуана Персидского, СПб., СПбГУ, 2007.
- Рубрук, Гильом де, см. Гильом де Рубрук.
- Сидорская И. В., Образ или имидж страны, Псковский государственный университет, 2015.
- Симеон Лехацци, Путевые заметки («Памятники письменности Востока», IX), пер. с древнеармянск., предисл. и ком. М. О. Дарбинян, М., 1965.
- Степанос Орбелян, История области Сисакан, Тифлис, 1910.
- Страбон, География в 17 книгах, пер., статья и комм. Г. А. Стратановского, «Ладомир», М., 1994.
- Стрейс, Ян, Три путешествия. Третье путешествие, пер. Э. Бородиной, М., 1935.
- Тер-Аветисян, Смбат, Город Джуга. Материалы по истории торговых сношений джюльфинских купцов XV– XVII вв., Тбилиси, 1937.
- Тер-Маркаров Л., Монастырь Кармир-ванк, – в кн.: Сборникъ материаловъ для описания местностей и племень Кавказа, вып. 27, 1900.
- Тизенгаузен В. Г., Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, Ленинград, т. 2, 1941.
- Товма Мецопеци, История Тимурленга и его преемников, пер. с древнеарм., предисловие и комментарии К. С. Тер-Давтян, Ереван, «Наири», 2005.
- Фавстос Бузанд, История Армении Фавстоса Бузанда, Ереван, 1953.
- Хамдаллах Казвини, Услада сердец, пер. Буниятова З. М., Петрушевского И. П., Баку, 1983.
- Ходжабекян В., Асатрян Б., Из истории армянского населения Нахичевана, «Вестник общественных наук», № 6, 1988, с. 18–27.
- Челеби, Кятиб, «Джихан-нюма» и «Фезлеке» Кятиба Челеби как источник по истории Армении (XVII в.), пер. А. А. Папазяна, Ереван, АН АрмССР, 1973.
- Челеби, Эвлия, вступит. статья, перевод с османского языка, комментарии Е. В. Бахревского, Историко-археологический фонд «Наследие тысячелетий», изд. 2-е, исправл. и доп., Симферополь, изд-во «ДОЛЯ», 2008.
- Челеби, Эвлия, Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Вып. 3. Земли Закавказья и сопредельных областей Малой Азии и Ирана, М., «Наука», 1983.
- Шараф ад Дин Али Иезди, Зафар-наме. Книга побед Амира Тимура, Ташкент, 2008.

- Шильтбергер, Иоганн, Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 г., Записки Императорского Новороссийского ун-та, перевел с нем. и снабдил примечаниями Ф. Брун, Одесса, 1867.
- Шильтбергер, Иоганн, Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год, издание, редакция и примечание Э. М. Бунятова, Баку, 1984.
- Шопен И. И., Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху её присоединения к Российской Империи, СПб., 1852.
- Элиаде, Мирча, Священное и мирское, <https://www.litmir.co/br/?b=93096&p=1>.
- Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И. А. Ефрона, СПб., Брокгауз-Ефрон, 1890–1907.
- Эфендиев О., Азербайджанское государство Сефевидов в XVI веке, Баку, 1981.
- Ambrosio Contarini, Itinerario del magnifico e clarissimo messer Ambrosio Contarini, dignissimo orator della illustrissima signoria de Venetia, mandado, nel anno 1472, ad Usuncassan, re de Persia..., per F. Bindoni e M. Pasini (Vineggia), 1524.
- Anthelmy, Charles-Léonce, La vie de messire François Picquet, consul de France et de Hollande à Alep. Ensuite Evêque de Cesarople, puis de Babylone, vicaire Apostolique en Perse. Avec titre d'Ambassadeur du Roy auprès du Roy de Perse, P., 1732.
- Avril, Philippe, Voyage en divers Etats d'Europe et d'Asie, entrepris pour découvrir un nouveau chemin à la Chine, P., 1692.
- Backer, Louis de, L'Extrême Orient au moyen-âge, d'après les manuscrits d'un Flamand de Belgique, moine de Saint-Bertin à Saint-Omer, et d'un prince d'Arménie, moine de Prémontré à Poitiers, P., Ernest Leroux, 1877.
- Bahşaliev V., Archaeology of Nakhichevan, Istanbul, 1997.
- Bakhshaliyev, V., Marro C., The Archaeology of Nakhichevan: Ten Years of New Discoveries, Istanbul, 2009.
- Belanger, Charles, Voyages aux Indes orientales par le nord de l'Europe, les provinces du Caucase, la Géorgie, l'Arménie et la Perse..., t. 2, P., 1838.
- Belli O., Bakhshaliyev V., Nahçıvan bölgesinde orta ve son tunc çağı boya bezemeli çanak, çömlek kültürü, Istanbul, 2001.
- Bizarus, «Historia rerum Persicarum», Francofurti, 1601.
- Bohls, Elizabeth A. and Ian Duncan (eds), Travel Writing 1700–1830: An Anthology (Oxford: Oxford University Press, 2005).
- Boullaye-Le-Gouz, François de La, Les voyages et observations du sieur de La Boullaye-Le-Gouz. ...où sont décrites les religions, gouvernemens et situations des Etats et royaumes d'Italie, Grèce, Natolie, Syrie, Palestine, Karaménie, Kaldée, Assyrie, Grand Mogol, Bijapour, Indes orientales des Portugais, Arabie, Égypte, Hollande, Grande-Bre-

- tagne, Irlande, Dannemak, Pologne, isles et autres lieux d'Europe, Asie et Afrique..., P., F. Clousier, 1657.
- Brosset M., Livre d'histoire, composé par le vartabied Arakel de Tauriz, Collection d'historiens arméniens, t. I, St.-Pbg., 1874.
- Cartwright, John, The Preachers Travels. Wherein is set downe a true journal, to the Confines of East Indies, through the great Countreies of Syria, Mesopotamia, Armenia, Media, Hircania and Parthia, London, 1611.
- Catalogue of the Armenian Library in Elisabethopolis, Armenuhi Drost-Abgarjan – Bálint Kovács – Tibor Martí, Leipzig–Eger, 2011.
- Chabrier, Aurélie, La monarchie safavide et la modernité européenne (XVIe–XVIIe siècles), Toulouse II, 2013.
- Chantale Payet-Meure, L'intertexte viatique de Robert Challe: du polémiste à l'écrivain, – in: Robert Challe: sources et héritages, Colloque international Louvain- Anvers, 2002, 2003
- Chardin, Jean, Voyages de Mr. le Chevalier Chardin, en Perse, et autres lieux de l'Orient, Amsterdam, chez Jean Louis de Lorme, Amsterdam, 1711
- Chardin, Jean, Voyages du Chevalier Chardin, en Perse, et autres lieux d'Orient, vol. 1–3, P., 1811.
- Chardin Seyahatnamesi Istanbul, Tjpraklan, Gürcistan, Ermenistan, Iran 1671–1673, Editör: Stefanos Yerasimos, 2014.
- Chinon, Gabriel de, Relations nouvelles du Levant ou traité de la religion, du gouvernement et des coutumes des Perses, des Arméniens et des Gaures composés par le P. G. D. C. (le père Gabriel de Chinon), et donnés au public par le sieur Louis Moréry, Lyon, 1671.
- Clavijo, Ruy Gonzalez de, Embassy to Tamerlane, trans. Guy Le Strange, London, 1928.
- De La Croix, Edouard, État présent des Nations et Églises grecque, arménienne et maronite en Turquie, par le sieur de La Croix, P., 1695.
- Deslandes, André Daulier, Les Beautez de la Perse ou la Description de ce qu'il y a de plus curieux dans ce royaume enrichie de la Carte du País, & de plusieurs Eftampes deffignées fur les lieux. Avec une Relation de quelques aventures maritimes..., Chez Clousier, P., 1673.
- Dictionarium novum latino-armenium ex praecipuis armeniae linguae, P. Jacobo Villotte, Romæ 1714.
- Dictionnaire arménien-latin par Francisco Rivola, Ecclesæ, Orientalis, Lutetiae Parisiorum, 1633.
- Dictionnaire, ou traité universel des drogues simples ou l'on trouve leurs differens noms, leur origine, leur choix, les principes qu'elles renferment, leurs qualitez, leur etymologie, & tout ce qu'il y a de particulier dans les animaux, dans les vegetaux, & dans les mineraux; ouvrage dependant de la Pharmacopee universelle, Hofhout, Rotterdam, 4 ed., 1727.
- Dictionnaire raisonné universel d'histoire naturelle; contenant l'histoire des animaux, des vegetaux et des mineraux etc. Nouv. ed., rev. et augm. par l'auteur, t. 5, P., Brunet, 1775.

Diderot, Denis, *Encyclopédie ou dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers*, t. 3, Genève, 1777.

Dirk Van der Cruysse, Chardin le Persan, P., Fayard, 1998.

Dirk Van der Cruysse, *Le noble désir de courir le monde*, P., Fayard, 2002.

Doiron, Normand, *L'art de voyager: le déplacement à l'époque classique*, Presses de l'Université Laval, 1995.

Drost-Abgarjan, Armenuhi – Bálint Kovács – Tibor Martí, *Catalogue of the Armenian Library in Elisabethopolis*, Leipzig–Eger, 2011.

Dubois de Montpéroux, Frédéric, *Voyage autour du Caucase*, t. III, P., Librairie de Gide, 1839.

Dubois de Montpéroux, Frédéric, *Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée*, t. IV, P., 1840.

Du Mans, Raphael, *Estat de la Perse en 1660 publié avec notes et appendice par Ch. Schefer*, P., 1890.

Etienne Kakasch de Zalonkemeny, Georges Tectander von der Jabel, *Iter persicum ou description du voyage en Perse, entrepris en 1602*, Ch. Schefer, P., 1877.

Eyries, Jean-Baptiste-Benoît, *Voyage pittoresque en Asie et en Afrique: résumé général des voyages anciens et moderne*, P., 1839.

Feynes, Henry de, *Voyage fait par terre depuis Paris jusques à la Chine par le Sr. de Feynes gentilhomme de la maison du Roy, Et ayde de Mareschal de Camp de ses armées. Avec son retour par mer*, P., Pierre Rocolet, 1630.

Fleuriat d'Armenonville, Thomas Charles, *Estat présent de l'Arménie, tant pour le temporel que pour le spirituel. Avec une Description du pays et des moeurs de ceux qui l'habitent*, P., chez la Veuve de Jacques Langlois, 1694.

Francis, Richard, *Missionnaires français en Arménie au XVIIe siècle*, in: *Arménie entre Orient et Occident*, Bibliothèque nationale de France, P., 1996.

Galland, Antoine, *Journal d'Antoine Galland pendant son séjour à Constantinople (1672– 1673)*, Charles Schefer, P., E. Leroux, 1881.

Galonifontibus, *Der «Libellus de notitia orbis» Iohannes III (de Galonifontibus?) O. P. Erzbischof von Sulthanyeh // Archivum Fratrum Praedicatorum*, vol. VIII, 1938.

García de Silva y Figueroa, *L'Ambassade de D. Garcias de Silva Figueroa en Perse, contenant la politique de ce grand Empire, les moeurs du roy schach Abbas et une relation exacte de tous les lieux de Perse et des Indes où cet ambassadeur a esté l'espace de huit années qu'il y a demeuré*, traduite de l'espagnol par M. de Wicqfort, P., 1667.

Gardane, Paul-Ange-Louis de, *Journal d'un voyage dans la Turquie-d'Asie et la Perse, fait en 1807 et 1808*, P., 1809.

Gemelli Careri, *Voyage du tour du monde*, t. 1, P., É. Ganeau, 1719.

Gemelli Careri, *Voyage du tour du monde*, t. 2, P., 1726.

Gemelli Careri, Giovanni Francesco, *Giro del mondo*, Napoli, parte seconda, 1699.

Gibbon, Edward, *Histoire de la décadence et de la chute de l'Empire romain*, t. 8, P., 1828.

Gulbenkian, Roberto, Philippe de Zagly, marchand arménien de Julfa, et l'établissement du commerce persan en Courlande en 1696, REA, 1970.

Herbelot de Molainville, Barthélemy de, *Bibliothèque Orientale, Ou Dictionnaire Universel: contenant Généralement Tout ce qui regarde la connoissance des Peuples de l'Orient. Leurs Histoires et Traditions Veritables ou Fabuleuses: leurs Religions, Sectes et Politique*, Maestricht, Dufour & Roux, 1776.

Heyd W., *Histoire du commerce du Levant au Moyen Age*, t II, Leipzig, Harrassovitz, 1936.

Histoire Universelle de Jacques Auguste de Thou, depuis 1543 jusqu'en 1603, vol. 8, 1734.

Itinéraire du très-révérend frère Augustin Badjétsi, évêque arménien de Nakhidchévan, de l'ordre des Frères- Prêcheurs, à travers l'Europe...., trans. M. Brosset, – in: *Journal asiatique, troisième série, tome III*, P., 1837, mars.

Jaubert de Passa, François Jacques, *Recherches sur les arrosages chez les peuples anciens*, P., 1846.

Jenkinson, Anthony, *Early Voyages and Travels to Russia and Persia*, t. 1, London, 1886.

Joret, Charles, Jean-Baptiste Tavernier, écuyer, baron d'Aubonne, chambellan du Grand électeur, d'après des documents nouveaux et inédits, P., E. Plon, Nourrit et Cie, 1886.

Jourdain de Sévérac, *Les Merveilles de l'Asie, introduction et notes par H.Cordier*, P., Jacob, 1925.

Journal d'un voyage fait aux indes Orientales, t. II, Rouen, 1721.

Kelbizadə, Elnur, *Naxçıvanın Tarixi Coğrafiyası (XII– XVIII əsrin I yarısı)*, Naxçıvan, 2016.

Ker Porter, Robert, *Travel in Georgia, Persia, Armenia, ancient Babylonia during the yars 1817, 1818,1819, and 1820 by Sir Robert Ker Porter*, vol. I, London, 1821.

Ker Porter, Robert, *Travels in Georgia, Persia, Armenia, Ancient Babylonia, &c. during the years 1817, 1818, 1819, and 1820*, vol. 2, London, 1822.

Kotzebue, Moritz von, *Reise nach Persien mit der russisch-kaiserlichen Gesandtschaft im Jahre 1817*, Wien, 1825.

L' Extrême Orient dans la littérature et la cartographie de l'occident des XIIIe, XIVe, et XVe siècles, étude sur l'histoire de la géographie, par Ivar Hallberg, Göteborg, 1907.

Le grand dictionnaire géographique, historique et critique, par Antoine Auguste Bruzen de la Martinière, P., 1768.

- Le grand vocabulaire françois: contenant l'explication de chaque mot..., t. 3, P., 1768.
- Les fameux voyages de Pietro della Valle, t. II, P., 1670.
- Lettre du père Ricard, Missionnaire de la Compagnie de Jésus, du 7 août 1697, – in: Lettres édifiantes et curieuses: Mémoires du Levant, t. 3, Toulouse, 1810.
- Lettres édifiantes et curieuses concernant l'Asie, l'Afrique et l'Amérique, publiées sous la direction de M. L. Aimé-Martin, P., Auguste Desrez, 1838 – 1843, 4 vol, Lettre du P. Monier au P. Fleuriau sur l'Arménie, t. I, P., 1839.
- Lettres édifiantes et curieuses: Mémoires du Levant, t. 3, Toulouse, 1810.
- Lettres sur Caucase et la Géorgie suivies d'une relation d'un voyage en Perse en 1812, Hambourg, 1816.
- Loenertz, Raymond-Joseph, Evêques dominicains des deux Arménies, Archivium Fratrum Praedicatorum 10 (1940).
- Lucas, Paul, Voyage du Sieur Paul Lucas au Levant, t. 1, P., A la Haye, 1705.
- Lucas, Paul, Voyage du Sieur Paul Lucas au Levant, t. 2, P., Guillaume Vandive, 1704.
- Marco Polo, Le Livre de Marco Polo, éd. par G. Pauthier, P., 1865.
- Memoires du chevalier d'Arvieux, envoyé extraordinaire du Roy à la Porte, consul d'Alep, d'Alger, de Tripoli et autres Échelles du Levant, P., 1735.
- Morier, Jacques, Voyage en Perse, en Arménie, en Asie Mineure et à Constantinople fait dans les années 1808 et 1809, t.1, P., 1813.
- Morier, Jacques, Second voyage en Perse, en Arménie et dans l'Asie-Mineure fait de 1810 à 1816 par Jacques Morier, t. 2, P., 1818.
- Morier, James, A journey through Persia, Armenia, and Asia Minor, to Constantinople, in the years 1808 and 1809, London, 1812.
- Newberry's Voyages, – in: Hakluytus Posthumus or Purchas his Pilgrimes, contayning a History of the World in Sea Voyages and Lande Travells, by Englishmen and others (4 vols.), vol. VIII, 1625.
- Notice sur le couvent arménien de l'île de S. Lazare de Venise, par Victor Langlois, Venise, 1863.
- Nouveau dictionnaire hrstorique, ou Histoire abrégée de tous les hommes, à Caen, t. VII, 1786.
- Nouveaux Memoires des missions de la compagnie de Jesus dans le Levant, t. III, P., chez Guillaume Cavelier, 1723.
- Oustley, William Travels in Various Countries of the East, vol. 3, London, 1823.
- Pfeiffer, Ida, A Woman's Journey Round the World, by Ida Pfeiffer, Length, Echo Library, 2006.
- Poullet, Nouvelles relations du levant, seconde partie, P., chez Louis Billaine, 1668.
- Raphael du Mans, Estat de la Perse en 1660 publié avec notes et appendice par Ch. Schefer, P., 1890.

- Reisen des Johannes Schiltberger aus München in Europa, Asia und Afrika von 1394 bis 1427, München, 1859.
- Relation des grandes guerres et victoires obtenues par le roy de Perse Cha Abbas... par le père P. Fr. Anthoine de Gouvea, Religieux du mesme Ordre, Recteur du College de S. Augustin de Goa, Professeur en Theologie, Rouen, 1646.
- Relations des voyages de Guillaume de Rubruk, Bernard le Sage et Sæwulf, publiées en entier pour la première fois d'après les manuscrits de Cambridge, de Leyde et de Londres par Francisque Michel et Thomas Wright, P., 1839.
- Relation du voyage de Perse, fait par le R.P. Pacifique de Provins predicateur Capucin..., P., 1631.
- Relation d'une mission faite nouvellement par Mgr l'archevesque d'Ancyre, à Isapham en Perse, pour la réunion des Arméniens à l'Église catholique, P., 1702.
- Relazioni degli ambasciatori veneti al Senato, raccolte, annotate ed edite da Eugenio Albèri, Firenze, vol. II, 1844.
- Rhodes, Alexandre de, Divers voyages et missions du P. Alexandre de Rhodes en la Chine et autres royaumes de l'Orient, avec son retour en Europe par la Perse et l'Arménie..., troisième partie, P., 1653.
- Rhodes, Alexandre de, Voyages et missions du père Alexandre de Rhodes, de la Compagnie de Jésus, en la Chine et autres royaumes de l'Orient, P., 1854.
- Roger Bacon, Operis majoris, pars quarta, Mathematicae in divinis utilitas, Translation Copyright 1996 by Herbert M. Howep.
- Rotta, Ioannes, La vita del Sophi, re di Persia et di Media, Roma, 1508.
- Saint-Martin, Jean, Mémoires historiques et géographiques sur l'Arménie, t. 1, P., 1818.
- Sanson, Voyage, ou rélation de l'état present du royaume de Perse, P., 1695.
- Sanson, Nicolas, L'Asie, en plusieurs cartes nouvelles, et exactes; & en Divers Traittés de Geographie, et d'Histoire. Seconde édition, P., 1658.
- Schiltbergers, Hans, Reisebuch nach der Nürnberger Handschrift Herausgegeben, Tübingen, 1885.
- Schiltbergers, Hans, Reisen des Johannes Schiltberger aus München in Europa, Asia und Afrika von 1394 bis 1427, München, 1859.
- Tancoigne J. M., Lettres sur la Perse et la Turquie d'Asie, t. 1, P., 1819.
- Tavernier, Jean-Baptiste, Les Six Voyages de Jean-Baptiste Tavernier, écuyer baron d'Aubonne, qu'il a fait en Turquie, en Perse, et aux Indes, pendant l'espace de quarante ans, & par toutes les routes que l'on peut tenir: accompagnez d'observations particulieres sur la qualité, la religion, le gouvernement, les coutumes & le commerce de chaque païs; avec les figures, le poids, & la valeur de monnoyes qui y ont court, P., Gervais Clouzier, 1676.
- Tavernier, Jean-Baptiste, Les Six Voyages de Jean-Baptiste Tavernier, t. 1, P., Pierre Ribou, 1713.

- Tavernier Seyahatnamesi, Editor: St. Yerasimos, Wer. Teoman Tunçdoğan, Kitap Yayınevi, İstanbul, 2006.
- Thevenot, Jean, Relation d'un voyage fait au Levant dans laquelle il est curieusement traité des estats sujets au Grand Seigneur et des singularitez particulières de l'Archipel, Constantinople, Terre-Sainte, Égypte, pyramides, mumies [sic], déserts d'Arabie, la Meque, et de plusieurs autres lieux de l'Asie et de l'Afrique outre les choses mémorables arrivées au dernier siège de Bagdat, les cérémonies faites aux réceptions des ambassadeurs du Mogol et l'entretien de l'auteur avec celui du Pretejan, où il est parlé des sources du Nil, P., 1665.
- Thevenot, Jean, Suite du voyage de Levant, dans laquelle, après plusieurs remarques très singulières sur des particularitez de l'Égypte, de la Syrie, de la Mésopotamie, de l'Euphrate et du Tygre, il est traité de la Perse et autres estats sujets au roy de Perse et aussi des antiquitez de Tchehelminar et autres lieux vers l'ancienne Persepolis, et particulièrement de la route exacte de ce grand voyage, tant par terre, en Turquie et en Perse, que par mer, dans la Méditerranée, golfe Persique et mer des Indes, seconde partie, P., 1674.
- Tournefort, Pitton de, Relation d'un voyage du Levant: fait par ordre du Roi par M. Pitton de Tournefort: contenant l'histoire ancienne & moderne de plusieurs isles de l'archipel, de Constantinople, des côtes de la Mer Noire, de l'Arménie, de la Géorgie, des frontières de Perse et de l'Asie Mineure, enrichie de descriptions & de figures d'un grand nombre des plantes rares, de divers animaux et de plusieurs observations touchant l'histoire naturelle, t. III, Lyon, 1717.
- Tournefort, Pitton de, Relation d'un voyage du Levant: fait par ordre du Roi par M. Pitton de Tournefort, contenant l'histoire ancienne et moderne de plusieurs isles de l'Archipel, de Constantinople, des Côtes de la Mer Noire, de l'Arménie, de la Géorgie, des frontières de Perse et de l'Asie Mineure ..., t. II, Amsterdam, 1718.
- Travels to Tana and Persia by Josafa Barbaro and Ambrogio Contarini, Hakluyt Society, London, 1873.
- Vandal, Albert, L'Odyssée d'un ambassadeur: les voyages du marquis de Nointel 1670–1680, P., Plon-Nourrit et Cie, 1900.
- Viaggi di Pietro Della Valle il pellegrino, descritti da lui medesimo in lettere familiari all'erudito suo amico Mario Schipano, divisi in tre parti cioè: la Turchia, la Persia e l'India. Colla vita e ritratto dell'autore, Torino, 1843.
- Viaggio d'un Mercante, – in: Secondo volume delle navigationi et viaggiinella, Venice, Stamperia de Giunti, 1559.
- Viaggi fatti da Vinetia, alla Tana, in Persia, in India, et in Costantinopoli: con la descrizione particolare di città, luoghi, siti, costumi, & della Porta del gran Turco: & di tutte le intrate, spese, & modo di governo suo, & della ultima impresa contra portoghesi, ed. Manuzio, Antonio, 1545, Venice (1545).

- Villotte, Jacques, Commentarius in Evangelia = Meknic' Srboy Awetaranin. Roma: Sacra Congregatio de Propaganda Fide, 1714.
- Villotte, Jacques, Voyages d'un missionnaire de la compagnie de Jésus en Turquie, en Perse, en Arménie, en Arabie en en Barbarie [rédigés par le P. Nicolas Frizon], chez Jacques Vincent, P., 1730.
- Voyages de Pietro della Vallé, Rouen, Chez Robert Machuel, t. 3, Rouen, 1745.
- Voyage d'Orient du R. P. Philippe de la Très Sainte Trinité, carme déchaussé, ou il décrit les divers succez de son voyage, plusieurs régions d'Orient, leurs montagnes, mers et leurs fleuves, la chronologie des princes qui y ont dominé, leurs montagnes, habitans tant chrestiens qu'infidèles. Lyon, 1652, 1669.
- Voyages faits principalement en Asie dans les XII, XIII, XIV, et XV siècles, par Benjamin de Tudèle, Jean du Plan-Carpin, N. Ascelin, Guillaume de Rubruquis, Marc Paul vénitien, Haiton, Jean de Mandeville, et Ambroise Contarini: accompagnés de l'Histoire des Sarasins et des Tartares, et précédés d'une Introduction concernant les voyages et les nouvelles découvertes des principaux voyageurs, par Pierre Bergeron, t. I, Amsterdam, La Haye, 1735.
- Yule, Henry, Cathay and the Way Thither: being a collection of medieval notices of China, 2 vol, London, 1866.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	5
Глава первая. «Нахичеван в записках европейских путешественников XIII–XV веков».....	10
Глава вторая. «Нахичеван в записках европейских путешественников XVI века».....	44
Глава третья. «Нахичеван в записках европейских путешественников XVII века».....	50
1. «Нахичеван в записках европейских путешественников 1600–1630 годов»	51
2. «Нахичеван в записках европейских путешественников 1630–1650 годов»	72
3. «Нахичеван в записках европейских путешественников второй половины XVII века»	83
4. «Нахичеван в записках европейских путешественников-миссионеров 1650–1700 годов»	167
Глава четвертая. «Развитие образа Нахичевана в записках европейских путешественников XIII–XVII веков»	204
Անփոփոխ	225
Summary	230
Список источников и использованной литературы	234

ГОАР КАРАГЕЗЯН

НАХИЧЕВАН В ЗАПИСКАХ ЕВРОПЕЙСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ (XIII – XVII вв.)

Компьютерная верстка В. Папян

Заказ № 973

Подписано к печати 17.11. 2019 г.

Формат 70 x 100 ¹/₁₆. Печ. л. 15.75.

Тираж 250 экз.

Цена договорная.

Типография издательства «Гитутюн» НАН РА,
Ереван, пр. Маршала Баграмяна 24

